

Очеркъ развитія
вѣдающихся военныхъ
событій отъ начала
русси до нашихъ дней
изданіе
И. И. КУШНЕРЕВА.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СИЛА.

Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій
отъ начала Руси до нашихъ дней.

Составлено группою офицеровъ Генеральнаго
Штаба въ Москвѣ.

СЪ РИСУНКАМИ, КАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

ИЗДАНИЕ

И. Н. Кушнерева.

ВЫПУСКЪ Ш.

Царскій періодъ: 1. Царствованіе Іоанна IV и
Феодора Іоанновича.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №,
Пименовская улица, собствен. домъ.

1889.

Дозволено цензурою. Москва, мая 16 дня, 1889 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ издателя.

Глава I.

Стр.

Вступленіе на престолъ Іоанна IV.—Война съ Литвою. — Отношенія къ Крыму и Казани.—Нашествіе крымскаго хана Саипъ-Гирея.—Совершенство Іоанна IV.—Первый и второй походы царя противъ Казани; построение Свіяжска 3

Глава II.

Третій походъ Іоанна противъ Казани.—Осада и взятіе Казани.—Покореніе Астрахани.—Дѣйствія противъ Крыма 25

Глава III.

Война съ Ливоніей (1558—60 г.).—Распаденіе Ливонскаго ордена.—Война съ Польшей и Швеціей.—Нашествіе крымскаго хана Девлетъ-Гирея.—Оборона Пскова 67

Глава IV.

Покореніе Сибири при Іоаннѣ IV и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ . . . . .
Нашествіе крымскихъ татаръ . . . . .
Война съ Швеціей (1590—1593 гг.) 115

II

Глава V.

	<i>Стр.</i>
Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Іоаннѣ IV Васильевичѣ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ	144
1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ	—
2. Составъ войскъ; ихъ одежда и вооруженіе.	150
Конница	—
Казачи	157
Пѣхота	161
Одежда и вооруженіе конницы и пѣхоты	167
Русское огнестрѣльное оружіе	174
Артиллерія	180
3. Сторожевая пограничная служба	202
4. Внутреннее устройство войскъ.—Управленіе войскомъ въ мирное и военное время. — Сраженіе войска.—Жалованье и продовольствіе. — Награды за службу	211
5. Состояніе военно-инженернаго искусства. — Система обороны государства при посредствѣ укрѣпленныхъ городовъ. — Распредѣленіе послѣднихъ по границамъ и внутри государства.—Оборонительныя ограды укрѣпленныхъ городовъ.—Военные строители. — Полевое инженерное дѣло	219
6. Сборъ войскъ (конницы).—Походныя движенія.—Боевой порядокъ и образъ дѣйствій войскъ въ бою.—Атака и оборона укрѣпленныхъ городовъ.—Характеръ веденія войнъ въ рассматриваемый періодъ	242

Отъ издателя.

Подобнаго изданія, систематически составленнаго и заключающаго въ себѣ всю исторію развитія военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ отъ самаго его начала до нашего времени,—у насъ еще не было. Были отрывки изъ исторіи образованія военнаго дѣла въ томъ или другомъ періодѣ существованія Русскаго государства, но чего-нибудь *цѣльнаго* по этому предмету мы не знаемъ, кромѣ военной исторіи князя Голицына, оставшейся неоконченною. Стоила она очень дорого, при ней не было рисунковъ — и притомъ изданіе это было вполне *спеціальное*, на что мы насколько не претендуемъ. Напротивъ того, мы стараемся сдѣлать наше изданіе настолько популярнымъ, чтобы рассказанное въ немъ было доступно пониманію большинства, какъ разумомъ, такъ и наглядно, благодаря рисункамъ и картамъ. Затѣмъ, насколько все сказанное у насъ вѣрно, въ томъ читатель всегда можегъ убѣдиться самъ, такъ какъ къ каждой книгѣ прилагается перечень тѣхъ источниковъ, которыми пользовался ея составитель.

Нужно ли говорить, что такая книга, какъ средство для послѣдовательнаго ознакомленія съ исторіей русскаго военнаго дѣла въ Россіи, полезна для юношества и интересна для каждаго взрослого? Юноша почерпнетъ изъ нея тѣ необходимыя для него знанія, которыя, при существующей у насъ всеобщей воинской повинности, рано или поздно, ему пригодятся, тѣмъ болѣе, что въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ не дается никакого понятія о военномъ дѣлѣ; и Министерство Народнаго Просвѣщенія, одобряя наше изданіе: „Русская Военная Сила“, для **дѣтскаго и юношескаго возраста** подвѣдомственныхъ ему учебныхъ введеній, смѣетъ думать, **отечески заботится** о будущемъ положеніи этихъ дѣтей и юношей, когда они должны будутъ встать въ ряды людей, знанія и требованія которыхъ совершенно для нихъ чужды, несмотря на то, что они окончили высшее образованіе.

Для каждаго взрослого русскаго человѣка книга наша должна имѣть особый интересъ какъ съ патріотической, такъ и съ научной точки зрѣнія. Извѣстно, что развитіе военныхъ силъ страны идетъ всегда рука объ руку съ развитіемъ самосознанія народа, съ увеличеніемъ благосостоянія его и съ вытекающею изъ того потребностью, охранять интересъ государственные, общественные и отдѣльныхъ лицъ отъ посторонняго посягательства. **Послѣдствіемъ развитія военныхъ силъ и совершенствованія оружія, является политическое могущество** Государства, обеспечивается спокойствіе вышнее и представляется наибольшая возможность къ развитію благосостоянія

внутренняго. Такимъ образомъ, между этими двумя стимулами государственной жизни существуетъ тѣсная зависимость—и знаніе одного влечетъ за собою изученіе другаго, безъ чего невозможно и правильное пониманіе исторіи Государства, между тѣмъ, принятые въ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, учебники исторіи Россіи такъ мало и то вскользь говорятъ о русскихъ военныхъ силахъ въ различныхъ эпохи существованія Государства, что мы своимъ изданіемъ надѣемся достаточно пополнить этотъ пробѣлъ, доставивъ полезное и въ высшей степени занимательное чтеніе для нашей молодежи.

Что касается до гг. военныхъ и войсковыхъ частей, то, предпринимая наше изданіе, мы имѣли въ виду представить предъ ними наглядно всю картину послѣдовательнаго развитія нашихъ военныхъ силъ, постепенный переходъ ихъ изъ одной стадіи въ другую, отъ малочисленной дружины Святослава до двухмилліонной Императорской Россійской арміи настоящаго времени. Мы желали прослѣдить всѣ войны нашихъ русскихъ войскъ и въ сжатой формѣ изобразить все то, что разсыяно въ массахъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, описывающихъ отдѣльные войны и походы, частію недоступныхъ для большинства по своей цѣнѣ, а частію сдѣлавшихся уже библиографическою рѣдкостью. Гг. военные, желающіе подробнѣе ознакомиться съ однимъ какимъ-либо отдѣломъ развитія русскихъ военныхъ силъ, найдутъ у насъ указанія, какими источниками можно для этого пользоваться.

Насколько намъ извѣстно, отдѣла изученія военной исторіи въ нашихъ конекскихъ училищахъ вовсе не существуетъ. Военныя же училища, пользуясь для изученія его книгой генерала Леера „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“, имѣютъ въ ней лишь пособіе къ изученію военной исторіи, (которая, при недостаткѣ времени въ училищахъ вообще, не можетъ быть проходима достаточно полно); она не можетъ служить даже для пополненія впоследствии свѣдѣній приобретаемыхъ въ этихъ училищахъ, а тѣмъ болѣе для передачи краткихъ свѣдѣній о русскихъ войскахъ солдатамъ,—чему съ успѣхомъ можетъ послужить наше изданіе. Позволимъ себѣ надѣяться, что „Русская военная сила“ можетъ быть настольной книгой для гг. офицеровъ, въ особенности состоящихъ въ строевыхъ частяхъ войскъ. Въ послѣднее время среди войсковыхъ начальниковъ явилась мысль о необходимости для солдатъ письменныхъ памятникѣвъ о подвигахъ различныхъ частей войскъ, и въ прошломъ году въ *Русскомъ Инвалидѣ*, (№ 199) мы съ удовольствіемъ прочитали прекрасную, по этому поводу, статью генерала Манькина-Невструева о составленіи такихъ памятникѣвъ—„краткихъ исторій для солдатъ“ въ полкахъ Гренадерскаго корпуса. Наше изданіе можетъ облегчить труды гг. офицеровъ, призванныхъ къ этому дѣлу.

Мы надѣемся, что оно послужитъ съ пользою, для чтенія въ ротныхъ школахъ, учебныхъ командахъ и для ротныхъ, батальонныхъ и полковыхъ библиотекъ.

Ив. Кунигеровъ.

ГЛАВА I.

Вступленіе на престолъ Іоанна IV. — Война съ

Литвою.—Отношенія къ Крыму и Казани.—Нашествіе крымскаго хана Саипъ-Гирея. — Совершеннолѣтіе Іоанна IV.—Первый и второй походы царя противъ Казани; построеніе Свѣжска.

Въ ночь на 4 декабря 1533 года скончался великій князь Василій Іоанновичъ, благословивъ на великое княженіе трехлѣтняго наследника престола,

Іоанна; опека надъ послѣднимъ и кормило государственнаго правленія до совершеннолѣтія Государя

поступили въ руки великой княгини, вдовы Васи-
лія III, Елены Васильевны.

Руководимая боярами изъ старинныхъ москов-
скихъ боярскихъ родовъ, опытными въ управленіи
государствомъ, правительница не уклонилась въ дѣ-
лахъ внѣшней политики отъ системы Василія III—
поддерживать миръ съ сосѣдями безъ страха за
войну—и въ январѣ 1534 года отправила посоль-
ства въ сосѣднія государства съ извѣщеніемъ о вос-
шествіи на престолъ Іоанна и для поддержанія дру-
жественныхъ отношеній.

Однако можно было ожидать, что противники не
преминутъ воспользоваться малолѣтствомъ Государя
и наступившими смутами среди бояръ и съ раз-
ныхъ сторонъ вторгнуться въ предѣлы государ-
ства.

И дѣйствительно, не успѣлъ еще вернуться по-
соль нашъ отъ крымскаго хана Саипъ-Гирея, какъ
въ Москвѣ узнали, что крымскіе татары напали на
Рязанскія области, гдѣ на берегахъ рѣки Прони
были разбиты (8 мая) русскими воеводами, князья-
ми Пунковымъ и Хрипуновымъ.

Слѣдовало ожидать также непріязненныхъ дѣй-
ствій и со стороны Литвы: король польскій Сигиз-
мундъ I, въ отвѣтъ послу нашему, присланному съ
изъявленіемъ дружбы, требовалъ возврата Польшѣ

всѣхъ городовъ, отнятыхъ у нея великимъ княземъ Васи́лемъ III.

Опасаясь болѣе Крымскаго хана, нежели Литвы, Московское правительство двинуло для защиты Украины войска подѣ начальствомъ князей: Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго въ Коломну, а роднаго брата его и окольничаго Ивана Васильевича Ляцкаго въ Серпуховъ. Походъ этотъ кончился неудачей: послѣдніе двое измѣнили и бѣжали въ Литву.

Удачнѣе шли дѣла противъ этой послѣдней. Въ 1533 году истекъ срокъ перемирія съ Литвою и сношенія съ нею прекратились. Въ слѣдующемъ 1534 году литовцы не замедлили открыть непріязненныя дѣйствія. Не встрѣчая русскихъ войскъ въ полѣ, они безнаказанно опустошали лѣтомъ Сѣверскую область (окрестности Чернигова, Новгорода-Сѣверскаго, Радогоща, Стародуба и Брянска), но терпѣли пораженіе подѣ стѣнами городовъ: въ сентябрѣ кievскій воевода Андрей Немировичъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ отъ Стародуба (съ потерей 40 пушекъ) и затѣмъ совершенно разбитъ подѣ Черниговомъ. Здѣсь гарнизономъ начальствовалъ мужественный воевода, князь Ѳедоръ Мезецкій; удачнымъ дѣйствіемъ изъ огнестрѣльнаго наряда онъ не позволилъ литовцамъ близко подойти къ стѣнамъ города и съ наступленіемъ ночи вы-

слалъ черниговцевъ ударить на станъ непріятеля. Неожиданное нападеніе произвело страшную тревогу въ литовскомъ лагерѣ и окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля; безъ труда смятые и отброшенные въ безпорядкѣ, литовцы оставили побѣдителямъ весь свой обозъ и пушки.

Въ то же время другой воевода короля Сигизмунда, князь Александръ Вишневецкій, потерпѣлъ неудачу подъ стѣнами Смоленска.

Между тѣмъ Московское правительство только въ октябрѣ двинуло войска противъ Литвы изъ Москвы, Новгорода и Пскова. Московскіе воеводы, въ свою очередь, не встрѣчая на своемъ пути королевскихъ войскъ въ полѣ и избѣгая осады городовъ, опустошили владѣнія Литвы и возвратились въ Россію въ началѣ марта.

На слѣдующій годъ (1535), узнавъ о приготовленіяхъ Польскаго короля для вторженія въ Смоленскую область, Московское правительство рѣшило предупредить врага: изъ Москвы выступила рать, подъ начальствомъ Василя Василовича Шуйскаго, къ Мстиславлю, съ цѣлью овладѣть этимъ городомъ, и новгородская рать, подъ начальствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго и Михаила Семеновича Воронцова, должна была сосредоточиться въ Опочкѣ и опустошать Литву набѣгами; въ то же время

дворецкій новгородскій Бутурлинъ со псковитянами долженъ былъ поставить крѣпость въ непріятельской землѣ при озерѣ Себежѣ. Шуйскій истребилъ огнемъ посадъ Мстиславскій, но не могъ взять города, такъ какъ не имѣлъ „подкопщиковъ“ и, удовольствовавшись опустошеніемъ окрестностей, отошелъ къ Смоленску. Князь Борисъ Горбатый и Михаилъ Воронцовъ только отчасти выполнили данное имъ повелѣніе: отрядивъ воеводу Бутурлина съ сильнымъ отрядомъ къ Себежу, они остановились въ Опочкѣ и не двигались въ Литву; Бутурлинъ успѣлъ безпрепятственно построить новую крѣпость Себежъ *), которая была возведена въ 3 недѣли и снабжена пушками и продовольственными запасами.

Однако и король Сигизмундъ, пользуясь содѣйствіемъ Крымскаго хана и беззащитнымъ положеніемъ Малороссіи, не оставался въ бездѣйствіи.

Пока русскія войска опустошали восточные предѣлы Литвы, сорока - тысячное литовское войско (подъ начальствомъ гетмана Юрія Радзивила, Андрея Немировича, польскаго гетмана Тарновскаго и московскаго бѣглеца Семена Бѣльскаго) вторгнулось въ Сѣверскую область, взяло безъ сопротивленія

---

*) Крѣпость получила наименованіе Иванъ-Города.

Гомель, оставленный малодушно намѣстникомъ, княземъ Щепинымъ-Оболенскимъ, и затѣмъ осадило Стародубъ.

Въ это же время крымскіе татары произвели набѣгъ на южныя наши области, что отвлекло русскія силы, направленные къ Гомелю и Стародубу. Въ составѣ литовскаго войска много находилось наемныхъ иностранныхъ ратниковъ, пушкарей, пищальниковъ и подкопщиковъ.

Обступивъ Стародубъ со всѣхъ сторонъ, литовцы открыли огонь изъ пушекъ и пищалей. Воевода стародубскій, князь Ѳедоръ Телепневъ-Оболенскій, сначала мужественно оборонялся съ малымъ гарнизономъ, но тайно подведенный подкопъ, взрывъ городской стѣны и затѣмъ штурмъ литовцевъ 29 августа передали крѣпость съ гарнизономъ и его воеводою въ руки непріятели. *„А того лукавства подкопу подъ городъ не позналъ“* (воевода), наивно замѣчаетъ лѣтописецъ, *„что напередъ того въ нашихъ странахъ не бывало подкопу подъ городъ“* *). Удовольствовавшись взятіемъ Гомеля и Стародуба, литовцы не пошли далѣе. Между тѣмъ существованіе новой Себежской крѣпости въ предѣлахъ Литвы не могло не беспокоить короля Сигизмунда, рѣ-

---

*) Царственная книга, стр. 50.

шившаго поэтому взять ее, во что бы то ни стало. Съ этою цѣлью въ февралѣ 1536 года онъ выслалъ къ Себежу, подъ начальствомъ Андрея Немировича, двадцати-тысячное войско съ значительнымъ числомъ пушекъ, которое и обложило городъ 27 февраля; однако и на этотъ разъ Немировичъ потерпѣлъ полную неудачу и едва успѣлъ самъ ускакать отъ плѣна, чтобы донести престарѣлому королю о гибели его войска.

Воспользовавшись побѣдою, московскіе воеводы двинулись въ Литву, сожгли посады Любеча и Витебска и построили новыя крѣпости на литовскомъ рубежѣ: Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ въ Торопецкомъ уѣздахъ; Стародубъ и Почепъ, оставленные литовцами, были возобновлены.

Въ большинствѣ случаевъ удачныя дѣйствія русскихъ войскъ ясно показали королю Сигизмунду, какъ ошибочны оказались его расчеты на внутрення смуты и слабость Московскаго государства и на возможность легкаго возврата отвоеванныхъ Василиемъ III литовскихъ городовъ. Рѣшивъ прекратить бесполезную борьбу, Сигизмундъ I еще въ началѣ 1536 года открылъ переговоры о перемиріи, которые тянулись однако нѣсколько мѣсяцевъ, пока не ускорило ходъ ихъ себежское пораженіе; Московское правительство съ своей стороны также

находило необходимымъ заключить это перемиріе, дабы развязать себѣ руки по отношенію Крыма и Казани. Наконецъ, 25 марта 1537 года, перемиріе было заключено на 5 лѣтъ, по которому Московское государство удержало за собою Себежъ и Заволочье, а Литва—Гомель.

Въ отношеніи Крыма правительница соблюдала твердую политику, не страшась угрозъ хана, и употребляла возможные усилія для утвержденія въ Казани русской власти, когда казанскіе мурзы, умертвивъ Еналея и снова призвавъ крымскаго князя Сафа-Гирея, хотѣли избавиться отъ русской зависимости.

Чтобы поддержать московскую партію въ Казани, правительство освободило изъ заключенія бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея, имѣя въ виду посадить его опять на Казанское царство. Слѣдуя системѣ Іоанна III и Василя III, Боярская Дума не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Крымскаго хана, разбойничьи отряды котораго часто появлялись на берегахъ быстрой Сосны и немедленно уходили въ степи при приближеніи нашихъ войскъ. Поддерживаемый Крымомъ и Сафа-Гирей открылъ непріязненные дѣйствія набѣгами на Нижегородскія области.

Чтобы не вести войны съ двухъ сторонъ, Мос-

ковское правительство соглашалось признать Сафа-Гирея царемъ въ Казани, лишь бы онъ сохранялъ прежнія подручническія отношенія къ Москвѣ. Въ этомъ смыслѣ и послана была отвѣтная грамота къ Саипъ-Гирею, въ которой великій князь писалъ: „Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержалъ рать и послалъ своего человека къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть прилетѣтъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ наши держали прежнихъ казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская земля юртъ твой, то посмотри въ старые твои мѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами, а какъ дѣдъ наши, милостію Божіею, взяли и царя свелъ, — того ты не помнишь! Такъ ты бы, братъ наши, помня свою старину и нашей не забывалъ“ *).

Такъ установились въ правленіе Елены отношенія къ Литвѣ, Крыму и Казани. Кромѣ того въ 1537 году заключенъ былъ мирный договоръ съ Швеціей, по которому король Густавъ-Ваза обя-

---

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. 6.

зался не помогать ни Литвѣ, ни Ливонскому ордену въ войнѣ ихъ съ Москвою; съ Ливоніей подтверждены были прежніе договоры.

Въ апрѣлѣ 1538 года Елена скончалась; со смертью ея измѣнилась внѣшняя политика Московскаго правительства. Правленіе государствомъ перешло къ Боярской Думѣ и власть захватили въ свои руки князья Шуйскіе, потомки Суздальскихъ удѣльныхъ князей и приверженная имъ партія бояръ. Занятые болѣе личными выгодами, дерзкіе и корыстолюбивые сами, потворствовавшіе различнаго рода поборамъ и угнетеніямъ народа со стороны намѣстниковъ, воеводъ и даже низшихъ чиновниковъ, правители мало заботились о поддержаніи чести государства и защитѣ его отъ внѣшнихъ враговъ. Крымцамъ и казанцамъ предоставлена была свобода грабить пограничныя московскія области; *„мы были, — говорятъ лѣтописцы, — жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: ханъ Крымскій давалъ намъ законы, царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ“* *) Литва еще, соблюдая перемиріе, не тревожила Россію; перемиріе съ нею продолжено было на 7 лѣтъ.

Только въ 1541 году, съ удаленіемъ изъ Боярской Думы Ивана Шуйскаго и приверженныхъ ему

---

*) Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос.“, т. VIII.

бояръ и съ возвращеніемъ въ нее освобожденнаго изъ заключенія боярина Бѣльскаго, дѣла государственнаго правленія пошли лучше; управляя съ умѣренностью и благоразуміемъ внутри государства, партія Бѣльскихъ улучшила и внѣшнія дѣла. Въ декабрѣ того же года во Владимірѣ была собрана сильная рать, подѣ начальствохъ боярина Димитрія Бѣльскаго, противъ Сафа-Гирея, вторгнувшагося въ Нижегородскія области и подступившаго къ Мурому. Отраженный гарнизономъ послѣдняго, а затѣмъ разбитый царемъ Шигъ-Алеемъ съ вѣрными ему татарами изъ Касимова и угрожаемый наступленіемъ рати боярина Бѣльскаго, Сафа-Гирей поспѣшно отступилъ. Неудачный походъ его умножилъ число недовольныхъ въ Казани и тѣмъ усилилъ партію, приверженную Москвѣ.

Враждебныя дѣйствія Сафа-Гирея находились въ связи съ таковыми же крымскаго хана Саипа, уговорившаго казанскаго царя одновременно открыть походъ противъ Москвы.

Предположеніе о совмѣстномъ дѣйствіи Саипа и Сафы-Гирея побудило бояръ собрать на всякій случай войска въ Коломнѣ. Дѣйствительно, весною того же года въ Москвѣ узнали (черезъ плѣнниковъ, спасшихся изъ Крыма), что ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею своею ордою, что у него

дружина султанова съ пушками и съ пищалями и что къ нему присоединились толпы изъ ногайскихъ улусовъ, астраханцы, азовцы и бѣлогородцы (акерманцы).—Высланная въ поле пограничная станица (отъ Путивля) донесла, что напала на слѣды многочисленнаго войска „тысячъ со ста и болѣе“. Въ виду полученныхъ извѣстій двинуто было изъ Москвы къ рѣкѣ Окѣ значительное войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Димитрія Ѳедоровича Бѣльскаго; ему и воеводамъ, находившимся въ Коломнѣ, приказано было стать на лѣвомъ берегу рѣки Оки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и прежде становились воеводы противъ хановъ, а князю Юрію Михайловичу Булгакову-Голицыну съ однимъ изъ татарскихъ царевичей—на р. Пахрѣ. Для обезпеченія восточныхъ областей со стороны казанскаго царя Сафа-Гирея повелѣно было стягиваться къ Владиміру войскамъ изъ Костромы воеводы князя Ѳеодора Шуйскаго и изъ Мещеры (Касимова) царя Шигъ-Алея на помощь стоявшему тамъ воеводѣ князю Ивану Шуйскому.

Опасность, казалось, была велика, за то и мѣры были приняты чрезвычайныя. Со всѣхъ сторонъ стекались дружины по даннымъ указаніямъ; въ Москвѣ рѣшили приготовиться къ осадѣ на случай неудачи дѣйствія войскъ, высланныхъ на Оку: лю-

дей росписали на дружины для защиты городских стѣнъ, воротъ и башенъ (возведенныхъ въ 1538 г.), разставили по мѣстамъ пушки и пищали, по улицамъ въ предмѣстьѣ ставили надолбы.

Представлявшаяся опасность сплотила всѣхъ въ войскѣ и народѣ: бояре оставили споры о мѣстничествѣ и дружно стали на защиту отечества; московскіе граждане обязали себя добровольно обѣтомъ „положить головы за святые храмы, Государя и дома свои“. Войска, возбужденныя грамотою юнаго князя къ воеводѣ Большаго полка, Дмитрію Бѣльскому *), и рѣчами военачальниковъ, двинулись къ Окѣ, на берегахъ которой стояла уже передовая московская дружина.

28 іюля Саицъ-Гирей подошелъ къ крѣпости Осетру, **) но былъ отбитъ воеводою Глѣбовымъ и продолжалъ движеніе далѣе къ Окѣ.

30 іюля, въ 3 часа дня, ханъ подступилъ къ правому берегу рѣки (у Коломны) и занялъ высоты; татары готовились къ переправѣ. Передовой рус-

---

*) Въ грамотѣ своей великій князь убѣждалъ воеводу оставить всѣ личности, всѣ несогласія, соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за вѣру и государя. „Ока да будетъ неодолимою преградой для хана!“ писалъ Іоаннъ, „а если не удержишь врага, то заградите ему путь къ Москвѣ своею грудью“ (Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос.“, т. VIII).

**) Зарайску.

скій полкъ, подъ начальствомъ князя Турунтая Пронскаго, занимавшій лѣвый берегъ рѣки, открылъ съ ними перестрѣлку (*„и учали стрѣляти многими стрѣлами, и полетѣша стрѣлы, аки дождь“*). Татары, полагая, что у насъ нѣтъ болѣе войскъ, спустили плоты на рѣку и начали переправу, для обезпеченія которой открыли огонь изъ пушекъ и пищалей. Передовой полкъ дрогнулъ было, по на помощь къ нему подходили уже одинъ за другимъ съ полками князя Пунковъ, Микулинскій, Серебряный-Оболенскій, Курбскій, Шуйскій и, наконецъ, Бѣльскій; вдали показались и сторожевые полки. Увѣренный, что все русское войско пошло къ Казани, ханъ удивился, встрѣтивъ противъ себя многочисленную рать, и хотѣлъ тотчасъ отступить, но былъ удержанъ мурзами; узнавъ же о прибытіи къ ночи въ русскій станъ *„большаго наряда“*, не сталъ дожидаться разсвѣта и поспѣшно отступилъ тѣмъ же путемъ, истребивъ одну часть своихъ обозовъ и бросивъ другую съ турецкими пушками. Для развѣдки объ отступленіи татаръ воеводы выслали Левина, затѣмъ для преслѣдованія ихъ—отряды Микулинскаго и Оболенскаго.

Желая загладить стыдъ своей неудачи какимъ либо успѣхомъ, Саипъ-Гирей, по совѣту мурзъ, направился къ Пронску и обложилъ этотъ городъ.

Начальствовавшій тамъ бояринъ Василій Жулѣбинъ (правнукъ Остѣя, мужественнаго защитника Москвы во время нашествія Тохтамышя), несмотря на малочисленность гарнизона, отбилъ приступъ татаръ и рѣшился обороняться до послѣдней крайности; вооружилъ всѣхъ городскихъ гражданъ и приготовилъ средства къ упорной оборонѣ: по всему валу разставлены были пушки, навалены огромныя груды камней, кипѣли чаны съ водою.

Съ своей стороны татары готовили туры къ новому приступу, но уже приближались освободители Пронска Микулинскій и Серебряный. Узнавъ о томъ, непріатели сняли обложеніе города и послѣшно отступили къ Дону; полки наши двинулись за ними, но найдя, что татары уже переправились, возвратились въ Москву, отрядивъ за Донъ наблюдательный отрядъ. Въ слѣдующемъ году, какъ бы въ отомщеніе за неудачный походъ, татары вторгнулись весною въ Сѣверскую область и въ августѣ въ Рязанскую, но также потерпѣли неудачу.

Счастливыѣ оказались для нихъ набѣги въ декабрѣ 1544 года на Бѣлевскія и Одоевскія земли, благодаря ссорѣ князей Щенятева, Шкурлятева и Воротынскаго „за мѣста“ и, вслѣдствіе сего, полному ихъ бездѣйствію.

Между тѣмъ и казанскіе татары продолжали ра-

зорять по временамъ наши восточныя области. Дабы прекратить набѣги ихъ и тѣмъ обезпечить съ этой стороны границы Московскихъ владѣній, были предприняты противъ Казани два похода въ 1545 году (въ апрѣлѣ и декабрѣ), которые не привели однако ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Вообще дѣйствія Московскаго правительства по отношенію къ Казани были вялы, не заключали въ себѣ ничего рѣшительнаго и служили скорѣе отвѣтомъ казанцамъ и наказаніемъ за ихъ набѣги, нежели предвѣстникомъ скорого паденія Казанскаго царства.

Достигнувъ въ 1547 году совершеннолѣтія и принявъ вѣнчаніе царскимъ вѣнцомъ, Іоанъ IV, послѣ знаменитаго въ этомъ году московскаго пожара, взялъ въ свои руки управленіе государствомъ. Приблизивъ къ себѣ людей достойныхъ и руководимый ими, юный Царь обратилъ вниманіе на искорененіе зла, пустившаго глубокіе корни во внутреннемъ управленіи государствомъ за время самовластиа бояръ, *„упражнявшихся, — по словамъ Іоанна — во многихъ хищеніяхъ, корыстяхъ и обидахъ“*, а равно — и на болѣе твердую политику по отношенію къ Казани, приличную могущественному по тому времени царству.

Въ томъ же году Царь рѣшилъ самъ выступить

въ походъ противъ Казани и 20 ноября отправилъ впередъ во Владиміръ князя Димитрія Ѳеодоровича Бѣльскаго съ другими воеводами для сбора туда ратныхъ людей; Шигъ-Алею и князю Воротынскому приказано было выступить изъ Мещеры и присоединиться къ нему на устьѣ Цывельскомъ *). Самъ Царь выѣхалъ изъ Москвы во Владиміръ 11 декабря, приказавъ везти туда за собою нарядъ пушечный и пищальный, который опоздалъ однако прибытіемъ на цѣлый мѣсяцъ, будучи задержанъ дождями и безснѣжіемъ. Изъ Владиміра выступилъ Государь 8 января въ Нижній-Новгородъ, куда и прибылъ 26 числа; февраля 12 ночевалъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, а на другой день остановился на островѣ Роботкѣ. Между тѣмъ наступила сильная оттепель, ледъ покрылся водою, много пушекъ и пищалей проломилось въ рѣку, масса людей потонула въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Продавъ три дня удобнаго пути, Іоаннъ отправилъ къ Казани съ значительными силами князя Димитрія Ѳеодоровича Бѣльскаго, приказавъ ему соединиться съ Шигъ-Алеемъ, самъ же возвратился въ Москву 7 марта. Между тѣмъ Бѣльскій, соединившись 18 февраля

---

*) Казанской губ., Чебоксарскаго уѣзда.

съ Шигъ-Алеемъ, подступилъ къ Казани; на Арскомъ полѣ встрѣтилъ ихъ Сафа-Гирей, но былъ отброшенъ въ городъ передовымъ полкомъ, бывшимъ подъ начальствомъ князя Симеона Микулинскаго. Простоявъ недѣлю подъ Казанью и опустошивъ окрестности, русскія войска отошли обратно, не достигнувъ походомъ положительныхъ результатовъ. Въ октябрѣ казанцы отомстили намъ разореніемъ Галичской волости; но костромской намѣстникъ Яковлевъ настигъ непріятелей у рѣчки Езовки на Гусевомъ полѣ и разбилъ ихъ на голову.

Въ мартѣ слѣдующаго 1549 года пришла вѣсть въ Москву о смерти Сафа-Гирея. Это обстоятельство дало дѣлу выгодный для Москвы оборотъ, усиливъ въ Казани рознь и смуты и разстроивъ крымскую партію. Последняя провозгласила царемъ 2-хъ лѣтняго сына Сафа-Гирея, Утемиша, но, сознавая свое трудное положеніе, просила у Крыма помощи и „сверстнаго (взрослаго) царя“; въ іюлѣ же прислали къ Іоанну отъ имени Утемишъ-Гирея просительную грамоту о дружбѣ. Для переговоровъ Царь потребовалъ присылки „добрыхъ людей“, но такъ какъ послѣдніе не явились, то рѣшилъ воспользоваться неурядицей въ Казани и въ ноябрѣ объявилъ походъ, для чего приказалъ собираться полкамъ: передовому—въ Шуѣ и Муромѣ, большому (воеводѣ

Д. Θ. Бѣльскаго и Вл. Ив. Воротынскаго(—въ Суздалѣ, правой руки—въ Костромѣ, лѣвой руки—въ Ярославлѣ, сторожевому—въ Юрьевѣ.

24 ноября самъ Царь съ братомъ своимъ Юриемъ, Шигъ-Алеемъ, знатными казанскими бѣглецами и многими боярами выступилъ изъ Москвы во Владимірь, поручивъ охраненіе Москвы двоюродному брату князю Владиміру Андреевичу. Прибывъ во Владимірь 3 декабря, Государь сдѣлалъ распоряженія *) для дальнѣйшаго похода и отправилъ 20 декабря боярина Юрьева и окольничаго Нагаго съ *нарядомъ* въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь все войско соединилось въ январѣ и направилось къ Казани въ сильные морозы, отъ которыхъ много пострадало. Къ Казани Іоаннъ подступилъ 14 февраля 1550 г. съ войскомъ около 60 т. чел., которое обложило городъ и открыло по немъ огонь изъ пушекъ; послѣдовавшій затѣмъ приступъ однако не удался, стоивъ большой потери въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ. Въ слѣдующіе дни началась оттепель; пошли сильные дожди, нельзя было производить ни приступа, ни стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей, рѣчки

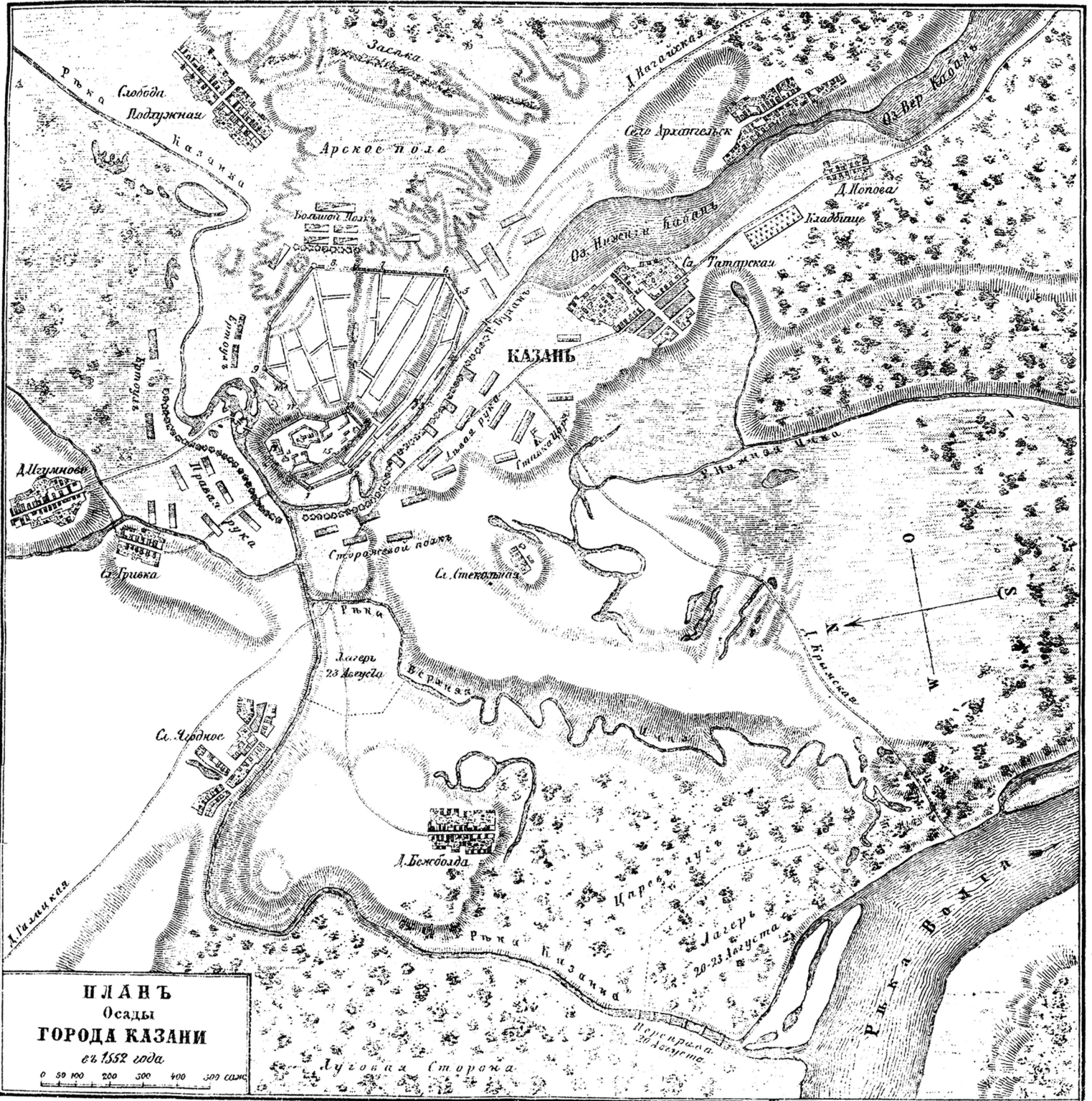
---

*) Между прочимъ Іоаннъ вызвалъ изъ Москвы митрополита Макарія нарочно для того, чтобы онъ убѣдилъ воеводъ во время похода не считаться мѣстами.

вскрылись, дороги испортились, прекратились подвозы и въ войскахъ чувствовался крайній недостатокъ въ продовольственныхъ запасахъ. При такихъ условіяхъ простоявъ 11 дней, Іоаннъ долженъ былъ вторично возвратиться безъ всякаго успѣха въ Москву. При отступленіи отъ Казани Царь выбралъ мѣсто на устьѣ р. Свіаги для постройки крѣпости вблизи Казани.

Весною слѣдующаго 1551 года Шигъ-Алей съ русскими войсками и казанскими выходцами высадился (24 мая) при устьѣ Свіаги, гдѣ и построилъ въ 4 недѣли крѣпость Свіажскъ, стѣны для которой, срубленные въ лѣсахъ углицкихъ, доставлены были на судахъ Волгою.

Основаніемъ крѣпости Свіажска положено было начало болѣе рѣшительныхъ дѣйствій по отношенію Казани. Представивъ оплотъ противъ вторженія казанцевъ въ наши восточныя области, Свіажскъ послужилъ опорной исходною точкой, болѣе близкой къ Казани для послѣдующихъ дѣйствій противъ нея. Построеніе крѣпости на Казанской землѣ не осталось безъ вліянія и на окрестныхъ инородцевъ, черемисъ, мордву и чувашей, подвластныхъ Казани и принимавшихъ участіе въ набѣгахъ на наши области: оно ясно свидѣтельствовало имъ о слабости Казанскаго царства и о могуществѣ Россіи; всѣ

въ городской стѣнѣ.

1. Тюменскія.
2. Атамковскія.
3. Крымскія.
4. Царскія.

ВОРОТА.

5. Дѣвъ божья башни или бойнища.
6. Ногайскія.
7. Незвѣстныя.
8. Арскія.
9. Кавбатскія.
10. Шедскія.
11. Елбучени.

въ Крѣпостной стѣнѣ (нынѣшнѣ Кремль).

12. Мурельскія.
13. Касакскія.
14. Царскія или Царскія съ надписью: „Юдѣи оставили бѣжавшихъ“.
15. Незвѣстныя.

эти инородцы, населявшіе нагорную (правую) сторону Волги, изъявили покорность Русскому Царю и были приписаны къ новому городу.

Построеніе Свияжска и отпаденіе горной стороны скоро отозвались и въ самой Казани, усиливъ сторону противную крымцамъ. Московская партія наконецъ восторжествовала, изгнала крымцевъ и просила Государя дать имъ въ цари Шигъ-Алея, который съ 500 русскихъ стрѣльцовъ Хабарова и былъ водворенъ въ Казани въ мартѣ 1551 года *). Казалось, настало замиреніе Казани; воцареніе Алея произошло мирно, исключая ничтожныхъ стычекъ съ небольшими татарскими партіями, обогрившихъ кровью берега Камы и Волги; до 60 тысячъ русскихъ, томившихся въ плѣну много лѣтъ, получили свободу. Однако тишина въ Казани продолжалась не долго; Шигъ-Алей началъ править съ обычною своею жестокостью и жадностью и, вообще не любимый казанцами, вскорѣ своими дѣйствіями возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе; въ Казани вновь возникла неурядица, заставившая Іоанна отозвать Шигъ-Алея въ Москву (въ мартѣ 1552 г.),

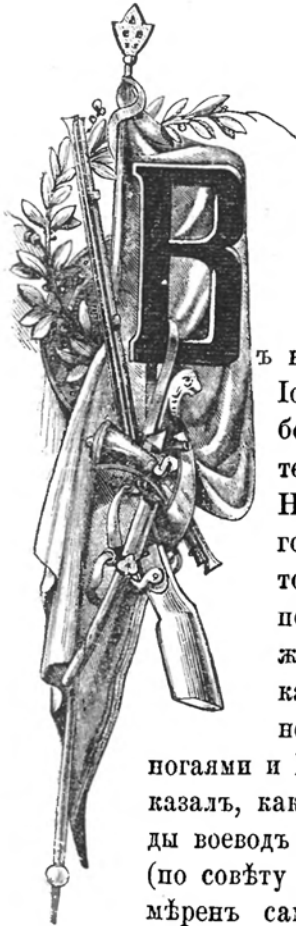
---

*) Передъ тѣмъ Іоаннъ потребовалъ выѣзда изъ Казани и прибытія въ Москву царицы *Сююмбеки*, вдовы Сафа-Гирея, съ малолѣтнимъ сыномъ царемъ *Утемишемъ*.

а въ Казань ввести русское войско изъ Свияжска и привести казанцевъ въ подданство. Предоставленные самимъ себѣ, казанцы снова стали буйствовать, отказались впустить русскія войска, рѣшились обороняться до послѣдней крайности и призвали на царство сына астраханскаго хана, ногайскаго царевича Едигера; но эта была уже послѣдняя попытка отстоять независимость царства: 2 октября того же года Казань пала навсегда подъ ударами русскаго войска.

ГЛАВА II.

Третій походъ Іоанна противъ Казани.—Осада и взятіе Казани. — Покореніе Астрахани.— Дѣйствія противъ Крыма.

Въ виду такого положенія дѣла, Іоаннъ въ апрѣлѣ же созвалъ боярскую думу насчетъ рѣшительнаго похода на Казань. На совѣтѣ высказано было много различныхъ мнѣній; нѣкоторые совѣтовали отправить подъ Казань воеводъ, Іоанну же остаться въ Москвѣ, такъ какъ слѣдуетъ ожидать войны не съ Казанью только, но и съ погаями и Крымомъ. Однако опытъ показалъ, какъ нерѣшительны были походы воеводъ на Казань; поэтому Іоаннъ (по совѣту Адашева) объявилъ, что намѣренъ самъ отправиться въ походъ.

Вслѣдствіе сего рѣшено было послать впередъ судовую рать съ *большимъ нарядомъ* и съ запасами продовольствія для войска и Царя, а самому Іоанну въ свое время идти съ войскомъ сухимъ путемъ. Рѣшивъ совершить походъ лѣтомъ, Царь приказалъ собираться войскамъ изъ Новгорода и другихъ отдаленныхъ мѣстъ въ Коломнѣ и Каширѣ, а изъ Москвы и ближайшихъ городовъ—къ Мурому, и распредѣлилъ воеводъ по полкамъ, поручивъ начальство надъ ними: въ большомъ полку—боярину и воеводѣ И. Ѳ. Мстиславскому, „*случь*“ и воеводѣ князю М. И. Воротынскому; въ передовомъ полку—боярину и воеводѣ И. И. Пронскому съ княземъ Д. И. Хилковымъ; въ правой рукѣ—боярину и воеводѣ князю П. М. Щенятеву съ княземъ А. М. Курбскимъ; въ лѣвой рукѣ—воеводѣ князю Д. И. Микулинскому и Д. М. Плещееву; въ сторожевомъ полку—боярину и воеводѣ князю Серебряному съ С. В. Шереметевымъ; у себя въ полку назначилъ дворовыхъ воеводъ и боярь—князя В. И. Воротынскаго и И. В. Шереметева.

Получивъ еще въ апрѣлѣ неблагопріятныя извѣстія отъ свіяжскихъ воеводъ, Государь повелѣлъ князьямъ Горбатову и Шуйскому плыть послѣшно изъ Нижняго-Новгорода въ Свіяжскъ, на усиленіе находившихся тамъ войскъ; затѣмъ туда же дол-

женъ былъ слѣдовать водою бояринъ Морозовъ съ огнестрѣльнымъ нарядомъ, подъ прикрытіемъ войскъ воеводы Заболотскаго. Для обезпеченія переправъ по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ, приказано было князю Глинскому и окольникему Колычеву расположиться станами на берегахъ Камы и Вятки съ дѣтьми боярскими, казаками, стрѣльцами, устюжанами и вятчанами, а свѣжскіе воеводы должны были занять легкими отрядами перевозки на Волгѣ.

16 іюня самъ Іоаннъ отправился въ Коломну. На пути къ этому городу Государь получилъ извѣстіе о вторженіи въ южную Россію полчищъ крымскихъ татаръ и о приступѣ къ Тулѣ Крымскаго царевича съ небольшимъ отрядомъ. Вслѣдъ затѣмъ, 23 іюня, пришло донесеніе отъ царскаго намѣстника въ Тулѣ, князя Григорія Темкина, что Крымскій ханъ съ значительнымъ войскомъ, при которомъ находилось „много пушекъ и янычаръ султанскихъ“, осадилъ городъ. По первому извѣстію пославъ туда на помощь, кромѣ дружинъ князей Пронскаго и Хилкова, передовой полкъ подъ предводительствомъ князей Петра Михайловича Щенятева и Андрея Михайловича Курбскаго, Іоаннъ приказалъ идти вслѣдъ за ними князю Михаилу Ивановичу Воротынскому съ большимъ полкомъ и самъ хотѣлъ ѣхать въ Тулу, но поутру 24 въ Ка-

ширѣ получилъ донесеніе Темкина объ отбитіи имъ приступа и о бѣгствѣ хана, уstraшеннаго появленіемъ царскихъ воеводъ съ передовыми войсками и движеніемъ съ главными силами самого Іоанна.

На слѣдующій день пришло извѣстіе о пораженіи 30 тысячъ непріятелей на рѣкѣ Шиворонѣ (Тульской губ., Богородицкаго уѣзда) войсками Щенятева и Курбскаго.

Возвратившіеся (1 іюля) въ Коломну воеводы допесли Государю о поспѣшномъ отступленіи Девлетъ-Гирея, удалявшагося по 60—70 верстъ въ сутки. Избавившись отъ крымцевъ и обезпечивъ такимъ образомъ дальнѣйшій походъ противъ Казани, Іоаннъ сталъ совѣтоваться съ воеводами, какими путями двинуться къ этой послѣдней; рѣшено было идти двумя дорогами: самому Іоанну съ царскою дружиной и полками лѣвой руки и сторожевымъ—на Владиміръ и Муромъ, а князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ полками большимъ и правой руки—на Рязань и Мещеру, чтобы прикрыть движеніе Іоанна справа отъ ногайскихъ татаръ; по соединеніи же обѣихъ колоннъ за рѣкой Алатыремъ войска должны были двинуться далѣе къ Свіяжску.

Въ то самое время, когда Іоаннъ уже готовился выступить далѣе, въ войскахъ возникъ ропотъ: нов-

городцы жаловались Царю на труды и потери, понесенныя ими на службѣ, говоря, что, будучи на службѣ съ весны, они не въ состояніи вынести дальняго похода. Огорченный этими жалобами, но не обнаружившій досады, Государь нашелъ дѣйствительное средство уничтожить неудовольствіе въ войскѣ: онъ приказалъ переписать служилыхъ людей и оповѣстить, что желающимъ участвовать въ походѣ Государь дастъ жалованье и прокормленіе подѣ Казанью, а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ выяснитъ вообще нужды воиновъ, дабы и впредь знать ихъ недостатки. Услыхавъ царскую вѣсть, всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: „готовы идти съ Государемъ“. 3 іюля все войско тронулось по указаннымъ путямъ. 13 числа Іоаннъ прибылъ въ Муромъ; здѣсь онъ произвелъ смотръ полкамъ и наряду, велѣлъ росписать дѣтей боярскихъ на сотни и назначитъ голову для каждой—изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ. Отпустивъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ княземъ Петромъ Булгаковымъ и стрѣльцами, Государь выслалъ впередъ яртоулъ, подѣ начальствомъ князей Шемякина и Троекурова, и за нимъ—*посошныхъ людей* для постройки мостовъ и гатей на рѣчкахъ и топяхъ. Выступивъ 20 числа изъ Му-

рома, Иоаннъ въ 14 переходовъ достигъ Суры, переправилъ черезъ нее войска по мостамъ, устроеннымъ посошными людьми, и соединился съ князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Во время этого похода русское войско вездѣ находило обильную пищу; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто сами приходили на убой, въ рѣкахъ множество рыбъ, въ лѣсахъ множество птицъ, коими безъ затрудненія продовольствовалося все воинство *); черемисы и мордва, испуганные походомъ многочисленнаго войска, отдаваясь въ волю Иоанна, сами привозили всякаго рода съѣстные припасы.

Отъ Суры русскія войска двинулись далѣе къ Свѣяжску въ слѣдующемъ походномъ порядкѣ: впереди шель попережнему яртоулъ князей Шемякина и Троекурова, за нимъ двигался передовой полкъ, а за этимъ послѣднимъ — царскій полкъ, потомъ большой полкъ и за нимъ — сторожевой (аррьергардъ); полки правой и лѣвой руки двигались на своихъ сторонахъ относительно царскаго полка. Еще въ концѣ іюля Иоаннъ присоединилъ къ себѣ на походѣ князей Касимовскихъ и Темниковскаго съ ихъ дружинами, татарами и мордвою; 4 августа на рѣкѣ Беѣ къ нему присоединились вое-

---

*) Царствен. кн., стр. 254.

воды и войска свіяжскіе съ горными черемисами и чувашами, вновь изъявившими покорность, всего до 20 тысячъ человѣкъ. 13 августа русское войско подошло къ Свіяжску, куда въ то же время прибылъ Волгой на судахъ Шигъ-Алей съ судовою ратью, нарядомъ и большими военными и продовольственными запасами. 16 числа войска начали переправляться черезъ Волгу; Шигъ-Алей былъ посланъ на судахъ занять гостинный островъ, а бояринъ Морозовъ и дьякъ Выродковъ подвозили на судахъ тяжелый снарядъ и осадныя машины (рубленныя башни и тарасы). 19 числа вся русская армія, силою до 150 тысячъ человѣкъ, расположилась на луговой сторонѣ Волги въ виду Казани. Дабы избѣжать напраснаго кровопролитія, Іоаннъ еще изъ Свіяжска послалъ грамоты въ Казань съ предложениемъ, чтобы „били челомъ и онъ ихъ проститъ“; Шигъ-Алей долженъ былъ написать своему родственнику новому царю Едигеру, чтобы выѣхалъ изъ города на встрѣчу Іоанну, „не опасаясь ничего, и Государь его пожалуетъ“; однако отъ Едигера полученъ былъ дерзкій отвѣтъ съ явнымъ вызовомъ на брань. 20 числа прибылъ къ Государю бѣжавшій изъ Казани мурза *Камай*, который сообщилъ, что царь Едигерь съ мурзами и главою духовенства сзумѣлъ одушевить народъ злобою про-

тивъ христіанъ, что никто не мыслить о мирѣ, что крѣпость снабжена большими хлѣбными и военными запасами, что въ ней до 30.000 вооруженныхъ казанцевъ и около 3.000 ногаевъ, что князь *Япанча* съ большимъ отрядомъ конницы посланъ на Арскую засѣку вооружать всѣхъ сельскихъ жителей, безпрестанно тревожить русское войско и не пропускать его на Арское поле.

Получивъ эти свѣдѣнія, Царь созвалъ совѣтъ, на которомъ распредѣлены были войска для обложенія города, а для огражденія ихъ со стороны осаждающихъ и для производства осады приказано было приготовить по палисадинѣ (для тына) на cadaго челоуѣка и по одному туру на 10 челоуѣкъ. Въ то же время повелѣно было, чтобы въ полкахъ безъ приказанія воеводъ, а въ цѣломъ войскѣ безъ царскаго повелѣнія никому не смѣть самовольно бросаться къ городу.

Русское войско, въ числѣ до 150 тысячъ челоуѣкъ съ 150 орудіями, 20, 21 и 22 августа перешло по 6 мостамъ черезъ нижнюю Казанку, близъ впаденія ея въ Волгу, съ правой стороны на лѣвую и расположилось лагеремъ при устьѣ Казанки. Съ разсвѣтомъ 23 числа полки двинулись къ Казани и приостановились между Казанкой и Верхнею Ичкой; Иоаннъ на „Царскомъ лугу“ распустилъ свое

великое царское знамя (великую хоругвь *) съ шитымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа Спасителя, вверху котораго водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій при Димитріи Донскомъ въ Куликовской битвѣ. Вокругъ этого знамени собралась вся царская дружина и воеводы; Царь и всѣ воеводы сошли съ коней и отпѣли молебенъ. По окончаніи молебна Государь обратился съ слѣдующимъ словомъ къ своимъ сподвижникамъ и войску: „князь Владиміръ Андреевичъ, бояре и воеводы! приспѣло время нашему подвигу—сразиться за вѣру. Призывая на помощь милосердаго Бога и не сомнѣваясь ни въ чемъ, потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за святую нашу вѣру христіанскую, за едиnorodныхъ нашихъ братьевъ, много лѣтъ плѣненныхъ и жестоко страдающихъ отъ безбожныхъ казанцевъ; вспомнимъ слово Христова: *ничтожь сего больше, еже души полагати за други своя*,—припадемъ чистыми сердцами къ создателю нашему Христу, попросимъ у него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ и не порадуется враги наши погибели нашей. Да и намъ послужи-те, сколько вамъ Богъ поможетъ; не пощадите го-

---

*) Знамя это хранится въ Московской Оружейной палатѣ.

ловъ своихъ за благочестіе: оно не смерть, а животь; если не нынѣ, то когда-нибудь умремъ, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ на это; лучше хочу здѣсь умереть, нежели видѣть, за грѣхи свои, Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыми отъ безбожныхъ казанцевъ. Можетъ стать-ся милосердый Богъ, видя неотложную вашу вѣру и подвиги за благодать, дастъ намъ помощь, по волѣ своей; и я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ, своею любовью и вознаградить недостатки ваши, сколько милосердый Богъ поможетъ; а кому случится пострадать, я радъ женъ ихъ и дѣтей вѣчно жаловать“ *). Рѣчь Государя необыкновенно тронула и воодушевила войско и воеводъ. Затѣмъ Іоаннъ, сѣвъ на коня, двинулъ полки къ городу для занятія указанныхъ имъ мѣстъ. Тамъ все казалось тихо и пусто; не слышно было движенія, не видно людей на стѣнахъ и многіе изъ неопытныхъ ратниковъ уже радовались, полагая, что царь Казанскій, уstraшенный великою ратью, бѣжалъ съ своимъ войскомъ въ лѣса; но опытные воеводы говорили: „будемъ тѣмъ осторожнѣе“.

---

*) Царствен. кн., стр. 265.

Осада и взятіе Казани.

Казань была весьма сильна отъ природы, по своему мѣстоположенію при сліяніи рѣчекъ Казанки и Булака, и имѣла сильныя, по тому времени, укрѣпленія (см. планъ). Мѣстность, окружающая городъ, пересѣчена рѣчками, озерами, затонами и болотами. Съ сѣверо-запада городъ окаймляется р. Казанкой, текущей съ сѣверо-востока на западъ сначала по болотистой долинѣ, а затѣмъ въ глубокой ложбинѣ; тинистый Булакъ, протекающій озера Верхній и Нижній Кабанъ, омываетъ западные скаты высотъ, занятыхъ крѣпостью и городомъ. Ниже Булака впадаетъ въ Казанку слѣва же Верхняя Ичка, ограничивающая съ Волгой и Казанкой „Царевъ лугъ“, а пространство между Верхней Ичкой и Булакомъ отчасти покрыто болотомъ, прорѣзаннымъ теченіемъ Нижней Ички, а отчасти — затонами и рукавами этой послѣдней. Между Нижней Ичкой и озерами Верхній и Нижній Кабанъ и далѣе на югъ тянулся обширный лѣсъ. Справа въ Казанку впадаетъ, нѣсколько ниже Булака, малая рѣчка съ притокомъ, вытекающая изъ озера въ 1 верстѣ къ сѣверу отъ Казани.

Между этими рѣчками, озерами и болотами на-

ходится нѣсколько высотъ. Главная, господствующая надъ всею окружающею мѣстностью—въ углу между Казанкой и Булакомъ; на ней находилась крѣпость Казани (нынѣ кремль), огражденная по самому краю высоты дубовыми широкими стѣнами, засыпанными внутри землею и хрищемъ, съ 8 такими же башнями и воротами между ними; здѣсь внутри крѣпости находилось нѣсколько большихъ каменныхъ зданій (съ отдѣльными дворами) ханскаго дворца, окруженныхъ 5 каменными высокими мечетями. Другая плоская возвышенность, значительно ниже первой, лежитъ къ востоку отъ нея и была занята городомъ, огражденнымъ кругомъ такими же дубовыми стѣнами и 14 башнями съ воротами между ними *). Къ востоку отъ города возвышалось „*Арское поле*“, около версты въ длину и и ширину, съ крутыми скатами къ Казанкѣ и оз. Нижнему Кабану; еще далѣе къ востоку, за оврагомъ, тянулся Арскій лѣсъ, а на опушкѣ его была устроена Арская засѣка.

Такимъ образомъ казанская крѣпость, расположенная на весьма высокой и крутой горѣ, прикрытая съ юго-запада, подъ горою, городскими дубо-

---

*) Число и названія крѣпостныхъ и городскихъ воротъ показаны на планѣ.

выми стѣнами съ башнями, широкимъ и глубокимъ ровомъ впереди, а съ сѣвера — рѣкою Казанкой, господствовала надъ городомъ и всею окружающею мѣстностью и представляла значительныя трудности и даже препятствія для овладѣнія ею осадой.

Въ крѣпости и городѣ для обороны ихъ собралось до 30 тысячъ отборныхъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ, одушевленныхъ магометанскимъ фанатизмомъ, жаждою мести къ ненавистнымъ имъ христіанамъ, пробудившеюся любовью къ родинѣ и вновь вспыхнувшей надеждою отстоять царство, вернуть государственную независимость.

Все это предвѣщало русскому воинству, хотя и превосходному въ числѣ, тяжелую борьбу: малочисленный, но доведенный до отчаянія и охваченный благороднымъ огнемъ воинской чести, способенъ на великіе подвиги мужества и дорого отдастъ врагу свою свободу и жизнь. Природа, сильныя укрѣпленія и прежнія неудачи россіянъ возвышали духъ казанцевъ, поддерживая таившуюся въ сердцахъ ихъ надежду на счастливый исходъ предстоявшей борьбы.

23 августа войска наши подошли къ Казани и заняли назначенныя имъ мѣста: передовой и большой полки — Арское поле; правая рука — правый берегъ Казанки, ниже города; сторожевой полкъ —

устье Булака; лѣвая рука—выше его по Булаку; Шигъ-Алей—правѣ лѣвой руки, у кладбища; самъ Іоаннъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и царскою дружиной сталъ позади полка лѣвой руки. Съ того же дня начались сильныя схватки съ казанцами. Когда яртоулъ, силою около 7 т. челов., подъ начальствомъ князей Юрія Пронскаго-Шемякина и Ѳедора Львова-Троекурова, переправившись черезъ Булакъ по наведенному мосту выше города, началъ подниматься на гору въ разстояніи около 200 саж. (*двухъ стрѣляній лучныхъ*) отъ городскихъ воротъ, то голова его (пѣшіе стрѣльцы и казаки) внезапно была атакована 5 т. конныхъ и 10 т. пѣшихъ отборныхъ казанскихъ войскъ, вышедшихъ изъ города, и приведена въ разстройство; на помощь подоспѣли другіе воеводы съ боярскими дѣтьми и съ пѣшими *ручными* стрѣльцами; завязалась упорная сѣча, кончившаяся тѣмъ, что казанцы были опрокинуты обратно въ городъ.

Русскія войска окружили Казань и расположились станами. Ночь прошла спокойно. На слѣдующій день къ вечеру поднялась сильная буря, сорвала въ станахъ шатры, въ томъ числѣ царскій и потопила многія суда, нагруженныя запасами; ужасъ охватилъ войска: малодушные полагали, что пришелъ конецъ походу, что за неимѣніемъ запасовъ

опять придется отступить со стыдомъ. Но твердость Иоанна вполне выдержала испытаніе: онъ послалъ въ Свіязскъ и въ Москву съ приказаніемъ подвезти новые запасы и выразилъ намѣреніе даже зимовать подъ Казанью, еслибы того потребовали обстоятельства.

Между тѣмъ начались и дѣятельно продолжались осадныя работы: ставились туры, а гдѣ нельзя было—тыпъ и за ними орудія. Первые туры были поставлены и вооружены тяжелыми орудіями въ ночь съ 25 на 26 число полками сторожевымъ и лѣвой руки, въ 50 саж. отъ городскаго рва, подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ, засѣвшихъ въ выкопанномъ ими окопѣ за Булакомъ; казаки заняли каменную Данрову баню, находившуюся у крѣпостной стѣны. 26 же числа поставили туры войска большаго полка. Для сего послѣдніе раздѣлены были на двѣ части: полкъ воеводы М. И. Воротынскаго, въ пѣшемъ строю, назначенъ былъ для постановки туровъ, а Мстиславскій, съ коннымъ полкомъ, долженъ былъ прикрыть Воротынскаго на случай вылазки; послѣднему Государь придалъ изъ своей дружины нѣсколько головъ изъ дѣтей боярскихъ со 100 пѣшими боярскими людьми у каждаго. Получивъ приказаніе, Воротынскій вечеромъ этого числа выстроилъ людей впереди стана, выслалъ впередъ стрѣль-

цовъ, казаковъ и головъ съ боярскими людьми и приказалъ катить туры къ назначенному мѣсту и самъ выступилъ за ними съ пѣшимъ полкомъ. Когда войска подступили къ городу, то конные и пѣшіе казанцы ударили на нихъ изъ города, а съ городскихъ стѣнъ полетѣли ядра и пули. Завязался жестокой бой; русскія войска съ успѣхомъ отражали отчаянныя атаки пѣшихъ и конныхъ казанцевъ пицальнымъ огнемъ, копьями и мечами, русскій нарядъ громилъ стѣны и ворота городскія; въ дыму, въ огнѣ, при громѣ орудій и пицалей русскіе подавались впередъ и наконецъ опрокинули противника въ городъ. Стрѣльцы, казаки и боярскіе люди расположились вдоль городскаго рва и прикрыли постановку туровъ, производя до самой ночи стрѣльбу изъ луковъ и пицалей; Воротынскій поставилъ туры въ 8 саж. отъ городскаго рва, насыпалъ ихъ землею и затѣмъ приказалъ стрѣleckимъ и боярскихъ дѣтей головамъ и атаманамъ казаковъ отвести людей къ турамъ и засѣсть въ окопы. Однако темнота ночи не прекратила битвы: всю ночь казанцы производили вылазки противъ туровъ и вступали въ отчаянныя рукопашныя схватки съ русскими войсками, но каждый разъ были опрокидываемы въ городъ. Только къ утру прекратилась эта жестокая сѣча, дорого стоившая обѣимъ

сторонамъ. На слѣдующій день бояринъ М. Я. Морозовъ вооружилъ эти туры осадными орудіями, пачальство надъ которыми было поручено околичному П. В. Морозову.

Наконецъ, 29 числа, поставили туры по берегу Казанки войска правой руки, а на Арскомъ полѣ, между турами большого полка и Казанкой—яртоуль. Въ топкихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было ставить туры, Государь приказалъ дяку своему Выродкову поставить тынъ. Такимъ образомъ довершено было обложенеіе города и всѣ батареи (туры) были вооружены воеводою М. Я. Морозовымъ осадной артиллеріей, состоявшей изъ большихъ пушекъ (*великихъ дѣлъ*), среднихъ и мортиръ (*огненныхъ, ими же вверхъ стрѣляютъ*); всего было до 150 орудій, не считая полевой артиллеріи, находившейся около царскихъ шатровъ. Съ этого числа начали громить городъ изъ всѣхъ 150 орудій. Дѣйствіе *наряда*, искусно управляемаго бояриномъ М. Я. Морозовымъ, вскорѣ заставило замолчать крѣпостную артиллерію и произвело сильное опустошеніе въ городѣ; только небольшія непріятельскія орудія (*заковичныя и ручничныя*) продолжали наносить жестокой вредъ русскимъ войскамъ *). Окопавшіеся передъ турами

---

*) См. Сказанія кн. Курбскаго.

стрѣльцы и казаки также производили мѣткую стрѣльбу по осажденнымъ, показывавшимся на городскихъ стѣнахъ.

Вылазки изъ города производились ежедневно. Но скоро вниманіе осаждавшихъ было обращено въ другую сторону. Еще до обложенія города русскими войсками казанскій царь Едигерьъ, имѣя въ виду затруднить осаду, выслалъ сильный конный отрядъ князя *Япанчи* въ *острогъ*, сооруженный въ Арскомъ лѣсу, въ 15 верстахъ отъ Казани. Кн. Япанча, занимая этотъ опорный пунктъ, снабженный продовольственными запасами, безпрестанно тревожилъ набѣгами наши войска; особенно часто подвергались этимъ налетамъ войска большаго полка и яртоуль, стоявшіе по дорогѣ въ Арскъ, и полкъ правой руки, расположенный на Галицкой дорогѣ. Хотя налеты Япанчи съ успѣхомъ были отражаемы русскими войсками, но тѣмъ не менѣе ожиданіе вылазки изъ города и нападенія съ тыла, со стороны Арскаго лѣса, и постоянныя тревоги не давали покоя войскамъ, заставляя бѣольшую часть ихъ быть днемъ и ночью на-сторожѣ и до крайности ихъ утомляли; *кормовщики* (фуражиры) не смѣли отъѣзжать отъ стана и, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, которые крайне вздорожа-

ли *), войска питались больше хлѣбомъ, да и тѣмъ не могли спокойно насытиться.

Нападенія кн. Япанчи обыкновенно производились одновременно съ сильными вылазками изъ города: едва взвивалось на высокой городской башнѣ „большое бусурманское знамя“, какъ съ силою устремлялись на осаждающихъ изъ лѣса конныя полчища Япанчи и изъ всѣхъ городскихъ воротъ— конныя и пѣшія войска гарнизона. При такихъ обстоятельствахъ Царь созвалъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было раздѣлить все войско на двѣ части: одна часть должна была вести осаду города, а другая—прикрывать ее съ поля и дѣйствовать противъ Япанчи. Для этой цѣли назначенъ былъ отрядъ изъ 30 тысячъ конницы и 15 тыс. пѣшихъ воиновъ, подъ общимъ начальствомъ князя *Александра Борисовича Горбатого - Шуйскаго*. Расположившись скрытно за горою съ главными силами, князь Шуйскій послалъ небольшіе отряды въ Арскій лѣсъ со стороны оз. Н. Кабана, приказавъ имъ не ввязываться въ бой въ лѣсу, а выманить изъ него Япанчу. Татары кинулись на наши отряды, но послѣдніе, исполняя приказаніе, быстро отступали до са-

---

*) Сказанія кн. Курбскаго: *это уже драго куповано всякія брашна.*

мыхъ шанцовъ (укрѣплений) и притворнымъ бѣгствомъ навели ихъ на засаду. Достигнувъ нашихъ укрѣплений, конница Япанчи начала *водить круги и гарцовать*, пуская тучи стрѣлъ, въ то время какъ остальные силы его, устроенныя во многіе конные и пѣшіе полки, двигались противъ осадныхъ войскъ.

Тогда князь Шуйскій двинулъ войска изъ засады и отрѣзалъ Япанчу отъ лѣса; замѣтивъ это, татары бросились назадъ, на -перерѣзъ обходившимъ войскамъ, къ Арскому лѣсу, но были смяты; масса ихъ погибла подъ ударами русской конницы, стрѣльцовъ и казаковъ и болѣе 300 человекъ забрано было въ плѣнъ. Князь Шуйскій преслѣдовалъ бѣгущихъ на 15 верстъ до рѣки Килари. На слѣдующій день, 31 августа, Іоаннъ приказалъ находившемуся при войскѣ *нѣмчину размыслу* (инженеру) устроить подкопъ отъ рѣки Булака между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Узнавъ отъ Камай-мурзы и перебѣжчиковъ, что осажденные, совершенно отрѣзанные уже отъ р. Казанки, пользовались водою изъ ключа, находившагося близъ р. Казанки, съ которымъ они имѣли сообщеніе посредствомъ *тайника* (подземнаго хода) отъ Муралеевыхъ воротъ, Государь приказалъ уничтожить тайникъ и съ этою цѣлью устроить подкопъ подъ него у Дайровой бани, занятой казаками еще 25

числа, для устройства котораго прислалъ Адашева и размысла *); послѣдній, составивъ соображеніе для этой работы, поручилъ исполненіе ея своимъ ученикамъ, а самъ долженъ былъ заняться главнымъ подкопомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней работы наши, подъ надзоромъ кн. Серебрянаго и Адашева, подкопались подъ тайникъ и услышали надъ собою голоса людей, ходившихъ за водою. 4 сентября, когда подкопъ былъ готовъ, въ него вкатили 11 бочекъ пороху **), а на слѣдующій день подкопъ былъ взорванъ и подземный ходъ разрушенъ, причѣмъ часть городской стѣны съ массою защитниковъ взлетѣла на воздухъ. Замѣтя смятеніе казанцевъ, русскія войска двинулись на приступъ и ворвались въ городъ; однако удержаться въ немъ не могли и отступили.

Съ этого дня уныніе и разладъ все болѣе и болѣе распространялись между защитниками города, чему способствовало и появленіе болѣзни между жителями и воннами отъ употребленія негодной

---

*) Разрушеніе тайника сначала было поручено воеводамъ сторожеваго полка, кн. Серебряному и Шереметеву, которымъ однако не удалось выполнитъ порученіе, такъ какъ ходъ былъ „твердо землею укрѣпленъ“, но они донесли Царю, что подъ тайникъ можно подкопаться отъ Даировой бани.

***) Всего пороху 70 пудовъ.

смердной воды изъ выкопаннаго колодезя. Осада же дѣятельно продолжалась: тяжелыя орудія безостановочно *) громили стѣны и бросали въ крѣпость и въ городъ (изъ верховыхъ пушекъ) *огненные ядра* и большія камни; уже Арскія ворота были сбиты до самаго основанія. Самъ Іоаннъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность: часто днемъ и ночью разъѣзжалъ по полкамъ и батареямъ (*по вѣзмъ турамъ*) вокругъ города, возбуждая къ трудамъ своихъ воиновъ и поощряя ихъ усердіе царскимъ милостивымъ словомъ.

Дабы окончательно обезопасить осадныя войска со стороны Арскаго лѣса, Государь рѣшилъ овладѣть Арскимъ *острогомъ*, куда собрались остатки полчищъ Япанчи, и съ этою цѣлью 6 сентября отрядилъ часть войскъ подъ общимъ начальствомъ князя Горбатаго-Шуйскаго. Арскій острогъ, прочно срубленный (*городнями*), насыпанный землею, во многихъ мѣстахъ усиленный засѣками, находился въ Арскомъ лѣсу на высокой горѣ среди болотъ и чащъ лѣса и казался неприступнымъ. Князь *Шуйскій*, раздѣливъ войска на двѣ части и подойдя съ ними съ двухъ сторонъ, спѣшилъ конницу, двинул-

---

*) Цар. кв.: *черезъ вся ноци стрѣляше, да не опочиваютъ погани.*

ся на приступъ подъ градомъ пуль и стрѣль, послѣ кровопролитнаго боя овладѣль острогомъ и истребилъ его защитниковъ, за исключеніемъ 200 человекъ, взятымъ въ плѣнъ и немногихъ спасшихся бѣгствомъ; здѣсь захвачено было много разнаго рода запасовъ. Затѣмъ кн. Шуйскій двинулся къ Арскому городку землею обильною садами, хлѣбомъ и скотомъ, гдѣ владѣли помѣстьями казанскіе вельможи, разорилъ всю страну, верстъ на 150 въ длину и ширину, до самой Камы и, освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, вернулся въ станъ 16 сентября съ массою продовольственныхъ запасовъ, скота и множествомъ плѣнныхъ. Слѣдствіемъ этой 10-дневной экспедиціи явилось изобиліе въ войскахъ продовольственныхъ запасовъ и необыкновенная ихъ дешевизна: съ этого времени въ лагерѣ платили 10 денегъ за корову и 20 за вола.

Однако, несмотря на эти успѣхи, наши войска терпѣли большія невзгоды: войска, расположенныя на Галицкой дорогѣ, подвергались частымъ внезапнымъ нападеніямъ съ тыла луговой черемисы, отгонявшей иногда лошадей и скотъ, а постоянная бдительность утомляла ихъ; полки правой руки, расположенныя въ низинѣ Казанки, несли большія потери отъ дѣйствія господствовавшихъ надъ ними

небольшихъ непріятельскихъ орудій (*яковничныхъ и ручничныхъ*); пошли дожди; люди мокли на сторождѣ, низкія мѣста лагерной стоянки наводнились. Это несчастье, обычное явленіе въ это время года, суевѣріе войска, пораженнаго невзгодой, приписало непріятельскому чародѣйству. Участникъ осады, князь *Андрей Курбскій*, раздѣляя суевѣрные понятія вѣка, пишетъ, что *они* (непріатели) *на войско христіанское чары творили и великую пловію* (дождь) *наводили*, что ежедневно съ восходомъ солнца казанскіе волшебники и волшебницы являлись на городскихъ стѣпахъ и сатанинскими заклипаніями и маханіемъ одежды на русскій станъ возбуждали вѣтеръ, нагонявшій среди яснаго дня тучи, изъ которыхъ дождь лился рѣками. По совѣту бояръ, Государь приказалъ привезти изъ Москвы Животворящій крестъ, и когда въ русскомъ станѣ совершенно было водосвятіе, тогда исчезли, по свидѣтельству *Курбскаго*, чары волшебства, настали ясные дни.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались. Съ цѣлью дѣйствовать огнемъ артиллеріи противъ внутренности города, была поставлена дьякомъ Выродковымъ противъ Царевыхъ воротъ, возлѣ туровъ Воротынскаго, деревянная башня въ 6 сажень высоты и вооружена 10 большими орудіями, 50 меньшими пищалями (*яковницами*) и значительнымъ

числомъ стрѣльцовъ съ *ручницами* *). По словамъ кн. Курбскаго, башню эту построили тайно въ 2-хъ верстахъ за русскимъ станомъ и въ одну ночь поставили близь городского рва. Открытая съ башни стрѣльба наносила сильный уронъ обороняющимся въ городѣ: татары принуждены были укрываться во рвахъ подъ стѣнами и въ землянкахъ подъ *тарасами*, откуда однако производили безпрестанныя вылазки, „яко же зми вылазятъ“. Воротынскій, постепенно подвигаясь впередъ турами, успѣлъ поставить ихъ къ самому рву (въ 3 сажени шириной и 7 сажень глубины) противъ Арскихъ воротъ; успѣхъ этотъ дорого стоилъ русскимъ войскамъ: здѣсь все время происходили отчаянныя вылазки казанцевъ и жестокія схватки съ русскими войсками, прерывавшіяся лишь кратковременными отдыхами. Въ одинъ изъ такихъ роздыховъ (въ обѣденное время въ русскихъ войскахъ) татары, замѣтивъ слабость русскихъ войскъ, оставленныхъ въ передовыхъ окопахъ для прикрытія туровъ, произвели сильную вылазку въ числѣ 10 тыс. человѣкъ и овладѣли орудіями; только послѣ кровопролитнаго боя полки Воротынскаго, съ прибывшими подкрѣпленіями, опрокинули татаръ обратно въ городъ съ большимъ уро-

---

*) См. Сказанія кн. Курбскаго.

номъ для нихъ и не меньшимъ для себя, потерявъ многихъ изъ воеводъ убитыми и ранеными: окольничій Петръ Морозовъ, управлявшій нарядомъ Воротынскаго, былъ тяжело раненъ; самъ Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и обязанъ былъ спасеніемъ только крѣпости своихъ доспѣховъ; но туры были спасены. Въ то же самое время татары произвели сильную вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передоваго полка и яртоула; но здѣсь воеводы были готовы къ отпору и опрокинули татаръ безъ особеннаго урона для себя.

Какъ видимъ, энергичной осадѣ противопоставлена была и мужественная, отчаянная оборона, не смотря на то, что осажденные терпѣли уже сильный недостатокъ въ припасахъ и водѣ и понесли большія потери (уже болѣе 10 тыс. чел.) отъ огня батарей, постоянныхъ вылазокъ, болѣзней и смертности. Для обороны воротъ осажденные возвели *тарасы*, насыпанные землею, и подъ ними укрѣвались также отъ навѣснаго огня батарей. Іоаннъ приказалъ сдѣлать подкопъ подъ тарасы противъ Арскихъ воротъ. 30 сентября подкопъ былъ готовъ и снабженъ порохомъ, а войска большаго полка изготовились къ бою. Подкопъ былъ взорванъ; множество неприятелей взлетѣло на воздухъ съ тарасомъ и частью стѣны, другіе оцѣпенѣли отъ ужаса

и прекратили стрѣльбу; русскія войска воспользовались этимъ и придвинули туры къ самымъ воротамъ Арскимъ, Царскимъ и Аталыковымъ. Казанцы съ яростью ринулись изъ нихъ на русскія войска; закипѣлъ отчаянный бой: подъ громомъ *стенобитныхъ* орудій и *верховыхъ* пушекъ, осыпаемые пулями и стрѣлами, въ густомъ дыму, противники бились копьями и саблями, *хватая другъ друга за руки*. Въ эту рѣшительную минуту прибылъ къ городу самъ Иоаннъ; одушевленные присутствіемъ Царя, русскія войска, казалось, удвоили мужество и опрокинули татаръ; войска большого полка овладѣли Арскою башнею и ворвались въ городъ. Князь Воротынскій, надѣясь окончить дѣло рѣшительнымъ удачомъ, послалъ просить Государя двинуть всѣ войска на приступъ; но такъ какъ большая часть войскъ была въ станѣ и не имѣла въ виду приступа, а два главныхъ подкопа еще не были готовы, то Иоаннъ приказалъ отступить. Восводы съ трудомъ вывели войска изъ города и зажгли мосты и городскія стѣны; Арскую башню и ближайшую часть городскихъ стѣнъ, по приказанію Воротынскаго, заняли стрѣльцы, оградивъ себя крѣпкими щитами и турами, насыщенными землею. Во всю ночь пылали мосты у Царевыхъ, Аталыковыхъ и Ногайскихъ воротъ и часть городской стѣны; громимая

кромѣ того осадными орудіями, она разрушалась, осыпая землею и образуя мѣстами проломы.

Наконецъ большіе подкопы были готовы и „*приблизилса часъ всѣмъ испитъ общую чашу*“, по выраженію лѣтописца. Казанцы со своей стороны дѣятельно работали: ставили противъ проломовъ деревянные срубы, насыпали ихъ землею и принимали другія мѣры для послѣдней обороны; на предложеніе Іоанна, черезъ Камая-мурзу и горныхъ черемисъ, бить челомъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, выдать главныхъ измѣнниковъ и Государь прочихъ помилуесть, отвѣчали въ одинъ голосъ рѣшительнымъ отказомъ: „*ось помремъ или отсидимся*“ — было отвѣтомъ ихъ.

Между тѣмъ Іоаннъ повелѣлъ всѣмъ войскамъ приготовиться къ приступу, исповѣдаться и приобрести отъ Св. даровъ. Общій приступъ назначилъ на 2 октября, а наканунѣ приказалъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, строить мосты и непрерывно производить стрѣльбу изъ осадныхъ орудій, огнемъ которыхъ въ теченіе дня была сбита бѣлая часть городской стѣны до основанія. Въ то же время отдано было распоряженіе, по которому войска для приступа распределены были слѣдующимъ образомъ:

Впереди всѣхъ, въ 1 линіи, назначено было идти казакамъ съ ихъ головами и полкамъ боярскихъ дво-

ровыхъ людей, раздѣленнымъ на сотни подъ начальствомъ головъ (отборныхъ боярскихъ дѣтей).

Во 2-й линіи идти со своими полками воеводамъ: князю *Воротынскому* и окольникему *Басманову*—въ проломъ отъ Булака и Поганаго Озера; воеводѣ передоваго полка князю *Хилкову*—на Кайбатскія ворота; воеводѣ яртоула князю *Троекурову*—на Збойлевья ворота; воеводѣ полка правой руки *Андрею Курбскому*—на Елбугины; воеводѣ сторожеваго полка *Семену Шереметеву*—на Муралеевы и воеводѣ полка лѣвой руки, *Димитрію Плещеву*—на Тюменскія.

За ними въ 3-й линіи для поддержанія ихъ назначены были: за *Воротынскимъ*—царская дружина, а за прочими—первые воеводы соотвѣтствующихъ полковъ: князья *Пронскій*, *Шемакинъ*, *Щенятевъ*, *Серебряный-Оболенскій* и *Микулинскій*.

Для охраненія войскъ съ тыла отъ нападеній луговой черемисы и бродившихъ по лѣсамъ татаръ и ногаевъ и чтобы отрѣзать казанцамъ всѣ пути къ бѣгству по взятіи города, приказано было занять: князю *Мстиславскому* съ частью большаго полка и Шигъ - Азюю съ касимовцами и горными черемисами—Арскую и Чувашскую дороги, князьямъ *Юрію Оболенскому* и *Мецкерскому* съ дворянами царской дружины—Ногайскую и князю *Ромоданов-*

скому — Галичскую, а другому отряду дворянъ — стоять, примыкая къ нему, вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городицѣ.

Всѣмъ войскамъ приказано быть готовыми къ 3 часамъ утра, ждать взорванія подкоповъ и немедленно идти на приступъ.

Ночь на воскресенье, 2 октября, была проведена въ тревожномъ ожиданіи послѣдняго отчаяннаго боя. Послѣ полуночи князь Воротынскій прислалъ сказать Иоанну, что подкопы готовы и заряжены 48 бочками пороха *), что казанцы замѣтили подземныя работы и нельзя долѣе медлить приступомъ. Иоаннъ, приказавъ извѣстить о семъ полки и ускорять приготовленія къ приступу, самъ отправился въ походную церковь слушать литургію. На восходѣ солнца, когда діаконъ окаячивалъ чтеніе Евангелія словами: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь*, — послѣдовалъ взрывъ одного подкопа подъ Арскія ворота. Государь, выйдя на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе взорваннаго подкопа: среди густаго дыма и пыли взлетѣла высоко часть городской стѣны; огромныя бревна, обломки башенъ и строеній и защитники города, собравшіеся здѣсь

---

*) Въ то время пороховныя бочки имѣли болѣе 6½ пудовъ пороху: въ одномъ изъ наказовъ царя Иоанна IV сказано объ отправленіи 60 бочекъ съ 400 пудами земли.

во множествѣ, были разметаны во всѣ стороны. Іоаннъ вернулся въ церковь дослушать литургію; когда во время эктени, при молитвѣ о Царѣ, діаконъ возгласилъ: „и покорите подѣ нози его всякаго врага и супостата“,—послѣдовалъ второй взрывъ, еще сильнѣе прежняго подкопа подѣ Ногайскія ворота. Передовыя русскія войска подѣ громомъ пупекъ со всѣхъ сторонъ устремились на приступъ и, подходя ко рву, были встрѣчены со стѣнъ и башенъ густымъ градомъ пуль и стрѣлъ. Несмотря на большія потери, полки двигались на штурмъ къ стѣнамъ, но тамъ ожидали ихъ новыя опасности: казанцы обливали ихъ кипящею смолою и скатывали на нихъ со стѣнъ огромныя бревна. Наконецъ казанцы были опрокинуты со стѣнъ, русскіе ворвались въ городъ и закипѣлъ отчаянный бой на улицахъ его; русскія знамена осѣнили стѣны буйной Казани! Два вѣстника прискакали къ Іоанну звать его къ войску. Прибытіе царя къ полкамъ воодушевило воиновъ, не успѣвшихъ еще взойти на стѣны; клики побѣды слились съ громкими восклицаніями царской дружины, привѣтствовавшей царя. Между тѣмъ на улицахъ города завязалась кровопролитнѣйшая битва; казанцы не отступали ни на шагъ, встрѣчали русскихъ лѣсомъ копій, рубились саблями, рѣзались ножами. Нѣсколько вре-

мени русскія войска не могли сдѣлать шага впередъ въ тѣсныхъ улицахъ; наконецъ, взобравшись на крыши домовъ, начали оттуда поражать казанцевъ и затѣмъ оттѣснили ихъ къ срединѣ города.

Но въ эту рѣшительную минуту штурмъ едва было не кончился прискорбной неудачей: многіе изъ воиновъ, увлеченные жаждою корысти, бросились грабить дома, а къ нимъ присоединилась обозная челядь; между тѣмъ передовыя войска сражались до изнеможенія, не подвигаясь впередъ. Наконецъ, ослабленные убитыми и ушедшими грабителями, они не въ силахъ были противустоять напору казанцевъ и начали отступать; грабители же, замѣтивъ это, бросились бѣжать черезъ стѣны съ крикомъ: *съкутъ, съкутъ!*

Иоаннъ, стоявшій въ это время со своимъ царскимъ знаменемъ и 20-ти тысячною царскою дружиною за городомъ со стороны Арскаго поля, былъ пораженъ видомъ и криками бѣжавшихъ и измѣнился въ лицѣ, полагая, что казанцы опрокинули изъ города всѣ русскія войска. Въ это же время прислалъ къ нему князь Воротынскій просить помощи. Окружавшіе царя опытные воеводы приказали спѣшиться половниѣ царской дружины и идти въ городъ для поддержки; водрузивъ большое царское знамя противъ Царскихъ воротъ и взявъ коня

Иоаннова за узду, они поставили его подъ знаменемъ, чтобы остановить и собрать бѣгущихъ; къ спѣшившейся половинѣ царской дружины присоединились бояре и боярскіе дѣти, бывшіе лично при Иоаннѣ. Неожиданное появленіе этихъ свѣжихъ войскъ въ блестящихъ доспѣхахъ заставило татаръ съ Едигеромъ отступить къ царскому дворцу, гдѣ они отчаянно оборонялись около полутора часовъ; наконецъ русскіе отбили ворота, ворвались во дворъ ханскаго дворца и, послѣ отчаяннаго сопротивленія казанцевъ, выбили послѣднихъ оттуда. Татары бросились въ нижнюю часть города къ Елбугиннымъ воротамъ, но здѣсь спереди загородили имъ дорогу войска А. Курбскаго, а сзади напирала царская дружина и другіе полки. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, татары бросились къ стѣнамъ, влѣзли на нихъ по грудамъ тѣлъ убитыхъ согражданъ, взвели Едигера на башню и объявили о желаніи своемъ вступить въ переговоры. Сражавшіяся здѣсь русскія войска прекратили бой. *„Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ,—объявили казанцы,—до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ; теперь отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго; ведите его къ своему Царю! А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“.* Выдавъ царя Едигера съ тремя

вельможами и пустивъ на русскихъ тучу стрѣлъ, татары бросись прямо со стѣны къ берегу Казанки; встрѣченные здѣсь залпами орудій, они повернули налѣво, внизъ по Казанкѣ, сбросили съ себя доспѣхи и кое какъ перешли черезъ рѣчку. Князья *Андрей* и *Романъ Курбскіе* обскакали непріятеля и врѣзались въ ряды его; но татаръ было еще до 6.000 человекъ и самыхъ храбрѣйшихъ,—слабыя силы Курбскихъ быстро были смяты, причемъ оба они были тяжело ранены. Татары побѣжали къ лѣсу, котораго однако не удалось имъ достигнуть: воеводы *Микулинскій*, *Глинскій* и *Шереметевъ* настигли ихъ и нанесли окончательное пораженіе; почти всѣ были истреблены и только немногіе успѣли спастись въ ближайшій лѣсъ.

Казань пала; городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; пальба умолкла, бой прекратился и только мѣстами въ городѣ кровь еще лилась: побѣдители, раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ и воспоминаніями объ измѣнахъ казанцевъ, убивали жителей, щадя лишь женщинъ, дѣтей и главныхъ чиновниковъ. Довершивъ истребленіе враговъ, князь *Воротынскій*, главный вождь и виновникъ побѣды, прислалъ поздравить царя съ покореніемъ города.

Отслуживъ подъ царскимъ знаменемъ благодар-

ственное молебствіе и принявъ затѣмъ поздравленіе воеводъ съ побѣдою, Іоаннъ милостиво принялъ представленнаго ему плѣннаго царя Едигера и отправился въ ханскій дворець, у воротъ котораго съ восторгомъ привѣтствовали его освобожденные русскіе плѣнники. Пробывъ короткое время во дворцѣ, царь возвратился въ свой станъ принести благодареніе Богу въ походной церкви во имя Св. Сергія и воздать должное войскамъ и воеводамъ за понесенные ими труды и лишенія и за великую побѣду. 4 октября Казань была очищена отъ труповъ; Іоаннъ вторично отправился въ городъ, заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы и, послѣ молебствія, приказалъ совершить крестный ходъ по стѣнамъ города.

6 октября онъ назначилъ намѣстникомъ въ Казани большаго боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго, а князя Серебрянаго—его товарищемъ и оставилъ съ ними много боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ. Разрушенныя башни и стѣны города и крѣпости приказано было возстановить. 11 октября Іоаннъ отправился на судахъ по Волгѣ въ обратный путь, а князь Воротынскій повелъ конную рать берегомъ Волги въ Василь-Сурскъ. По достиженіи Нижняго Новгорода войска были распущены по домамъ, а царь отправился су-

химъ путемъ въ Троице - Сергіевскій монастырь. 7 ноября Іоаниѣ имѣлъ торжественный вѣздъ въ Москву и былъ встрѣченъ всѣми чинами и народомъ съ восторгомъ и благодарностью, какъ покоритель мусульманскаго царства и избавитель христіанъ. Чтобы ознаменовать взятіе Казани, царь заложилъ впоследствии, въ 1555 году, храмъ о девяти верхахъ, во имя Покрова Богоматери у Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ *).

Такъ кончились знаменитые—последній походъ подъ Казань, осада и взятіе ея, заслуживающіе, кромѣ необыкновенной политической важности, особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи. Дѣйствія подъ Казанью замѣчательны какъ правильными мѣрами и распоряженіями, такъ и искуснымъ, мужественнымъ и удачнымъ исполненіемъ ихъ. Наибольшую честь ихъ слѣдуетъ приписать опытнымъ и доблестнымъ воеводамъ, начальствовавшимъ войсками и руководившимъ своими совѣтами неопытнаго въ военномъ дѣлѣ 22-хъ-лѣтняго *Іоанна*, особенно же—*Воротынскому*, *Адашеву*, *Горбатову-Шуйскому*, *Мстиславскому*, *Серебряному*, *Курбскимъ* и многимъ другимъ. Дѣйствія подъ Казанью приносятъ не меньшую честь русскимъ войскамъ: ихъ храб-

---

*) Известный теперь подъ именемъ церкви Василія Блаженнаго.

рости въ бояхъ, мужеству, твердости и терпѣнію въ преодоленіи всѣхъ препятствій и невгодъ, противупоставлявшихся имъ не менѣе храбрымъ и отчаяннымъ противникомъ и природой. Присутствіе Государя при войскѣ конечно не осталось безъ благотворнаго вліянія на ходъ военныхъ операцій: оно уравнило гордыхъ воеводъ, устранило мѣстничество между ними, придавъ единство дѣйствіямъ русскихъ полковъ, и одушевляло воиновъ, которые сражались съ большею храбростью и мужественно переносили всѣ нужды и лишенія похода. Осада Казани замѣчательна тѣмъ, что представляетъ первый примѣръ *правильной* осады укрѣпленнаго города русскими войсками и *правильнаго* при этомъ употребленія пѣхоты, конницы, особенно артиллеріи и инженернаго искусства *); дѣйствіе русскаго *наряда*, подъ управленіемъ главнаго начальника его, боярина М. Я. Морозова, достойно примѣчанія.

Казань взяли, но оставалось еще привести къ покорности и подданству дикое и воинственное населеніе казанской области. Послѣдствія показали, что сѣмена измѣны и мятежа не были еще истреблены въ

---

*) Впрочемъ, въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ осады собственно по *инженерной* части замѣтно еще смѣшеніе прежняго способа атаки укрѣпленнаго города съ новымъ.

бывшемъ казанскомъ царствѣ съ паденіемъ столицы его; нѣсколько разъ возставали татары, черемисы и другіе инородцы, навлекая собственнымъ буйствомъ опустошенія на свою страну. Уже въ 1553 году пришлось отправить противъ казанцевъ Данила Адашева съ войскомъ, который громилъ ихъ цѣлое лѣто на Камѣ и Волгѣ. Въ слѣдующемъ году, 6 декабря, были отправлены изъ Нижняго Новгорода новые воеводы, которые въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ мятежниковъ казанскихъ, опустошавшихъ наши восточные города и селенія, и принудили ихъ снова покориться Москвѣ. Потребовалось послѣ взятія Казани еще 5 лѣтъ опустошительной войны, чтобы покорить всѣ народы, отъ нея прежде зависѣвшіе; наконецъ, съ 1557 года, Казань сдѣлалась областью Россіи.

Рушилось Казанское царство и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства; завоеваніе другаго мусульманскаго царства, Астраханскаго, было скорымъ неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Еще весною 1554 года Іоаннъ воспользовавшись внутренними раздорами среди ногайскихъ князей, отправилъ на судахъ 30 тысячъ человѣкъ отборныхъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина, который безъ труда овладѣлъ

Астраханью и на мѣсто бѣжавшаго въ Крымъ *Ямурчей* водворилъ бывшего царя *Дербышъ-Алея*. Новый ханъ обязался быть подъ рукою Московскаго царя и платить ему дань, но вскорѣ измѣнилъ обязательству, вступилъ въ союзъ съ Крымомъ и враждебными Москвѣ ногаями. Для наказанія измѣнника Іоаннъ отправилъ, въ мартѣ 1556 года, новое войско; Дербышъ соединился съ толпами ногайскими и крымскими и открылъ непріязненныя дѣйствія, но, разбитый нѣсколько разъ, бѣжалъ осенью въ Азовъ. Астрахань была окончательно присоединена къ Москвѣ; съ покореніемъ ея была окончена навсегда борьба съ татарами на востокѣ.

Главнымъ гнѣздомъ татаръ, враждебныхъ Москвѣ, оставался попрежнему Крымъ. Паденіе царствъ Казанскаго и Астраханскаго сильно не нравилось Девлетъ-Гирею; попытка его отвлечь Іоанна отъ Казани нашествіемъ на Московскіе области въ 1552 году не удалась; ту же участь постигло и нападеніе его на Московскую Украину въ 1555 году: разбивъ на голову при урочищѣ Судбищи, въ 150 верстахъ отъ Тулы, слабый отрядъ (7 тыс. человекъ) Шереметева, отхватившаго однако передъ тѣмъ весь крымскій обозъ, Девлетъ-Гирей долженъ былъ съ 60 тыс. войскомъ поспѣшно отступить къ крымскимъ предѣламъ, узнавъ о движеніи къ Тулѣ главныхъ

силъ русскихъ войскъ, при которыхъ находился самъ Іоаннъ.

Дабы отвлечь хана отъ этихъ нападеній, Государь посылалъ легкіе отряды казаковъ внизъ по Дону и Днѣпру опустошать крымскіе улусы. Отважные и удачные поиски путивльскаго воеводы дьяка Ржевскаго внизъ по Днѣпру къ Исламъ-Кермешъ и Очакову и атамана Чулкова внизъ по Дону къ Азову, а вслѣдъ за ними—набѣги князя Вишневецкаго съ малороссійскими казаками, перешедшаго изъ Литвы на службу къ Іоанну, явились первыми наступательными дѣйствіями противъ Крыма и оказали сильное вліяніе на Девлетъ-Гирей: ханъ трепеталъ, полагая, что отряды Ржевскаго и Вишневецкаго суть передовые отряды главныхъ силъ, ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира и помощи у султана для спасенія Крыма, хотя въ то же время не упустилъ удобнаго случая вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства, чтобы отмстить Іоанну за набѣги Ржевскаго и Вишневецкаго. Въ концѣ 1558 года Девлетъ-Гирей, собравъ до 100 тыс. конницы, устремилъ ее къ Рязани и Тулѣ, надѣясь найти Россію беззащитною, по случаю войны ея съ Ливоніей. Но, достигнувъ рѣки Мечи и узнавъ, что на пути ихъ стояла сильная русская армія, татары поспѣшно отступили къ Осколу и да-

лѣе въ Крымъ. Видя такого рода дѣйствія Девлетъ-Гирей, Іоаннъ въ началѣ 1559 года послалъ Вишневецкаго съ 5-тысячнымъ отрядомъ на Донъ, а околичнаго Даніила Адашева съ 8 тыс. въ городокъ на р. Пселѣ и оттуда на Днѣпръ, для того, чтобы одинъ съ Дона, а другой съ Днѣпра напали на Крымъ. Весною Вишневецкій разбилъ близъ Азова небольшой отрядъ крымцевъ, а Адашевъ, спустясь на судахъ въ устье Днѣпра, взялъ 2 турецкихъ корабля, высадился на западномъ берегу Крыма, разорилъ крымскіе улусы, захватилъ большую добычу, освободилъ много русскихъ и литовскихъ плѣнниковъ и воротился въ Днѣпръ безъ препятствія. Крымцы, застигнутые врасплохъ, не скоро могли опомниться отъ страха и собраться вокругъ хана, который, не успѣвъ поѣтому напасть на Адашева въ Крыму, преслѣдовалъ его по Днѣпру до мыса Монастырки, близъ Ненасыткаго порога, но и тутъ не отважился напасть на него и воротился назадъ.

Въ Москвѣ ожидали нашествія хана; но Девлетъ-Гирей не приходилъ, потому что съ одной стороны днѣпровскіе и донскіе казаки, а съ другой—вѣрные Москвѣ ногаи и астраханцы громили и разоряли крымскіе улусы; въ самомъ Крыму свирѣпствовалъ голодъ. Ханъ прислалъ въ Москву съ мирными

предложеніями и съ жалобами на нападенія со всѣхъ сторонъ; Іоанпъ отвѣчалъ, чтобы ханъ „не говорилъ *безмѣщны* и доказалъ опытомъ свое искреннее миролюбіе“, иначе грозилъ войною, такъ какъ русскіе уже узнали путь въ его землю степями и моремъ.

ГЛАВА III.

Война съ Ливоніей (1558—60 г.). Распаденіе Ливонскаго Ордена. Война съ Польшей и Швеціей. Нашествіе крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Оборона Пскова.

споконивъ на время южные предѣлы государства и освободившись такимъ образомъ отъ татарскихъ дѣлъ, Царь обратилъ вниманіе на западную границу и рѣшилъ серьезно заняться Ливоніей, война съ которой открылась еще въ 1558 году. Это полу-независимое государство рыцарей, извѣженныхъ и слабыхъ, но гордыхъ и враждебныхъ Москвѣ, обращало на себя вниманіе Іоанна какъ древняя отчина русскихъ великихъ князей и какъ приморская область, дававшая Россіи возможность, при овла-

дѣній ея, вступить въ непосредственныя сношенія съ государствами западной Европы. Помимо торговыхъ сношеній, Московское правительство принимало мѣры для привлеченія въ свою службу иностранцевъ, знающихъ разныя искусства и ремесла; но до сего времени связь Россіи съ западной Европой зависѣла отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ Москвѣ. Польско-литовскіе государи старались мѣшать подобнымъ сношеніямъ и не позволяли европейскимъ купцамъ возить въ Россію черезъ свои земли оружіе и военные припасы. Еще болѣе затрудняла эти сношенія слабость до безсилія Ливоніи; правительство ея испросило даже у германскаго императора Карла V полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Посланный Іоанномъ въ Германію саксонецъ Шлитте, которому было поручено набрать въ царскую службу разныхъ художниковъ и мастеровъ, былъ задержанъ, по проискамъ ливонцевъ, въ Любекѣ, а затѣмъ, два года спустя, въ самой Ливоніи. Такими поступками ливонцы усиливали только въ Московскомъ правительствѣ желаніе приобрѣсти берега Балтійскаго моря покореніемъ Ливонскаго государства. Зная политическую несостоятельность Ливоніи, Іоаннъ считалъ ее, послѣ покоренія Казанскаго царства,

легкою добычей и рѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для завоеванія страны. Случай не замедлилъ представиться, вслѣдствіе неуплаты дерптскимъ епископомъ дани за русскую волость (Юрьевскую) и заключенія Ливонскимъ магистромъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ II Августомъ, какъ съ великимъ княземъ литовскимъ.

Въ февралѣ 1557 года, по истеченіи 3-хъ-лѣтняго срока внесенія дани, прибыли въ Москву ливонскіе послы, но не съ деньгами, а съ просьбою о сложеніи дани съ Дерптскаго епископа. Царь ихъ не принялъ и приказалъ объявить, что онъ самъ будетъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ за ея неисправленіе. На возвратномъ пути послы уже замѣтили, что Московское правительство готовится къ войнѣ: въ извѣстныхъ разстояніяхъ видны были новопостроенные ямскіе дворы съ помѣщеніями для большаго количества лошадей; къ западной границѣ тянулись санные обозы съ продовольственными и военными запасами. Въ апрѣлѣ Царь отправилъ окольного князя Шастунова съ товарищами строить на устьѣ Наровы ниже Иванъ-Города „корабельное пристанище“ (гавань), причемъ запретилъ новгородскимъ, псковскимъ и ивангородскимъ купцамъ ѣздить съ товарами къ

нѣмцамъ. Въ ноябрѣ того же года къ ливонскимъ границамъ было двинуто 40 тысячъ войскъ, подъ главнымъ начальствомъ Шигъ-Алея. Въ декабрѣ ливонцы послали вторично пословъ съ предложениемъ внести единовременно 45.000 ефимковъ (18.000 московскихъ рублей) и съ обѣщаніемъ ежегодной уплаты Дерптомъ по 1.000 венгерскихъ золотыхъ; когда же у пословъ потребовали немедленной уплаты денегъ, а ихъ не оказалось, то Іоаннъ, выведенный изъ терпѣнья и не согласившись ни на какую отсрочку, приказалъ войскамъ продолжать походъ.

Въ январѣ 1558 года русское войско, заключавшее въ себѣ также отряды касимовскихъ и казанскихъ татаръ, черемисы, мордвы и пятигорскихъ черкесъ, вторгнулось въ предѣлы Ливоніи со стороны Пскова. Воеводы имѣли наказъ не запи-маться осадою городовъ и замковъ, а только поводить, т. е. опустошить непріятельскія волости, что и было исполнено въ точности. Войска наши, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, прошли Ливонію огнемъ и мечомъ на полтораста верстъ въ длину, параллельно съ литовскимъ рубежомъ, и на сто верстъ въ ширину. У Дерпта, Везенберга и въ другихъ мѣстахъ нѣмецкіе отряды пытались обороняться въ открытомъ полѣ, но вездѣ были разбиваемы. Разоривъ страну по Рижской и Ревельской доро-

гамъ, не дойдя 50 верстъ до Ревеля и 30 верстъ до Риги, русское войско возвратилось назадъ на Иванъ-городъ, обремененное огромною добычею. Окончивъ походъ, Шигъ-Алей съ воеводами послалъ магистру Ордена грамоту, въ которой говорилось, что Государь Московскій прислалъ рать свою покарать ливонцевъ за ихъ неисправленіе и что если они хотятъ передъ царемъ исправиться и кровь унять, то прислали бы царю съ челобитьемъ, а воеводы стануть просить за нихъ. Ливонскіе чины рѣшили хлопотать о мирѣ; Иоаннъ же, въ ожиданіи пословъ, приказалъ прекратить военныя дѣйствія до 24-го апрѣля. Но не успѣло еще посольство ливонское прибыть въ Москву, какъ перемиріе было нарушено: нѣмцы открыли стрѣльбу изъ Нарвы *) по Иванъ-городу. Слѣдствіемъ этого было возобновленіе военныхъ дѣйствій; Иоаннъ требовалъ теперъ отъ Ливоніи уже не дани, а подданства, какъ страны, издревле принадлежавшей Россіи. Войска наши овладѣли Нарвою 11 мая, а вслѣдъ затѣмъ замкомъ Нейшлотъ (русскій Сыренскъ), стоявшимъ при истокѣ Наровы изъ Чудскаго озера, и крѣпкимъ городкомъ Везенбергомъ **). Такимъ образомъ русскія войска,

---

*) Русскій Ругодивъ.

***) Русскій Раковоръ.

дѣйствовавшія здѣсь, овладѣли всѣмъ Занаровьемъ и значительною частью Эстляндіи. Въ то же время главное русское войско двинулось изъ Пскова подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, вторгнулось въ собственную Ливонію и осадило пограничный укрѣпленный городокъ Нейгаузенъ (у русскихъ Новый Городокъ) и, окруживъ его турами, начало громить изъ пушекъ.

Храбрый рыцарь Искуль фонъ-Паденормъ съ малочисленнымъ гарнизономъ мужественно оборонялся и задержалъ русскихъ подъ стѣнами крѣпости на три недѣли. Сбивъ артиллеріей стѣны и башни, русскіе овладѣли городомъ, но не могли проникнуть въ замокъ, куда отступилъ Искуль съ горстью храбрыхъ защитниковъ. Магистръ ордена Фюрстенбергъ, имѣя только 8 тысячъ войскъ и стоявшій лагеремъ около Киремпе, на дорогѣ между Нейгаузеномъ и Дерптомъ, не рѣшился вступить въ бой съ русскими войсками для освобожденія Нейгаузена, который, не получая помощи, наконецъ сдался. Когда затѣмъ русскія войска двинулись противъ магистра, послѣдній отступилъ къ Валку. Въ виду старости Фюрстенберга и выяснившейся неспособности его отстоять Ливонію, орденскіе чины назначили ему коадьютора — молодого энергичнаго Готгарда Кетлера, который однако также не въ состояніи былъ

помочь обезсиленной, разоренной Ливоніи. Фюрстенбергъ, оставаясь магистромъ только по имени, удался въ замокъ Феллинъ.

Затѣмъ русскія войска двинулись къ Дерпту, но, прежде чѣмъ осадить его, взяли еще нѣсколько замковъ, каковы: Костерь, Курславль и Вербекъ на Эмбахѣ. Въ началѣ іюля русскія войска подступили къ Дерпту. Этотъ хорошо укрѣпленный городъ былъ обороняемъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ; двухтысячнымъ наемнымъ нѣмецкимъ отрядомъ. Обложивъ городъ и устроивъ батареи (туры), русскіе начали громить его изъ пушекъ; осажденные сначала мужественно и упорно оборонялись, производя сильный огонь изъ орудій и частыя вылазки; но осаждавшіе постепенно приближались къ городу и, по значительному превосходству въ числѣ орудій, наносили сильный вредъ городу, стѣнамъ и жителямъ его. Бѣдствія осады, малочисленность гарнизона и тщетная надежда на помощь заставили наконецъ защитниковъ города вступить въ переговоры и сдать городъ 18-го іюля князю Шуйскому на довольно выгодныхъ для нихъ условіяхъ; при этомъ было сдано значительное количество пороха и 552 орудія.

Паденіе Дерпта произвело сильное впечатлѣніе на ливонцевъ: многія укрѣпленныя мѣста послѣ

того сдавались русскимъ войскамъ почти безъ сопротивленія, такъ что число всѣхъ завоеванныхъ въ Ливоніи городовъ простиралось теперь до 20. Русское войско доходило до Ревеля и князь Шуйскій посылалъ склонять гражданъ его къ сдачѣ, но не рѣшился осадить этотъ крѣпкій городъ. Оставивъ въ завоеванныхъ городахъ гарнизоны, главные воеводы въ сентябрѣ возвратились, по обычаю, въ Москву.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовался магистръ Кетлеръ, который, собравъ до 10 тыс. войскъ, осадилъ и взялъ Рингенъ; во время осады послѣдняго нѣмецкіе отряды проникли въ Псковскую землю и разорили нѣкоторыя волости.

Въ отмщеніе Кетлеру, въ январѣ 1559 года вступила въ Ливонію русская рать подъ предводительствомъ князей Микулинскаго и Серебряныхъ и опустошила Лифляндію до самой Риги и Поморье до предѣловъ Пруссіи и затѣмъ возвратилась въ Псковскую область въ февралѣ мѣсяцѣ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ ливонцы обратились къ государямъ Швеціи, Польши и Даніи. Послѣ долгихъ переговоровъ, Царь, уступая ходатайству датскаго короля Фридриха II, согласился на перемиріе, сказавъ въ грамотѣ, что онъ *жалуетъ* Ливоніи перемиріе отъ мая до ноября 1559

года и что магистръ можетъ или самъ *ударить Царю челомъ въ Москву* или прислать „знатнѣйшихъ людей“ для заключенія вѣчнаго мира. Впрочемъ этимъ отдыхомъ Ливонія обязана была на самомъ дѣлѣ не ходатайству короля Фридриха II, а упомянутому выше нашествію, въ концѣ 1558 года, крымскаго хана Девлетъ-Гирея.

Ливонскіе рыцари во время этого шестимѣсячнаго перемирія думали однако не о мирѣ, а искали средствъ для дальнѣйшей борьбы съ Московскимъ Царемъ. Магистръ Кетлеръ рѣшился на крайнюю мѣру: совмѣстно съ архіепископомъ рижскимъ онъ заключилъ (въ сентябрѣ 1559 года) съ польско-литовскимъ королемъ договоръ, по которому король принялъ Орденъ подъ свое покровительство и обязался защищать его отъ Іоанна, а магистръ и архіепископъ отдали королю въ залогъ нѣсколько ливонскихъ крѣпостей *), оставивъ за собою право выкупить ихъ впоследствии за 700.000 гульденовъ. Въ то же время присланы были изъ Германіи въ помощь Ордену наемныя нѣмецкія дружины и обѣщаны значительныя денежныя суммы. Все это поселило въ магистрѣ такую самонадѣянность, что

---

*) Динабургъ, Зельбургъ, Бауске, Маріенгаузенъ, Ленневардевъ и друг.

онъ, за мѣсяць до истеченія перемирія, въ глубокую осень выступилъ изъ Вендена и, открывъ непріязненные дѣйствія противъ русскихъ войскъ, занимавшихъ нѣкоторые города Ливоніи, разбилъ отрядъ воеводы Плещеева близъ Дерпта и подступилъ къ этому городу, но не могъ овладѣть имъ. Наступили морозы и вьюги; подвозовъ не было; все это отбило охоту къ браннымъ подвигамъ у наемныхъ пѣмекскихъ дружинъ и онѣ ушли обратно. Кетлеръ съ одними ливонцами обратился къ городку Лаису, но, потерпѣвъ и здѣсь неудачу, отбитый на двухъ приступахъ, отступилъ въ Оберпаленъ. Весною 1560 года виленскій воевода Николай Радзивиль вступилъ въ Ливонію и занялъ литовскими гарнизонами заложенные замки.

Въ Ливонію снова вторглись русскія войска подъ начальствомъ князей Мстиславскаго, Шуйскаго и Серебрянаго и, взявъ Маріенбургъ, распространили опустошенія до самаго моря.

Между тѣмъ, вслѣдствіе заключеннаго польскимъ королемъ съ Орденомъ договора, въ январѣ 1560 года прибылъ въ Москву посоль Сигизмунда II Августа съ требованіемъ не вступаться въ дѣла Ливоніи, отдавшейя подъ его покровительство. Но обоюдное стремленіе доказать права свои на Ливонію не могло повести къ какимъ-либо уступкамъ

съ той и другой стороны и споръ между ними за обладаніе этою страной должно было рѣшить оружіе. Иоаннъ спѣшилъ завоеваніемъ Ливоніи, а между тѣмъ оставленные здѣсь (за выдѣленіемъ главнаго войска съ опытными воеводами противъ Крымскаго хана) *неискусные и необыкновенные въ полкоустроеніяхъ воеводы* не разъ терпѣли пораженія отъ нѣмецкихъ отрядовъ *). Въ такихъ обстоятельствахъ Царь послалъ въ Ливонію, весною 1560 года, князя Курбскаго, а вслѣдъ за нимъ и главную рать подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Мстиславскаго. Прибывъ въ Дерптъ за два мѣсяца до главныхъ воеводъ, Курбскій выступилъ съ отрядомъ къ Вейсенштейну, разбилъ одинъ отрядъ ливонцевъ подъ этимъ замкомъ и другой, бывший подъ начальствомъ стараго магистра Фюрстенберга, — подъ Феллиномъ. Опустошивъ окрестную страну и одержавъ успѣхъ надъ противникомъ еще въ нѣсколькихъ стычкахъ, князь Курбскій возвратился въ Дерптъ.

Овладѣніе Феллиномъ, считавшимся весьма сильною крѣпостью Ливоніи, было цѣлью похода главной арміи князей Ивана Мстиславскаго и Петра Шуйскаго, состоявшей изъ 40 тысячъ человекъ съ 40 осадными и 50 полевыми орудіями. Въ виду

---

*) См. Сказанія кн. Курбскаго.

дошедшихъ слуховъ, что магистръ Фюрстенбергъ хочетъ отправить въ Гапсаль богатую казну, воеводы отрядили 12-ти тысячный отрядъ князя Барбашина къ морю въ обходъ Феллина, а сами съ остальными войсками двинулись къ этому послѣднему, отправивъ артиллерію вверхъ по рѣкѣ Эмбахъ. Отрядъ князя Барбашина, при движеніи по назначенію, остановился во время полудня на отдыхъ близъ городка Гермеса и здѣсь подвергся печальному нападенію нѣмецкаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ лучшаго изъ ливонскихъ воеводъ, ландмаршала Филиппа фонъ-Бель. Послѣдній, имѣя всего до 500 человѣкъ конницы и 400 человѣкъ пѣхоты, рѣшился напасть врасплохъ на Барбашина въ надеждѣ, что неожиданность нападенія уравняетъ силы, но обманулся: въ то время, какъ отрядъ ливонцевъ опрокинулъ русскую стражу и проникъ до главныхъ силъ Барбашина, часть этихъ послѣднихъ успѣла обойти ливонскій отрядъ лѣсами и нанесла ему совершенное пораженіе; самъ фонъ-Бель, послѣдній защитникъ и надежда лифляндскаго народа, по выраженію князя Курбскаго, попалъ въ плѣнъ съ одиннадцатью командорами и 120 рыцарями.

Ливонцы, осажденные въ Феллинѣ, сначала оборонялись мужественно и упорно даже и тогда, когда

внѣшнія стѣны крѣпости были разрушены огнемъ русскихъ пушекъ. Осада длилась три недѣли; но когда былъ открытъ изъ артиллеріи огонь калеными ядрами и въ городѣ произошелъ пожаръ, то осажденные вступили въ переговоры и сдали крѣпость 21-го августа, хотя могли еще продолжать упорную оборону, владѣя почти неприступной внутреннею крѣпостью (замкомъ) съ 3-мя при ней укрѣпленіями и имѣя 18 большихъ и 450 среднихъ и малыхъ орудій и множество всякаго рода запасовъ. Нѣмецкіе писатели свидѣтельствуютъ, что наемныя нѣмецкія дружины, не получая нѣсколько мѣсяцевъ жалованья и не ожидая ниоткуда помощи, заволовались и вступили въ переговоры съ русскими воеводами; напрасно старецъ Фюрстенбергъ предлагалъ имъ все свое имущество: предварительно ограбивъ его и выговоривъ себѣ свободное отступленіе, гарнизонъ впустилъ въ крѣпость русскія войска. Однако награбленное было отобрано у нихъ русскими войсками, а большая часть ихъ самихъ за измѣну была перевѣшана Кетлеромъ въ Ригѣ. Старецъ Фюрстенбергъ, привезенный въ Москву, милостиво былъ принятъ Царемъ и получилъ себѣ „въ кормленіе“ ярославскій городокъ Любимъ, гдѣ и окончилъ спокойно свой вѣкъ.

По сдачѣ Феллина, примѣру его послѣдовало нѣ-

сколько другихъ ливонскихъ городовъ, и русское войско безъ сопротивленія разорило страну, вездѣ разбивая малочисленные отряды, выходившіе на встрѣчу. Однако Мстиславскій не могъ взять Вейсенштейна, несмотря на шести-недѣльную осаду. Снявъ ее, русскія войска 18 октября отступили въ предѣлы Россіи, чѣмъ и окончился походъ 1560 года.

Всѣ эти успѣхи русскихъ войскъ нанесли смертельный ударъ Ордену, довели Ливонію до полного разстройства, отнявъ у нея возможность вести дальнѣйшую борьбу собственными силами, но не привели къ окончательному завоеванію ея: изнуренная бесполезными усиліями борьбы противъ сильнаго Московскаго Царя и урѣзанная въ своихъ предѣлахъ другими сосѣдями, хотя и мирными путями, она искала только лучшаго властелина, чтобы спасти остатки свои отъ плѣна и меча россіянъ. Король датскій *Фридрихъ II* успѣлъ пріобрѣсти за 20.000 талеровъ для брата своего *Магнуса* островъ Эзель, а ревельцы отдали себя со всею Эстоніей подъ покровительство шведскаго короля *Эрика XIV*, сына и преемника *Густава - Вазы* (въ іюнь 1561 года). Не имѣя возможности отстоять самостоятельность Ордена, молодой магистръ *Кетлеръ* съ депутатами Ливоніи отправился въ Вильно и тамъ, 22 ноября 1561 года, заключилъ договоръ, по которому уступилъ

Ливонію польскому королю Сигизмунду II Августу, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалию съ титуломъ герцога, признавъ и это владѣніе леномъ Польши.

Раздѣлъ Ливоніи повелъ за собою 20-лѣтнюю кровопролитную войну между Россіей, съ одной стороны, и Польшей со Швеціей—съ другой. вмѣсто одной слабой Ливоніи явилось два сильныхъ противника, и война потребовала отъ Царя Московскаго чрезвычайнаго напряженія силъ и вѣрныхъ слугъ. На первыхъ порахъ удалось отклонить войну со Швеціей, которая обратилась противъ Дани, но война съ Польско-Литовскимъ королевствомъ оказалась неизбѣжною.

Война съ слабою Ливоніей въ 1558—60 годахъ представляла болѣе или менѣе благопріятный случай для завоеванія ея, еслибы только образъ веденія войны былъ принятъ иной. Прочное утверженіе въ краѣ и завоеваніе этой „страны замковъ и крѣпкихъ городовъ“ требовало войны правильной, методической, настойчивости и непрерывности въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, а не опустошительныхъ ежегодныхъ вторженій, вносившихъ лишь разореніе въ страну и не дававшихъ русскимъ войскамъ точекъ опоры для владѣнія ею. Овладѣніе важными опорными пунктами въ странѣ, крѣпкими городами и замками и постепенное такимъ образомъ наступ-

леніе сильной русской арміи съ востока въ направленіи къ морю и на югъ могло бы привести къ прочному утвержденію въ этомъ краѣ русскихъ войскъ и облегчило бы Іоанну оборону его въ войнѣ Россіи съ Польшей и Швеціей,—въ войнѣ, которую во всякомъ случаѣ вызвало бы покушеніе Московскаго Царя на завоеваніе Ливоніи. Между тѣмъ царскіе воеводы, повинувся волѣ Іоанна, ничѣмъ теперь не стѣсняемой и не знавшей уже предѣловъ, при ежегодныхъ вторженіяхъ своихъ оставляли за собою по всѣмъ направленіямъ внутри страны лишь слѣды огня и меча и ни одного прочно занятаго укрѣпленнаго пункта, кромѣ Нарвы, Дерпта и Феллина и немногихъ пограничныхъ. Этотъ способъ войны, не отвѣчавшій цѣли ея, съ другой стороны не могъ привлечь на сторону Московскаго правительства коренныхъ обитателей страны, хотя послѣдніе, съ неудовольствіемъ сносили иго своихъ нѣмецкихъ господъ, и приходили въ началѣ войны къ русскимъ воеводамъ, добровольно принимая русское подданство.

Предварительно военныхъ дѣйствій Россіи съ Польшею были открыты между ними мирные переговоры, которые однако окончились ничѣмъ, такъ какъ Сигизмундъ II Августъ требовалъ не только прекращенія Ливонской войны, но и уступки Новго-

рода, Пскова и Смоленска. Военныя дѣйствія съ той и другой стороны открылись еще въ сентябрѣ 1561 года и велись какъ въ этомъ году, такъ и въ слѣдующемъ, нерѣшительно и вяло и ограничивались взаимными опустошеніями. Въ апрѣлѣ 1563 года, какъ бы не довѣряя воеводамъ и желая скорѣе покончить дѣло, Царь лично выступилъ въ походъ съ многочисленной арміей къ литовскимъ границамъ по направленію къ Полоцку, очень важному по своему положенію на Двинѣ какъ для Литвы, такъ и для Ливоніи, и потому бывшему главнымъ предметомъ похода. Въ арміи этой одной *посохи*, т.-е. земской рати конной и пѣшей, было до 80.000 человекъ, а для осады крѣпости въ составъ ея была назначена многочисленная осадная артиллерія (*большой нарядъ*). 31 января Полоцкъ былъ обложенъ, 7 февраля взятъ былъ острогъ его, или посадъ, расположенный за рѣкою Пологою, а 15 февраля, послѣ того какъ 300 сажень деревянной стѣны его было сожжено калеными ядрами, сдался и самый городъ, т.-е. кремль.

Сознавая важность пріобрѣтенія Полоцка, Іоаннъ привялъ всѣ мѣры для удержанія его за собою. Оставивъ въ немъ воеводою князя Петра Ивановича Шуйскаго, а товарищами его двухъ братьевъ князей Серебряныхъ-Оболенскихъ, царь далъ имъ по-

дробный наказъ какъ относительно возобновленія и усиленія крѣпости, такъ и о порядкѣ службы, дабы обезопасить ее отъ прихода литовскихъ людей и отъ измѣны жителей. Поэтому въ Софійскій соборъ, находившійся въ кремлѣ, дозволилъ онъ впускать гражданъ изъ острога или посада только въ торжественные праздники, и то понемногу, усиливъ на это время вездѣ стражу. Въ городѣ велѣлъ сдѣлать „свѣтлицу“ (родъ гауптвахты), гдѣ ночевали бы очередные военные начальники со своими людьми, а по городу ночью постоянно ходили бы дозоры съ фонарями.

26 февраля Царь выступилъ съ арміей изъ Литвы къ Великимъ Лукамъ, гдѣ и распустилъ войско, а самъ возвратился въ Москву.

Взятіе Полоцка, между прочимъ, имѣло слѣдствіемъ возобновленіе переговоровъ съ Сигизмундомъ II Августомъ, который прислалъ въ Москву въ декабрѣ 1563 года большое посольство. Послы просили перемирія на 6 мѣсяцевъ; но такъ какъ они не соглашались на уступку Полоцкой волости и Ливоніи, то имъ отказали, считая эту просьбу за желаніе выиграть зимнее время, тогда какъ московскія войска были готовы открыть зимній походъ.

Въ январѣ 1564 года въ Литву посланы были двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ князя Петра

Шуйскаго, изъ Полоцка и другая, подъ начальствомъ султана Ибака и князей Серебряныхъ-Оболенскихъ, изъ Вязьмы; обѣ арміи должны были соединиться подъ Оршею (на р. Дручѣ) и затѣмъ двинуться, подъ общимъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, къ Вильнѣ. Походъ этотъ кончился бѣдственно. Князь Шуйскій, завоеватель Дерпта, обнаружилъ въ этомъ походѣ удивительную неосторожность: очевидно, не разсчитывая встрѣтить непріятеля въ полѣ, онъ, слѣдуя съ войсками отъ Чапниковъ къ Оршѣ, не озаботился высылкой передовой стражи, а войска его шли въ беспорядкѣ, безъ оружія, которое находилось въ обозѣ на саяхъ. Недалеко отъ Орши, въ мѣстности лѣсистой и тѣсной для построенія полковъ, послѣдніе были неожиданно атакованы польско-литовскимъ отрядомъ воеводы Николая Радзивила; нападеніе было произведено настолько быстро, что русскіе не успѣли ни надѣть доспѣхи, ни устроиться въ полки; пораженіе было полное: самъ Шуйскій поплатился жизнью за свою оплошность, а войска его потеряли весь обозъ и артиллерію. Однако, пользуясь покровомъ ночи, большая часть войскъ успѣла спастись и ушла въ Полоцкъ.

Князья Оболенскіе, получивъ вѣсть о пораженіи Шуйскаго, возвратились къ Смоленску.

Это поражение русской рати было только началом многих других неудачъ въ этой войнѣ, столь несчастной для Россіи, столь же безславной для Иоанна, и чѣмъ долѣе затягивалась эта война, тѣмъ осязательнѣе и оскорбительнѣе для русскаго чувства становились наши неудачи въ ней, отражая собою печальное внутреннее состояніе государства, гдѣ уже наступила мрачная эпоха казней и опричнины.

Между тѣмъ переговоры съ Польшей не прекращались. Вновь присланные Сигизмундомъ II Августомъ послы, не сговорясь о вѣчномъ мирѣ, сговаривались уже только о перемиріи, уступая даже Полоцкъ и земли въ Ливоніи, занятія русскими войсками. Но Иоаннъ требовалъ кромѣ того Риги и другихъ городовъ. Однако предложеніе польскаго короля невольно остановило вниманіе Царя на вопросѣ: продолжать ли тяжелую войну, успѣхи которой были сомнительны и не слѣдуетъ ли принять перемиріе, которое было все-таки славно, такъ какъ оставляло въ рукахъ Иоанна всѣ завоеванія и въ томъ числѣ важные города Юрьевъ и Полоцкъ; но, съ другой стороны, отказаться отъ морскихъ береговъ значило отказаться отъ главной цѣли войны, для которой было уже потрачено столько средствъ и усилій. Въ этомъ недоумѣніи Иоаннъ, по тогдаш-

нему своему настроенію, захотѣлъ узнать мнѣніе своего народа, а не однихъ бояръ, которымъ уже не довѣрялъ. Съ этою цѣлью Царь собралъ лѣтомъ 1565 года земскій соборъ (выборныхъ людей земскихъ сословій) и получилъ отвѣтъ, что Ливонская земля должна принадлежать Россіи, какъ земля прародителей Царя Русскаго, начиная съ великаго князя Ярослава.

Сигизмундъ II Августъ въ свою очередь не согласился на уступку Ливоніи и объявилъ войну. Отвѣтную грамоту Польскаго короля Іоаннъ получилъ лѣтомъ слѣдующаго года на пути въ Новгородъ, откуда затѣмъ выступилъ было съ войскомъ въ походъ въ Ливонію и прибылъ въ Великія Луки, но на совѣтѣ съ боярами рѣшилъ ограничиться войною оборонительною; самъ отправился въ Москву, а воеводамъ приказалъ стоять въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ и наблюдать непріятеля. Военныя дѣйствія возобновились и продолжались въ слѣдующихъ 1568 и 1569 годахъ, но ограничивались нерѣшительными стычками съ литовцами и ливонцами, а затѣмъ и со шведами изъ-за Эстоніи. Въ то же время не прекращались и переговоры съ Литвою о перемиріи. То было—ни миръ, ни война и дѣло завоеванія Ливоніи не подвигалось ни на шагъ. Не успѣвъ достигнуть своей цѣли силою, Іоаннъ при-

бѣгнуль къ хитрости: онъ далъ владѣтелю острова Эзеля, принцу датскому Магнусу, титулъ короля ливонскаго, выдалъ за него племянницу свою, дочь князя Владиміра Андреевича и призналъ Магнуса независимымъ владѣтелемъ Ливоніи, требуя однако отъ него присяги въ качествѣ вассала Россіи. Давъ Магнусу 25 тысячъ войска, Царь послалъ его завоевать Ливонію. Магнусъ осадилъ Ревель въ августѣ 1570 года, но, простоявъ подъ нимъ около семи мѣсяцевъ, долженъ былъ снять осаду и удалиться въ подаренный ему отъ Царя Оберъ-Паленъ (близь Дерпта).

Неудачи эти не измѣнили мысли Царя относительно Ливоніи и онъ продолжалъ готовить войска для продолженія войны. Между тѣмъ весною 1571 года получена была вѣсть въ Москвѣ, что Крымскій ханъ идетъ на Москву съ 120 тысячнымъ войскомъ. Московскіе воеводы, князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и др., спѣшили, по обычаю, занять берега Оки; самъ Іоаннъ со своею опричиною явился въ Серпуховъ. Ханъ, сопровождаемый нѣкоторыми московскими измѣнниками, двинулся, по указанію послѣднихъ, прямо на Серпуховъ и Москву и обошелъ воеводъ; Царь, видя себя отрѣзаннымъ отъ прочихъ воеводъ, отступилъ на Бронницы, оттуда на Александровскую слободу

и далѣе на Ростовъ; воеводы спѣшили съ береговъ Оки на защиту столицы, но, вмѣсто того чтобы дать сраженіе въ полѣ, расположились въ московскихъ посадахъ. 24 мая, въ день Вознесенія, ханъ спустился къ столицѣ и зажегъ предмѣстья; страшный вѣтеръ распространилъ огонь по всему городу и въ 4 часа времени не стало большей части его; только кремль уцѣлѣлъ отъ пожара. Говорятъ, что всѣхъ погибшихъ въ этотъ несчастный день (убитыхъ, сгорѣвшихъ, потонувшихъ въ Москвѣ - рѣкѣ и пр.) и уведенныхъ татарами въ плѣнъ простиралось до 800.000 человекъ.

Нанеся этотъ жестокий ударъ, Девлетъ - Гирей обратился назадъ, спокойно разоряя юго-восточныя наши области.

Послѣ этого новаго гибельнаго нашествія Девлетъ-Гирейя начались сношенія между нимъ и Иоанномъ: первый дерзко требовалъ возврата Казани и Астрахани, а второй „билъ челомъ“ хану, обѣщалъ уступить ему Астрахань при торжественномъ заключеніи мира и просилъ не тревожить до того времени Россіи. Но ханъ понялъ, что Иоаннъ уступчивыми переговорами хотѣлъ только протянуть время и потому лѣтомъ слѣдующаго 1572 г. снова двинулся къ Окѣ съ 120-тысячнымъ войскомъ съ значительнымъ числомъ орудій. Самонадѣянность

хана простиралась до того, что онъ заранѣе обѣщаль лучшіе дома нашей столицы своимъ мурзамъ. Иоаннъ въ это время былъ въ Новгородѣ. Въ 3-хъ верстахъ отъ Серпухова, на лѣвомъ берегу Оки, стоялъ князь Воротынскій съ войскомъ. Здѣсь, въ мѣстѣ наиболѣе удобномъ для переправы, устроенъ былъ гуляй-городъ. Оставивъ противъ него 2-тысячный отрядъ съ полковыми орудіями, Девлетъ-Гирей переправился черезъ Оку въ другомъ мѣстѣ *) и двинулся прямо къ Москвѣ. Узнавъ о томъ, Воротынскій устремился вслѣдъ за непріятелями, настигъ ихъ и принудилъ принять бой 1-го августа, у Воскресенія въ Молодахъ (Подольскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Москвы). Передовой полкъ князя Хворостинина со стрѣльцами и нѣмецкой дружиной лифляндца Фаренсбаха опрокинулъ крымскую стражу еще 28-го іюля и гналъ ее до ханскаго отряда; главный жестокій бой произошелъ 1-го августа. Татары сражались, чтобы проложить себѣ дорогу въ Тавриду, или новою побѣдой подкрѣпить требованіе Казани и Астрахани, а русскіе отстаивали свою родину и горѣли желаніемъ отмстить за опустошеніе отечества, за пожаръ столицы и за гибель сотней тысячъ своихъ согражданъ. Главный воево-

---

*) Между устьями рр. Протвы и Лопасни, у Сенькина перевоза.

да, князь Воротынскій, явивъ здѣсь необыкновенное мужество лучшаго воина, не упустилъ изъ вида лежавшей на немъ обязанности полководца. Устроивъ гуляй-городъ и расположивъ скрытно сильныя батареи, онъ заманивалъ татарскія полчища подъ огонь батарей; когда же войска, сойдясь грудь съ грудью, истощили усилія свои въ рукопашныхъ схваткахъ, Воротынскій съ свѣжею дружиною зашелъ неприятелю въ тылъ и рѣшилъ дѣло однимъ ударомъ. Татары бѣжали съ потерею артиллеріи, обозовъ, множества плѣнныхъ и потерпѣли такой уронъ, что Девлетъ-Гирей изъ всей своей грозной арміи привелъ обратно въ Крымъ не болѣе 20 тысячъ всадниковъ. Побѣдою при Молодяхъ князь Воротынскій спасъ Москву отъ новаго разгрома, утвердилъ во власти Іоанна Астрахань и Казань и надолго обезпечилъ южныя предѣлы государства отъ вторженія хищниковъ.

Между тѣмъ война въ Ливоніи продолжалась; здѣсь Іоаннъ долженъ былъ вести войну не съ одними поляками и литовцами, но и со шведами, занимавшими Ревель. Явившись подъ стѣнами его съ значительнымъ войскомъ въ 1571 году и потерпѣвъ здѣсь неудачу, Іоаннъ предпринялъ походъ и въ слѣдующемъ 1572 году. Вступивъ въ Эстонию въ концѣ этого года съ 80-тысячнымъ войскомъ, онъ

взялъ приступомъ Виттенштейнъ, на стѣнахъ котораго сложилъ свою буйную голову извѣстный любимецъ и клеветъ царя Малюта Скуратовъ; но этимъ и ограничились успѣхи: самъ Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, а воеводы его, взявъ Нейгофъ и Каркусъ, потерпѣли нѣсколько поражений въ полѣ. Болѣе удачны были дѣйствія русскихъ войскъ въ Эстоніи въ 1575 и 1576 годахъ, когда былъ взятъ приступомъ Перновъ и почти безъ сопротивленія нѣсколько другихъ городовъ; но въ 1577 году русскіе опять потерпѣли неудачу при осадѣ Ревели, несмотря на значительный *нарядъ* (41 орудіе), управлявшійся нѣмецкими и шотландскими пушкарями, и должны были отступить. Въ этомъ же году Іоаннъ снова вступилъ въ Ливонію съ сильною ратью изъ Новгорода; русскія войска овладѣли здѣсь многими укрѣпленными пунктами, но не успѣли утвердиться въ Ливоніи, и эта злополучная страна, опустошаемая всѣми своими сосѣдями, испытала неслыханныя бѣдствія...

Между тѣмъ какъ Іоаннъ истощалъ свои средства на завоеваніе Ливоніи, Польша, подъ управленіемъ новаго короля — воинственнаго и мудраго *Стефана Баторія*, казалось, съ каждымъ днемъ пріобрѣтала силы для борьбы съ Москвою. Польскій король серьезно готовился поддержать оружі-

емъ притязаніе Польши на Ливонію. Но еще прежде войска наши, дѣйствовавшія въ этой странѣ, подверглись нападенію отъ шведовъ и потерпѣли поражение, а въ октябрѣ 1578 года литовцы, соединившись со шведами, подъ начальствомъ Сапѣги и Бойе, неожиданно напали на русскихъ, въ числѣ 18 тысячъ осаждавшихъ Венденъ. Несогласіе между нашими воеводами (спору за мѣста) и беспорядочныя ихъ распоряженія облегчили побѣду непріятелямъ. Атакованныя неожиданно, русскія войска едва успѣли построиться впереди своихъ окоповъ. Долго бились, мужественно, но татарская конница въ рѣшительную минуту обратилась въ бѣгство; однако русскимъ удалось отступить въ укрѣпленный станъ и удержаться въ немъ до самой ночи. Воспользовавшись ночью темнотою, четверо воеводъ ускакали съ конницею изъ стана, оставивъ тамъ остальныхъ воеводъ съ небольшою частью людей и *нарядомъ*. На слѣдующее утро непріатели обрушились всѣми силами на русскій станъ и овладѣли всѣмъ обозомъ и *нарядомъ* въ числѣ 17 орудій, истребивъ защитниковъ стана и захвативъ въ плѣнъ 4 воеводъ; но московскіе пушкарі предпочли смерть плѣну и были изрублены непріателемъ на своихъ орудіяхъ. По разсчету ливонскихъ лѣтописцевъ, изъ 18.000 русскихъ войскъ погибло въ

этомъ дѣлѣ болѣе 6.000 человѣкъ. Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу; въ Псковѣ уже привезли тяжелый нарядъ для осады Ревеля, но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе: врагъ явился на Русской землѣ.

Стефанъ Баторій, изъявляя Іоанну наклонность къ миру, однако дѣятельно готовился къ войнѣ. Предвидя борьбу продолжительную, онъ обратилъ свои средства и большую часть расходовъ государства на приготовленіе военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и на наемъ иноземныхъ ратниковъ. Король не упустилъ изъ виду и средствъ политическихъ: заключивъ союзъ съ королемъ шведскимъ, онъ старался привлечь на свою сторону султана, просилъ папу быть его заступникомъ во всѣхъ католическихъ государствахъ и возбуждалъ Крымскаго хана противъ Русскаго Царя щедрыми дарами и пышными обѣщаніями; для усиленія своихъ силъ и улучшенія состава ихъ онъ нанялъ въ службу дружины венгерской и нѣмецкой (ландскнехтовъ) пѣхоты. Эта отличная пѣхота, исправная артиллерія, необыкновенная дѣятельность и подвижность въ военныхъ походахъ, искусное, правильное веденіе войны вообще и талантливость самого короля давали ему огромное преимущество надъ врагомъ не дѣя-

тельными, растянувшимъ свои силы по границамъ и незнавшимъ главныхъ основаній веденія войны правильной, методической. На сторонѣ Иоанна было превосходство въ числѣ вооруженныхъ силъ и въ военныхъ средствахъ; но самъ онъ рѣшительно не обладалъ военными дарованіями и былъ слишкомъ нервень для того, чтобы быть хорошимъ военачальникомъ; частные успѣхи русскихъ войскъ при личномъ начальствѣ Царя въ этой двадцатилѣтней злополучной войнѣ за Ливонію могутъ быть объяснены только тѣмъ, что въ присутствіи его возстановлялось согласіе между воеводами, которые не смѣли спорить за мѣста и дѣйствовали болѣе дружно. Наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Иоанна не стало въ русскомъ войскѣ многихъ опытныхъ воеводъ его: одни томились въ заключеніи или сложили свои головы, а другіе ему измѣнили.

Однако Иоаннъ дѣлалъ огромныя приготовленія къ войнѣ, сосредоточилъ въ Новгородѣ и Псковѣ значительныя силы и въ іюнѣ 1579 года отправился въ Новгородъ, пославъ къ Баторію мирную грамоту. Но Баторій не думалъ о мирѣ и выступилъ съ 40-тысячнымъ войскомъ къ границамъ Россіи.

Предпринимая войну, обсудивъ планъ наступательныхъ операцій, Стефанъ Баторій рѣшилъ оста-

вить пока Ливонію, страну уже разоренную и усѣянную укрѣпленными городами и замками, осада которыхъ потребовала бы разброски силъ и продолжительной крѣпостной войны, и перенести войну изъ Литвы въ предѣлы Россіи; съ этою цѣлью онъ рѣшилъ прежде всего взять Полоцкъ, сильно укрѣпленный городъ по тому времени и имѣвшій важное значеніе. Овладѣніе Полоцкомъ доставляло Баторію обезпеченіе Литвы и Ливоніи и давало отличную опорную точку для наступательныхъ операцій въ русскихъ предѣлахъ.

Собравъ армію въ іюль подъ Свиремъ въ Литвѣ, Баторій быстро двинулся къ Полоцку и осадилъ его въ началѣ августа. Іоаннъ не ожидалъ открытія военныхъ дѣйствій съ этой стороны и послалъ многочисленное войско за Двину въ Курляндію. Неожиданная вѣсть объ осадѣ Полоцка заставила Царя поспѣшно отозвать войско назадъ и послать на помощь осажденнымъ передовыя дружины подъ начальствомъ Шеина и Шереметева. Между тѣмъ полоцкіе воеводы, князь Телятевскій, Волынскій и князь Щербатый, мужественные, но мало искусные, были не въ силахъ бороться съ даровитымъ противникомъ. Однако болѣе трехъ недѣль оборонялся гарнизонъ съ необыкновеннымъ мужествомъ въ деревянной крѣпости, подвергавшейся безпрестаннымъ

пожарамъ отъ огня артиллеріи непріятеля. Жители, даже старики и женщины, дѣятельно и храбро помогали тушить пожары, спускались на веревкахъ со стѣнъ крѣпости за водою, которую передавали въ крѣпость, многіе погибали, а на мѣсто ихъ являлись другіе. Но и осаждавшіе много терпѣли отъ непогоды, бездорожья, недостатка продовольствія въ странѣ лѣсной, малонаселенной и разоренной недавними войнами. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ приступовъ Баторій овладѣлъ Полоцкомъ; такимъ образомъ, это древнее достояніе Россіи было вновь потеряно русскими и почти на два столѣтія. Въ то время, какъ гарнизонъ города изнемогалъ въ борьбѣ, Шейнъ и Шереметевъ, посланные Іоанномъ на помощь Полоцку, заняли крѣпость Соколъ и не отважились напасть на осаждающаго, а ограничились лишь тѣмъ, что препятствовали подвозу осаждающимъ продовольственныхъ запасовъ. Самъ Іоаннъ въ это время бездѣйствовалъ. По взятіи Полоцка, Баторій приступомъ взялъ крѣпость Соколъ и еще нѣсколько небольшихъ крѣпостей по близости; вмѣстѣ съ тѣмъ литовцы опустошили Сѣверскую и Смоленскую области.

На слѣдующій годъ (1580) Баторій овладѣлъ многими укрѣпленными городами и въ числѣ ихъ взялъ Великія Луки.

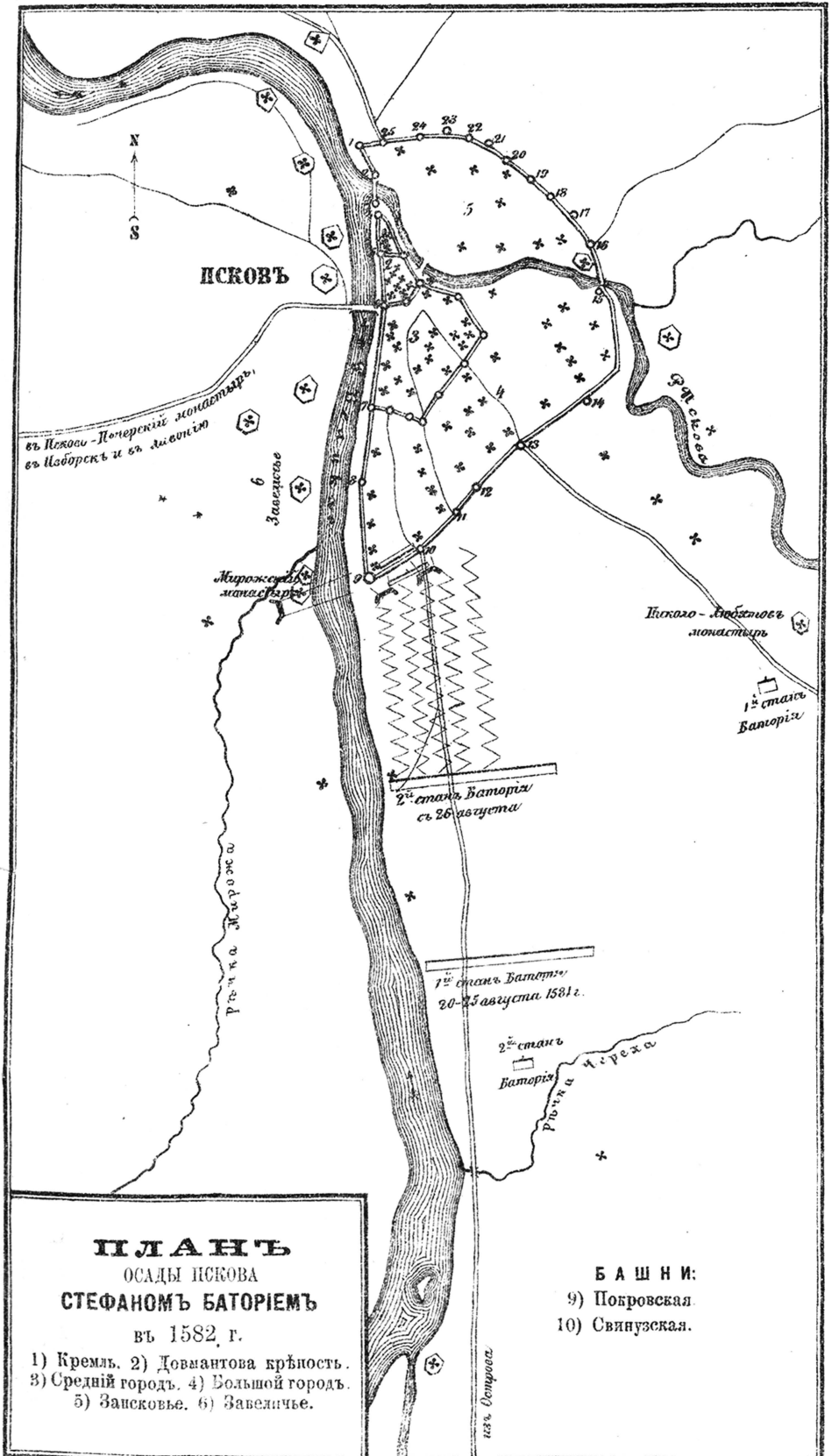
Во время осады послѣднихъ прибыли въ королю русскіе послы съ предложеніемъ мира и уступки Полоцка, Курляндіи и 24 городовъ въ Ливоніи; ободренный своими успѣхами, Стефанъ Баторій требовалъ теперь уступки всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова и Новгорода и 400.000 венгерскихъ золотыхъ за военныя издержки и продолжалъ военныя дѣйствія. Желая достигнуть своей цѣли—выгоднаго мира—рѣшительнымъ ударомъ, Баторій собралъ значительныя силы (до 40 тысячъ собственныхъ войскъ и до 60 тысячъ наемныхъ) и двинулся къ Пскову.

Оборона Пскова.

Псковъ въ это время и по своему мѣстоположенію, и по своимъ укрѣпленіямъ былъ необыкновенно крѣпкій городъ. Онъ расположенъ былъ на правомъ, возвышенномъ берегу р. Великой и на обоихъ берегахъ праваго притока ея, р. Псковы, у самаго устья послѣдней. Мѣстность за рѣками Великой и Псковой, а равно—къ востоку и югу отъ города, была низменная, ровная, такъ что со всѣхъ четырехъ сторонъ Псковъ представлялся стоявшимъ на высокой горѣ.

Укрѣпленія Пскова, сооруженіе которыхъ производилось постепенно около четырехъ вѣковъ (1197—

ПЛАНЪ
ОСАДЫ ИСКОВА СТЕФАНОМЪ БАТОРИЕМЪ
 съ 6 сентября 1581 г. по 6-17 января 1582 г.

ПЛАНЪ
 ОСАДЫ ИСКОВА
СТЕФАНОМЪ БАТОРИЕМЪ
 въ 1582 г.

- 1) Кремль. 2) Довмантова крѣпость.
- 3) Средній городъ. 4) Большой городъ.
- 5) Заисковье. 6) Завеличье.

- БАШНИ:**
- 9) Покровская.
  - 10) Свянзуская.

1581=384 года), состояли *): 1) изъ *внѣшней каменной стѣны* съ башнями, ограждавшей весь городъ вдоль Великой и на всемъ полукружїи дуги отъ южнаго угла на ней до сѣвернаго за р. Псковой, черезъ которую стѣна эта переходила у устья и выше по двумъ аркамъ съ опускающимися рѣшетками (*нижними и верхними*) для пропуска воды и судовъ; *внѣшняя стѣна* имѣла протяженія въ окружности всего $9\frac{1}{2}$ верстъ, 37 башенъ и 48 воротъ; 2) изъ *внутреннихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ*, отдѣлявшихъ кремль, Довмонтову крѣпость и средній и большой города.

Каменные стѣны: *внѣшняя, внутренняя, кремля и Довмонтовой крѣпости* (съ 1266 г.) имѣли 3 сажени вышины и 2—3 сажени толщины. Кремль возвышался на 8 сажень, а Довмонтова крѣпость, служившая какъ бы продолженіемъ его къ югу, на 5 сажень надъ уровнемъ р. Великой. Башни имѣли два и болѣе ярусовъ. Вдоль всѣхъ стѣнъ были *переходы*, сообщавшіеся со вторыми ярусами башенъ, а подъ ними находились *тайники* или подземные ходы. Башни и *переходы* по стѣнамъ были крыты досчатыми кровлями для прикрытія оборонявшихся отъ зноя и непогоды, но, въ случаѣ заженія ихъ

---

*) См. планъ.

огнемъ, эти деревянныя кровли сообщали огонь и городу.

Намѣреніе Баторія осадить Псковъ было извѣстно Іоанну и онъ ввѣрилъ защиту его князю *Ивану Петровичу Шуйскому*, приказавъ ему „отвѣчать за всѣхъ воеводъ“, то-есть сдѣлавъ его главнымъ начальникомъ (несмотря на то, что вмѣстѣ съ нимъ былъ старшій его въ родѣ Шуйскихъ, князь Василій Ѳедоровичъ Скопинъ) и обязавъ его и прочихъ бояръ торжественною клятвою—не сдавать города Баторію до послѣдней капли крови. Обращено было вниманіе на приведеніе Пскова въ оборонительное состояніе: укрѣпленія города были исправлены; городскія стѣны вооружены орудіями; войска, назначенныя для обороны, усилены и, вмѣстѣ съ гражданами, готовыми принять участіе въ оборонѣ города, простирались до 30 тысячъ человѣкъ. Воеводы, начальствовавшіе войсками (князья Шуйскіе, Иванъ Петровичъ и Василій Ѳедоровичъ Скопины, воевода Очинъ-Плещеевъ, князья Хворостининъ, Бахтеяровъ-Ростовскій и Лобановъ-Ростовскій), распредѣлили между собою оборону различныхъ частей города, назначили мѣста войскамъ и послали грамоты во всю окрестную страну, съ приказаніемъ жителямъ уходить въ ближайшіе укрѣпленные города и свозить туда съѣстные запасы. Все же осталь-

ное и самыя жилища приказано было предать пламени. Такимъ образомъ, непріатели на всемъ пути своемъ, въ предѣлахъ Россіи, встрѣчали пустыню. Подготавливая упорную оборону Пскова, воеводы его, давъ клятву Іоанну не сдавать города Баторію, заставили принести такую же присягу не только дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, но и всѣхъ жителей Пскова. Всѣ они цѣловали крестъ, обязуясь умирать, но не сдаваться; эта присяга была свято исполнена.

Узнавъ въ началѣ августа о движеніи Баторія къ Пскову и что онъ взялъ на пути Опочку, Красный и Островъ и на берегахъ рѣки Черехи разбилъ легкой русской отрядъ конницы, псковскіе воеводы 18 числа зажгли предмѣстья и скоро съ Покровской башни и южныхъ стѣпъ увидали вдали густыя облака пыли, поднятыя движеніемъ многочисленной рати Баторія, наступавшей съ юга по дорогѣ изъ Острова, по обѣимъ сторонамъ которой оно и расположилось обширнымъ лагеремъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ р. Великой, на разстояніи 2—3 дальнихъ выстрѣловъ отъ южной стѣны Пскова.

Обозрѣвъ Псковъ и собравъ отъ русскихъ плѣнныхъ свѣдѣнія о его расположеніи, укрѣпленіяхъ, силахъ и средствахъ обороны, король убѣдился въ трудности взятія сильно укрѣпленнаго города, по,

не желая отступить от своего намерения—овладеть имъ и выказать тѣмъ слабость передъ своей разноплеменной ратью, онъ подступилъ 26-го августа ближе къ городу подъ сильнымъ огнемъ изъ крѣпости. Однако, мѣткій огонь русской артиллеріи заставилъ непріятеля отойти къ р. Черехѣ и расположить свой станъ за высотами близъ р. Великой. Пять дней прошло спокойно; непріятель обозрѣвалъ городъ и укрѣплялъ свой станъ. 1-го сентября онъ повелъ *борозды* (траншеи): 5 большихъ, зигзагами вдоль р. Великой, и 7 поперечныхъ, и въ продолженіе трехъ сутокъ подошелъ ими къ Свинымъ и Покровскимъ воротамъ. Такимъ образомъ, приближаясь къ самому рву, непріятели, въ ночь съ 4-го на 5-е, прикатили туры, насыпали ихъ землею и, устроивъ пять батарей, вооружили ихъ орудіями 5-го сентября. Замѣтя успѣхъ непріятельскихъ работъ, воеводы приступили къ сооруженіямъ на атакованномъ фронтѣ деревянной стѣны, позади каменной и усилили въ этомъ мѣстѣ защитниковъ, поручивъ начальство надъ ними князю Хворостинину. Тутъ же находились безотлучно и князья Шуйскіе съ царскими дьяками, данными имъ для совѣта. Въ продолженіе двухъ дней, 6-го и 7-го, поляки громили укрѣпленія Пскова изъ двадцати орудій, сдѣлали проломъ шириною въ 24 сажени и

повредили стѣны въ разныхъ мѣстахъ на протяженіи 69 сажень. Разрушивъ Покровскую башню и разбивъ до половины Свиную, войска Баторія 8-го сентября, около полудня, двинулись съ распущенными знаменами, при звукахъ трубъ и боѣ барабановъ, на приступъ къ сдѣланнымъ въ стѣнѣ проломамъ. Русскіе воеводы, завидя ихъ наступленіе, приказали ударить въ *осадный* колоколъ и стрѣлять изъ всѣхъ орудій южныхъ стѣнъ и башенъ. Несмотря на жестокой артиллерійскій огонь, атакующіе какъ грозная туча устремились къ городу. Быстро спустившись въ ровъ, непріатели ворвались затѣмъ въ проломы, взяли съ боя Покровскую и Свиную башни и водрузили на нихъ знамена Баторія, наблюдавшаго за ходомъ приступа съ колокольни церкви Св. Никиты на правомъ берегу Великой, въ полуверстѣ отъ Пскова. Послѣ упорнѣйшаго боя въ башняхъ и проломахъ, понеся большой уронъ, русскіе начали было отступать. Тутъ храбрый князь Шуйскій, облитый кровью, сойдя съ раненаго коня, просьбами и угрозами удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи св. Всеволода - Гавріила, несомые духовенствомъ изъ соборнаго храма на-встрѣчу. Вдохновленные новою силою мужества, русскіе стали непоколебимо. Вновь загорѣлся отчаянный бой. Удач-

ными выстрѣлами изъ большой пицали *Барса* довершивъ разрушеніе Свиной башни, осажденные перебили укрывавшихся тамъ непріятелей и вслѣдъ затѣмъ, подкативъ подъ башню нѣсколько боченковъ съ порохомъ, взорвали ее, отчего, по выраженію одного изъ очевидцевъ осады, образовалась подъ городскими стѣнами другая башня изъ тѣлъ непріятельскихъ. Воспользовавшись этимъ, русскіе воеводы во главѣ своихъ войскъ, усиленныхъ подоспѣвшими изъ другихъ частей города подкрѣпленіями, дружно ударили на враговъ и вытѣснили ихъ изъ всѣхъ проломовъ. Бой продолжался до самаго вечера, но уже внѣ крѣпости. Баторій нѣсколько разъ подкрѣплялъ штурмовавшихъ свѣжими войсками, но осажденные также были поддержаны войсками и гражданами изъ другихъ мѣстъ города, и приступъ окончательно былъ отбитъ. Въ оборонѣ города приняли участіе и граждане его; псковитянки, получивъ приказаніе увести оставленные непріятелями орудія, явились на мѣсто побоища: молодыя съ оружіемъ, а старыя съ веревками, усиливаясь тащить за собою пушки; нѣкоторыя изъ нихъ носили воду воинамъ, изнемогавшимъ отъ жажды, другія подавали камни для пораженія непріятелей. Къ вечеру русскіе воеводы возвратились съ торжествомъ въ городъ; за ними несли отбитыя

знамена, везли захваченныя орудія, слѣдовали плѣнные. Такъ отбить былъ грозный врагъ слабыми сравнительно силами; но успѣхъ не дешево обошелся побѣдителямъ: до 2¹/₂ тысячъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными; со стороны противника пало до 5 тысячъ и еще болѣе выбыло изъ строя ранеными.

Не успѣвъ покорить осажденныхъ силою, Баторій покушался побудить ихъ къ сдачѣ города лестивыми обѣщаніями всякихъ милостей и угрозами. Однако, пущенныя въ городъ со стрѣлами *) грамоты Баторія не достигли цѣли: воеводы тѣмъ же способомъ, со стрѣлою, пустили отвѣтную грамоту, что „они не слушаютъ ни лести, ни угрозъ, не предадутъ Вѣры, Отечества и Царя и всѣ готовы умереть, и чтобы противникъ готовился сражаться съ ними“.

Между тѣмъ, воеводы приняли мѣры къ дальнѣйшей оборонѣ. Чтобы преградить непріятелямъ доступъ черезъ проломъ, они поспѣшили окончить деревянную стѣну за мѣстомъ бывшаго приступа, выкопали глубокой ровъ между этою стѣною и главнымъ валомъ и поставили въ немъ частоколь изъ заостренныхъ дубовыхъ палисадинъ. Бодрость

---

*) Такъ какъ осажденные твердо положили не имѣть никакихъ сношеній съ осаждавшими.

духа осажденныхъ возрастала, они спокойно выжидали приступовъ и въ теченіе пяти или шести недѣль славно отражали всѣ попытки непріятеля, упавшаго духомъ, изнуреннаго осеннимъ ненастьемъ и голодомъ. Въ войскахъ Баторія открылся уже ропотъ; не смѣя винить короля, винили главнаго воеводу *Замойскаго*, говоря, что „онъ въ италіянскихъ академіяхъ научился всему, кромѣ искусства побѣждать русскихъ“; для восстановленія порядка и дисциплины пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайной строгости, и Замойскій, не взирая на общую злобу и ненависть къ нему, каралъ преступниковъ изъ своевольной шляхты и наемниковъ безъ милосердія и пощады. Несмотря на всѣ неудачи, Баторій, однако, не думалъ о снятіи осады и объ отступленіи на зиму въ Литву и Польшу, приказалъ рыть землянки съ печами (послѣ осады ихъ было найдено 130 большихъ и 904 малыхъ) и свозить продовольственные и боевые запасы. На собранномъ королемъ военномъ совѣтѣ рѣшено было устроить къ городу подкопы; каждый изъ разноплеменныхъ вождей Баторія велъ отдѣльно подземный ходъ; всего же ихъ было девять: польскій, литовскій, венгерскій, нѣмецкій и пр. Но русскіе узнали о томъ отъ плѣнныхъ и отъ переметчика, полоцкаго стрѣльца Игнатія, который даже указалъ

мѣста подкоповъ. Пользуясь этимъ, Шуйскій приказалъ вести *смухи* (подземные ходы) на-встрѣчу неприятельскимъ подкопамъ и успѣлъ перенять два изъ нихъ; другіе обрушились сами. Покушеніе Баторія сжечь городъ, 24 октября, калеными ядрами также не имѣло успѣха. Не успѣвъ въ этомъ, противникъ попытался разрушить стѣну, не употребляя орудій; съ этою цѣлью, 28 октября, подъ громомъ многочисленныхъ литовскихъ орудій, королевскіе гайдуки двинулись отъ рѣки Великой къ городу и, прикрываясь большими щитами, подошли къ подошвѣ стѣны (между угловою башнею и Покровскими воротами), которая, по полученнымъ свѣдѣніямъ, была довольно ветха, и начали разламывать ее кирками и ломами. Изумленные, но не уstraшенные смѣлымъ приступомъ, осажденные лили на враговъ пылающую смолу и кипятокъ, кидали ручныя гранаты (*кувшины съ землемъ*), поражали ихъ камнями, кололи копьями и стрѣляли въ нихъ изъ самопаловъ сквозь бойницы, сдѣланныя въ деревянной оградѣ. Непріатели, приведенные въ смятеніе, бѣжали отъ стѣпъ, за исключеніемъ непогожихъ смѣльчаковъ, которые, подрывшись подъ стѣпу, считали себя совершенно безопасными; но осажденные вытаскивали ихъ желѣзными *козами*, — крючьями, надѣтыми на длинныя веревки.

Въ слѣдующіе пять дней Баторій громилъ городъ изъ брешъ - батарей съ праваго и лѣваго берега р. Великой. Воспользовавшись произведеннымъ проломомъ въ стѣнѣ противъ р. Великой, Баторій рѣшилъ еще разъ попытать счастья въ приступѣ (ихъ всего было 31) и, 2 ноября, двинулъ войска. Въ виду короля, войска его смѣло и бодро, сомкнутыми рядами, двинулись по льду рѣки, но, осыпанные ядрами и пулями со стѣнъ и башенъ города, пришли въ замѣшательство и пріостановились. Напрасны были всѣ усилія литовскихъ вождей принудить войска идти далѣе впередъ, — новый залпъ изъ орудій обратилъ въ бѣгство въ виду Баторія и воиновъ, и самихъ воеводъ. Къ довершенію досады короля, стрѣлецкій голова, Оедоръ Мясоѣдовъ, посланный съ своею дружиною на помощь Пскову, пробрался сквозь непріятельскія войска и вошелъ въ городъ, гдѣ прибытіе его еще болѣе возвысило духъ русскаго войска.

Потерпѣвъ полную неудачу въ приступахъ, Баторій рѣшилъ ограничиться обложеніемъ города, чтобы голодомъ принудить къ сдачѣ жителей его. 6-го ноября непріатели свезли орудія съ батарей, прекратили осадныя работы и расположились кругомъ крѣпости внѣ пушечнаго выстрѣла.

Желая сгладить свою неудачу какимъ-либо успѣ-

хомъ, ободрить унылое и недовольное войско и удовлетворить корыстолюбивыхъ наемниковъ, король рѣшилъ овладѣть древнимъ Псковопечерскимъ монастыремъ (въ 56-ти верстахъ отъ Пскова), который въ 1519 году былъ обновленъ, украшенъ и надѣленъ богатыми вкладами, и съ этою цѣлю отрядилъ къ нему нѣмецкую дружину Фаренсбаха и венгерскую Борнемисса. Въ монастырѣ, сверхъ братіи, находилось до 300 воиновъ, подъ начальствомъ отважнаго головы Нечаева, назначенныхъ собственно для защиты монастырскихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ, построенныхъ въ 1565 году. Съ этою горстью людей Нечаевъ безпрестанно нападалъ на польскіе подвозы изъ Литвы. Фаренсбахъ и Борнемиссъ, подойдя къ монастырю, разрушили пушечною стрѣльбою часть каменной стѣны и потребовали отъ защитниковъ сдачи его; получивъ отказъ, они произвели два приступа, но были отражены. Потерпѣвъ неудачу, непріатели принуждены были удалиться въ началѣ ноября.

Между тѣмъ, войска Баторія подъ Псковомъ терпѣли большія потери отъ голода и холода. Продовольствія въ войскахъ было крайне недостаточно, дороговизна на него была необыкновенная, фуражировъ нужно было посылать верстъ за 100—150 и то съ опасностью; лошади падали,

казна истощалась. Въ такомъ положеніи король оставилъ войско и уѣхалъ въ Вильно, поручивъ начальство главному изъ своихъ воеводъ, гетману Яну Замойскому. По отъѣздѣ короля уныніе и безначаліе охватили разноплеменное войско Баторія. Литовцы бѣжали домой, либо ссорились съ венгерцами, нѣмецкіе наемники еще служили лучше, но, не получая жалованья, котораго Замойскій не могъ уплатить, 3.000 изъ нихъ ушло обратно въ Германію. Положеніе войска было трудное: нужда, голодъ, холодъ и удачныя вылазки осажденныхъ грозили ему истребленіемъ. Дѣйствительно, гибель войска могла бы быть вѣроятнымъ концомъ этого неудачнаго предирія Баторія, еслибы князь Юрій Голицынъ изъ Новгорода, князья Мстиславскіе изъ Волока, стоявшіе тамъ неподвижно съ главными силами и охранявшіе Москву и Іоанна въ Старицѣ, и Шуйскій изъ Пскова въ одно время напали на войско Баторія подъ стѣнами этого города. Но, въ то время какъ всѣ русскіе воеводы внѣ Пскова бездѣйствовали, только одинъ князь Шуйскій съ товарищами производилъ энергичныя вылазки и наносилъ противнику значительный уронъ; послѣдняя изъ нихъ, 4 января 1582 года (46-я по счету), стоила осаждающимъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ убитыми и плѣнными. Ко всѣмъ невздамъ осажда-

ющихъ отъ недостатка продовольствія и частыхъ удачныхъ вылазокъ осажденныхъ присоединялись и бѣдствія отъ стужи. „О Боже, какой холодъ! Наши вѣтки совершенно оледенѣли“ — писалъ въ дневникѣ одинъ участникъ осады.— „Два ведета замерзли до смерти и свалились съ лошадей. Наше положеніе ужасно. Господи, спаси насъ! Холодъ нестерпимый превосходитъ всякое вѣроятіе; мы страдаемъ отъ холода; денегъ нѣтъ; лошади гибнутъ; рота, въ которой было 100 лошадей, не имѣетъ теперь и 60-ти, но объ этомъ лучше молчать. Наше положеніе будетъ еще бѣдственнѣе, когда мы тронемся съ мѣста. Многіе изъ венгерскихъ пѣхотинцевъ перебѣжали къ неприятелю“ и пр. Ослабленная побѣгами, частыми нападеніями осажденныхъ, голодомъ и холодомъ, грозная сотысячная армія Баторія въ концѣ осады считала въ рядахъ своихъ не болѣе 26 тысячъ человекъ.

Озлобленный всѣми неудачами и бѣдствіями, гетманъ Замоискій прибѣгнулъ къ коварной и недостойной хитрости, чтобы погубить главнаго воеводу и защитника Пскова—впязя Шуйскаго. Онъ подослалъ къ нему отъ имени *Моллера*, одного изъ нѣмцевъ, прежде служившихъ къ русскому войску, большой ларецъ и письмо, въ которомъ, будто бы, Моллеръ, извѣщая о намѣреніи своемъ бѣжать изъ

литовскаго лагеря, просилъ Шуйскаго, чтобы онъ самъ отперъ ларецъ и сохранилъ до его прибытія находившееся въ немъ золото. Шуйскій, по совѣту съ боярами и подозрѣвая обманъ, приказалъ мастерамъ отнести ларецъ подалѣе и открыть его осторожно. И дѣйствительно, въ ларцѣ были найдены 24 обращенные на 4 стороны и заряженные пистолета, сверхъ которыхъ насыпано было около пуда пороху; курки пистолетовъ прикрѣплены были ремнями къ личинкѣ ларца, такъ что стоило только тронуть замокъ, чтобы произвести взрывъ. Князь Шуйскій, избѣгнувъ гнусаго кова, укорялъ письменцо Замойскій въ дѣлѣ, недостойномъ храбраго воина, и вызывалъ его на поединокъ.

Такова была осада Пскова! Самъ король Стефанъ Баторій отдалъ справелливость геройской защитѣ русскихъ воиновъ и съ удивленіемъ рассказывалъ Антонію Поссевину, какъ они не дорожатъ жизнью, хладнокровно замѣняютъ мѣсто убитыхъ, либо взорванныхъ подкопомъ; какъ самыя жены, соревнуя имъ, подвизаются на полѣ битвы; какъ русскіе переносятъ непогоду и стужу подъ легкими наметами и умираютъ отъ голода, но не сдаются, *чтобы не измѣнить Государю.*

Въ то время, какъ Баторій тщетно напрягалъ усилія, чтобы взять Псковъ, литовскіе воеводы съ

отрядами произвели набѣгъ къ верхней Волгѣ до самаго Ржева, а шведы отняли (въ 2—3 послѣдніе мѣсяца 1581 г.) у русскихъ въ Ливоніи Лоде, Фиккель, Леаль, Гапсаль и Нарву, гдѣ погибло до 7 тысячъ русскихъ, и гдѣ уже 20 лѣтъ велась русская торговля съ западною Европой и находилось множество товаровъ и богатствъ. Вскорѣ главный начальникъ шведской арміи въ Ливоніи, Де-ла-Гарди, перенесъ войну изъ нея въ сѣверныя русскіе предѣлы и взялъ Иванъ-Городъ, Ямъ, Копорье и Виттенштейнъ.

Когда, такимъ образомъ, Баторій съ запада, а шведы съ сѣверо-запада и сѣвера громили русскіе предѣлы, многочисленныя силы Іоанна бездѣйствовали (кромѣ псковскаго гарнизона), а самъ онъ думалъ не объ отраженіи ихъ силою оружія, а о заключеніи перемирія съ Баторіемъ. Послѣднее было заключено, при посредствѣ папскаго нунція, іезуита, Антонія Поссевина, 6 января 1582 года, на 10 лѣтъ. По утвержденному, 17-го того же января, договору съ Баторіемъ, Іоаннъ отказался отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, а первый возвратилъ Царю Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ псковскіе пригороды.

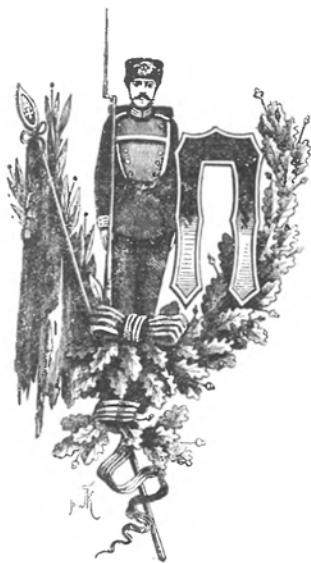
Такъ кончилась въ одно время и знаменитая, славная для русскаго оружія и имени оборона Пскова, и трехлѣтняя война между Іоанномъ и Бато-

ріємъ, не столько кровопролитная, сколько несчастная для Россіи по результатамъ ея. Въ первый разъ еще Русь заключила съ Польшей и Литвой такой невыгодный и непочетный миръ, и если не уступила еще болѣе, то благодаря Пскову, доблестнымъ защитникамъ его, которые по-истинѣ спасли Русь отъ большей опасности и еще большихъ жертвованій и утратъ.

4-го февраля 1582 года Замоискій двинулся отъ Пскова въ Ливонію, чтобы принять отъ русскихъ города и крѣпости, и въ этотъ день, послѣ 5 мѣсяцевъ и 10 дней (съ 26 августа 1581 года) заключенія (*сидѣнія въ осаду*), отворились, наконецъ, ворота Пскова къ великой радости жителей его. Въ память избавленія Пскова и Псковопечерскаго монастыря отъ поляковъ и литовцевъ, псковичи учредили ежегодное перенесеніе чудотворныхъ иконъ изъ этого монастыря въ Псковъ въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ (что совершается и донинѣ).

Военныя дѣйствія со шведами продолжались еще до 1583 года, но такъ же неудачно. По заключенному съ ними въ этомъ году перемирію (на 3 года) Эстонія осталась во власти Шведскаго короля, которому Іоаннъ сверхъ того уступилъ Нарву, Ямъ и Копорье.

Глава IV.

Покореніе Сибири при Іоаннѣ IV и Теодорѣ Іоанновичѣ.

ослѣдніе печальные дни царствованія *Грознаго* были ознаменованы радостнымъ событіемъ: въ то время, какъ полки Баторія и шведы громили на западѣ рускіе предѣлы, горсть отважныхъ казаковъ, гра-

бившихъ прежде по Волгѣ, завоевала для Россіи на дальнемъ востокѣ царство Сибирское.

Еще въ 1558 году Царь Іоаннъ Васильевичъ, желая обезпечить Пермскую страну отъ набѣговъ и опустошеній погайскихъ и сибирскихъ хищниковъ, пожаловалъ купцамъ Строгановымъ, имѣвшимъ соляныя варницы на р. Вычегдѣ, значительное пространство ненаселенныхъ земель по рр. Камѣ и

Чусовой, съ дозволеніемъ строить тамъ крѣпости, имѣть нарядъ огнестрѣльный и набрать для обороны крѣпостей надлежащее число войска. Знакомые въ подробностяхъ съ свойствами края, братья Строгановы (Яковъ и Григорій) дѣятельно принялись за выполненіе порученія: въ продолженіе 12 лѣтъ они построили на Камѣ городки Канкоръ и Кериданъ, на Чусовой—два укрѣпленія по обѣ стороны этой рѣки, въ 80 верстахъ отъ впаденія ея въ Каму, а на рѣчкахъ Сылвѣ и Яйвѣ—острожки; всѣ эти крѣпостцы снабжены были огнестрѣльнымъ нарядомъ (*пушечками, затинными пищалями и ручницами*) съ надлежащимъ числомъ людей. Окруженные непріятелями,—черемисами, остяками и башкирами, Строгановы вскорѣ подверглись ихъ нападеніямъ (въ 1572 году) и вступили въ борьбу съ сибирскимъ царемъ *Кучумомъ*. Отстоявъ городки свои по Камѣ и Чусовой, которые Кучумъ въ 1573 г. посылалъ разорять родственника своего царевича Маменкула, и прочно утвердись такимъ образомъ по сю сторону Урала, Строгановы рѣшили перенести войну за „Каменный Поясъ“, перейти къ нападенію на Кучума въ собственныхъ его владѣніяхъ, испросили и получили позволеніе Іоанна строить городки за Ураломъ по р. Тоболу и его притокамъ до ихъ верховьевъ, содержать въ нихъ на свой счетъ воен-

ныхъ наемниковъ съ огнестрѣльными орудіями и оружіемъ и владѣть землями съ правомъ воздѣлыванія ихъ и разработки желѣза, мѣди, олова, свинца и пр. Но Яковъ и Григорій Строгановы умерли, не успѣвъ совершить похода за Уралъ. Наслѣдники ихъ, меньшей братъ Семенъ и сыновья умершихъ, Максимъ Яковлевъ и Никита Григорьевъ, рѣшили продолжать начатое дѣло; не надѣясь на охочихъ туземцевъ-инородцевъ, они обратились за помощью къ казакамъ, промышлявшимъ по Волгѣ и Дону грабежомъ и разбоями. Изъ числа буйныхъ атамановъ этой вольницы, наводившей ужасъ своими дерзкими разбойничьими подвигами не только на мирныхъ путешественниковъ и торговые караваны, но и на всѣ окрестные улусы кочевыхъ народовъ, особенно прославились въ то время Ермакъ Тимоѣевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Разбои казаковъ заставляли Московское правительство неоднократно высылать воинскія дружины на берега Волги и Дона для истребленія хищниковъ; посланный въ 1577 г. для поимки ихъ казанскій воевода Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, многихъ изъ нихъ переловилъ и казнилъ, но многие спаслись; толпа этой вольницы, во главѣ съ Ермакомъ и четырьмя другими атаманами, поднялась

вверхъ по Волгѣ и явилась на Камѣ. Здѣсь атаманы получили грамоту Строгановыхъ съ предложениемъ вступить къ нимъ въ службу, оставить разбойничество, примириться съ Богомъ и Россіей и идти воевать сибирскаго султана Кучума. Казаки, буйные, но доступные чувству раскаянія, обрадовались случаю загладить свои преступленія; мысль—свергнуть съ себя опалу за разбой дѣлами честными и переимѣнить имя грабителей на имя добрыхъ воиновъ отечества—тронула сердца грубыя, но еще не лишеныя совѣсти; голосъ свыше назначеннаго призванія отозвался въ душѣ Ермака; невѣдомый край, просторъ и свобода, подвиги противъ бусурманъ манили вольныхъ казаковъ.

Откликнувшись на зовъ Строгановыхъ, Ермакъ съ четырьмя другими атаманами и 540 казаками прибылъ на Чусовую въ концѣ 1579 года. До 1-го сентября 1581 года Ермакъ помогаль Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ, и разбилъ на голову мурзу Бегулія, дерзнувшаго съ 700 вогуличей и остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой.

Призывая донскихъ казаковъ, Строгановы имѣли въ виду не защиту только построенныхъ ими городковъ, а перенесеніе войны за Уралъ. Объявивъ походъ въ Сибирь, Строгановы усилили казаковъ

тремя стами своихъ ратниковъ изъ русскихъ, татаръ, литовцевъ и нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у погаевъ, и придали имъ проводниковъ изъ зырянъ и толмачей; такимъ образомъ, Ермакъ сталъ во главѣ отряда въ 840 челов., снабженнаго продовольствіемъ и оружіемъ (пушечками и семипядными пищалями). Устроивъ отрядъ свой, назначивъ въ него атамановъ, есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, Ермакъ выступилъ въ походъ за Уралъ. Четыре дня плылъ онъ на стругахъ вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной и два дня по этой послѣдней до сибирской дороги. Здѣсь онъ высадился и построилъ земляное укрѣпленіе, назвавъ его *Кокуюмъ - городкомъ*; затѣмъ пошелъ далѣе волокомъ до р. Жаровли и по ней выплылъ на судахъ въ р. Туру, гдѣ уже начинался Сибирскій край. Опустошивъ улусы и селенія внизъ по Турѣ, казаки захватили въ плѣнъ одного изъ сановниковъ Кучума, Таузака, который сообщилъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія о землѣ своей и, освобожденный за то, извѣстилъ своего царя, что пришли русскіе воины, стрѣляющіе изъ луковъ огнемъ и громомъ смертоноснымъ, уязвляютъ рапами до смерти, что нельзя защититься никакими ратными доспѣхами, все пробиваютъ на вылетъ. Извѣстія этого было достаточно, чтобы смутить Кучума, заставить его поднять всѣ улусы

своего царства на непрощенных пришельцев. Дивные подвиги Ермака Тимофеева в свое время произвели многія басни и, какъ все необыкновенное, сильно дѣйствующее на воображеніе, суевѣріемъ народа украшены были предшествующими имъ предзнаменованіями. Говорили, что еще задолго до Кучума разныя небесныя знаменія предвѣстили гибель Сибирскаго царства; что на воздухѣ являлся городъ съ христіанскими колокольнями, вода въ Иртышѣ казалась кровавою, Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры. По свидѣтельству мурзы Девлетбая, жившаго на Панинѣ бугрѣ, противъ Тобольска, въ городкѣ Бициктурѣ,—что сіи знаменія умножились при Кучумѣ; что нерѣдко приходилъ отъ Иртыша бѣлый волкъ, а отъ Тобола черная гончая собака и грызлись между собою: что волкъ, какъ толковали кудесники, означалъ ханскую силу, а собака — россійскую, которой надлежало побѣдить *) и пр.

Узнавъ о вторженіи сильныхъ чужеземцевъ, Кучумъ выслалъ противъ дружины Ермака царевича Маметкула съ многочисленною конницею. Встрѣча съ Ермакомъ произошла на берегу Тобола, между Иртышемъ и Тавдою, близъ урочища Бабасанъ; не-

---

*) Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос.“ т. IX.

пріатели сражались на коняхъ копыми и стрѣлами; русскіе стрѣляли „изъ пицалей своихъ, изъ пушекъ скорострѣльныхъ, и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ, и шпанскихъ, и изъ аркобузовъ“ *). Отбивъ нѣсколько атакъ, Ермакъ наконецъ опрокинулъ враговъ и открылъ путь къ устью Тобола.

На Тобояѣ же Ермакъ встрѣтилъ новую осѣдлость Кучумовыхъ подданныхъ: въ 16 верстахъ отъ Иртыша князь Карача защищалъ свой улусъ; казаки разгромили его, овладѣли въ улусѣ богатою добычею и поплыли далѣе къ устью Тобола.

Здѣсь Ермака снова настигли татары: Маметкулъ уже поджидалъ своего непріателя въ новомъ укрѣпленіи подъ Чувашевымъ. Но Ермакъ, не доходя еще до Чувашева, причалилъ къ берегу близъ самаго устья Тобола и мужественно кинулся на наѣзниковъ и на пѣшую рать. Нападеніе увѣнчалось успѣхомъ: татары обратились въ бѣгство; удалые казаки сѣли на струги и поплыли вверхъ по Иртышу.

Между тѣмъ, Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ татаръ и о походѣ Ермака по

---

*) Это извѣстіе Строгановской лѣтописи о вооруженіи дружины Ермака пушками не подтверждается другими лѣтописными памятниками.

Иртышу къ Сибири (Искеру), рѣшилъ самъ отправиться на встрѣчу Ермака, усилить рать Маметкула въ укрѣпленіи (засѣкѣ) подѣ Чувашевымъ и преградить путь казакамъ къ Искеру. Это было 22 октября 1581 г., въ пятьдесятъ второй день похода Ермака.

Къ вечеру этого дня казаки подплыли къ Чувашеву, высадились на берегъ и заняли городище Атикъ-мурзы. Между тѣмъ, Кучумъ уже соединился съ Маметкуломъ въ крѣпкой засѣкѣ. На утро бой долженъ былъ рѣшить участь смѣлаго предиріятія горсти казаковъ или обширнаго Кучумова царства. Многочисленность татаръ смутила казаковъ. На собранномъ совѣтѣ раздался уже голосъ — „идти назадъ“. Но Ермакъ остановилъ малодушныхъ; онъ представилъ имъ опасность обратнаго пути по глубокимъ снѣгамъ и позоръ постыднаго бѣгства, съумѣлъ вдохнуть въ нихъ храбрость и рѣшимость— если погибнуть, такъ погибнуть съ честью!

Утромъ 23-го октября казаки пошли къ Чувашеву на приступъ. Битва была жестокая; пули и стрѣлы свистѣли. Татары наконецъ сами вышли изъ засѣки, проломивъ ее въ трехъ мѣстахъ, и, бросившись на казаковъ, схватились съ ними въ рукопашную. Закипѣлъ отчаянный бой. Съ обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о „быть или не быть“,

съ обѣихъ сторонъ не было пощады врагу; ярость противниковъ дошла до остервененія— „и бысть съча зла: за руки емлюще стѣхуся!“ Однако, толпы татаръ стали замѣтно рѣдѣть; царевичъ Маметкуль былъ раненъ и переправленъ на ту сторону рѣки съ приближенными къ нему людьми; послѣ упорнаго боя казаки опрокинули враговъ. Бой кончился къ ночи; утомленные и ослабленные значительно потерю (107 человекъ), побѣдители отошли на ночь къ Атику-городку, выставивъ здѣсь крѣпкую стражу на случай нападенія татаръ. Но напрасно было опасеніе ихъ: остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ улусамъ; самъ старый ханъ съ остатками орды оставилъ засѣку, возвратился въ свою столицу, Сибирь (Искеръ), собралъ свой кочевой скарбъ и бросился съ оставшимися въ живыхъ своими подданными въ степь искать себѣ пріюта. 26-го октября казаки заняли столицу Кучумова царства, Сибирь, гдѣ нашли богатую добычу: „золота и серебра, и павлоки золотыя и каменіе драгоцѣнныя“.

Овладевъ царствомъ, Ермакъ, столь же благоразумный, сколько и храбрый, мѣрами необходимой строгости въ своей вольницѣ и ласковымъ обращеніемъ съ туземцами, являвшимися съ покорностью, умѣлъ поселить въ жителяхъ окрестной страны до-

вѣріе къ себѣ и тѣмъ побудилъ ихъ возвратиться на обычныя свои кочевья и жилища.

Въ то время какъ Ермакъ Тимофеевъ съ малою дружиною одерживалъ успѣхъ за успѣхомъ, Кучумъ, владѣтель обширной страны, дряхлый, потерявшій зрѣніе, но все еще бодрый духомъ, скитался въ Ишимской степи, предоставляя наблюдение за казаками Маметкулу, который иногда отхватывалъ смѣльчаковъ, неосторожно отдалявшихся отъ своего стана. Ермакъ, имѣвшій сношеніе съ туземцами, узнавъ отъ нихъ, весною 1582 г., о расположеніи Маметкула съ малочисленной толпой на р. Вагаѣ, отрядилъ противъ него 60 своихъ удалцовъ; ночное нападеніе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: напавъ врасплохъ, они умертвили большую часть сонныхъ татаръ, взяли самого царевича живаго и привели его въ Искеръ къ Ермаку. Овладевъ затѣмъ многими селеніями по рѣкамъ Иртышу и Оби и въ числѣ ихъ—остяцкимъ городкомъ Назымомъ (на приступѣ коего убитъ былъ Никита Панъ съ нѣсколькими казаками), Ермакъ возвратился въ Искеръ, откуда извѣстилъ о своихъ успѣхахъ Строгановыхъ и отправилъ атамана Ивана Кольцо съ товарищами въ Москву — „бить челомъ царю царствомъ Сибирскимъ“.

Царь радостно принялъ такое челобитье; онъ про-

стиль казакамъ всѣ ихъ прежніе разбои по Волгѣ, пожаловалъ посланныхъ деньгами и сукнами, позволилъ Кольцу набирать на возвратномъ пути охотниковъ изъ свободныхъ людей для заселенія Сибири и повелѣлъ отправить Маметкула *) въ Москву; въ грамотѣ своей, милостиво объявивъ забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу, Іоаннъ назвалъ Ермака Княземъ Сибирскимъ, велѣлъ ему начальствовать и распоряжаться, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и верховную государеву власть надъ нею. Для пріятія сибирскихъ городовъ Царь приказалъ послать воеводу, князя Семена Болховскаго, и голову, Ивана Глухова, со стрѣльцами.

Князь Волховской долженъ былъ взять у Строгановыхъ 15 струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, чтобы каждый стругъ поднялъ по 20 ратниковъ, и плыть весною 1584 года рѣкою Чусовою по слѣдамъ Сибирскаго героя. Но Іоаннъ не дождался дальнѣйшихъ вѣстей изъ Сибири: въ началѣ этого года онъ опасно занемогъ, въ мартѣ мѣсяцѣ слегъ въ постель и 18 числа скончался. Могила въ придѣлѣ Московскаго Архангельскаго собора приняла

---

*) Впослѣдствіи служилъ въ русскихъ войскахъ полковнымъ воеводою; въ 1590 году находился въ шведскомъ походѣ, въ 1598 году былъ съ царемъ Борисомъ въ Серпуховѣ.

останки Грознаго Царя. Покореніе Сибирскаго края довершено было уже при его преемникѣ.

Іоанну IV наслѣдовалъ Ѳеодоръ, вѣнчавшійся на царство 31 марта того же 1584 года. Рожденный скорѣе для подвиговъ монашества, нежели для царской власти, Ѳеодоръ пуждался въ руководителѣ, который снялъ бы съ него непосильное ему бремя власти державной. Еще Іоаннъ Грозный, сознавая, что преемнику его, осужденному природой на всегдашнее малолѣтство ума, не подѣ силу труда заботъ государственныхъ, назначилъ въ помощь Ѳеодору Верховную Боярскую Думу изъ пяти лицъ: князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, знаменитаго защитника Пскова, князя Ивана Петровича Шуйскаго, Богдана Яковлевича Бѣльскаго и Бориса Ѳеодоровича Годунова. Послѣдній своимъ умомъ, государственными способностями, хитрою политикой и искусствомъ властвовать приобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ прочими членами Верховной Думы *) и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Ѳеодора, дѣлалъ все именемъ его, по собственной волею, особенно въ дѣлахъ вѣнскихъ. Поэтому и въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ, въ продолженіе 14-лѣт-

---

*) Послѣ смерти боярина Никиты Романовича Юрьева (1586 г.).

няго царствованія Θεодора, главное руководство принадлежало лично Годунову. Одними изъ первыхъ военныхъ дѣлъ его были: обузданіе мятежныхъ черемисовъ въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ и довершеніе покоренія Сибири, начатаго Ермакомъ.

Между тѣмъ, завоеватели Сибирскаго царства не праздно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: рѣкою Тавдою ходили въ землю Вогуличей и распространяли власть свою до лѣсовъ и болотъ Пелымскихъ. Умноживъ такимъ образомъ число данниковъ, расширивъ свои владѣнія въ древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы, Ермакъ возвратился въ Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду. Въ Искеръ прибыли Иванъ Кольцо съ товарищами и воевода Болховской и Глуховъ со стрѣльцами и ратниками, отправившіеся изъ Пермской области осенью 1583 года. Прибытіе воеводъ и ратниковъ обрадовало Ермака и казаковъ: царское „жалованье“ и подарки свидѣтельствовали имъ о снятіи опалы съ нихъ и о милости Царя, а ратники подкрѣпили храбрую, но порѣдѣвшую въ бояхъ дружину героя для дальнѣйшихъ предпріятій; однако, счастье Ермака и его сподвижниковъ не долго продолжалось,—вслѣдъ за тѣмъ начались испытанія и бѣдствія смѣлыхъ завоевателей. Послѣдніе приняли съ честью прибывшихъ воеводъ и рат-

никовъ, одарили ихъ дорогими сибирскими мѣхами, но не озаботились сборомъ для нихъ и для себя продовольствія на зиму. Между пришельцами открылась жестокая цынга; страшные морозы и вьюги, препятствуя казакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ окрестныхъ юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ земледѣльствомъ. Явившійся голодъ усилилъ болѣзнь и смертность стрѣльцовъ и казаковъ; между многими умеръ и воевода Иоанновъ, князь Болховской, съ честью схороненный въ Искерѣ. Только съ весною миновали бѣдствія: теплота воздуха способствовала излѣченію больныхъ, подвозы доставили продовольственные припасы. Но зато съ весною же явились другія бѣды: потерявъ почти половину воиновъ отъ голода и болѣзни, Ермакъ началъ нести значительную убыль въ силахъ отъ легковѣрія и неосторожности. Первый его атаманъ—Иванъ Кольцо, и съ нимъ 40 казаковъ пали жертвою вѣроломства въ улусѣ мурзы Карача на р. Тарѣ; послѣдній, покинувъ Кучума, коварно ласкалъ завоевателей, выражая покорность дарами, клялся въ вѣрности, но готовилъ измѣну и ждалъ лишь времени и случая, чтобы поднять инородцевъ, избавить отечество отъ пришельцевъ. Другой атаманъ Михайловъ, подошедшій къ улусу для раз-

вѣдки, былъ также убитъ. Возставшіе данники наши, татары и остяки сибирскіе, соединились въ полѣ съ Карачею и необозримыми вѣбтѣями обложили Искеръ, гдѣ Ермакъ съ горстью сподвижниковъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: быстро было завоевано царство, но еще быстрѣе онъ могъ потерять его; изъ всего обширнаго царства онъ владѣлъ теперь только тѣмъ, что непосредственно занимала его дружина—нѣсколько саженой деревянной стѣны и земляныя укрѣпленія. Положеніе дружины стало труднымъ: дѣлать вылазки было опасно,—потеря каждаго казака или стрѣльца была невознаграждима; производить стрѣльбу было бесполезно, непріятель стоялъ въ 3 верстахъ, и стрѣльба изъ легкихъ пушекъ Ермака не имѣла такой дальности; продолжительная осада крѣпости грозила голодною смертю защитникамъ ея. Къ счастью, отчаянная удачная вылазка атамана Мещеряка съ частью отряда выручила осажденныхъ изъ бѣды: 12 іюня ночью онъ прокрался сквозь обозы непріятеля къ стану Карачи, напалъ на сонныхъ татаръ, часть ихъ умертвилъ (въ томъ числѣ двухъ сыновей Карачи), другую обратилъ въ бѣгство. На разсвѣтѣ Карача собралъ своихъ татаръ и напалъ на казаковъ, засѣвшихъ въ захваченномъ княжескомъ обозѣ, надѣясь подавить ихъ числомъ; но казаки ружей-

ною стрѣльбою отбили всѣ нападенія татаръ и въ полдень съ торжествомъ возвратились въ городъ, ими освобожденный, такъ какъ Карача, потерявъ надежду одолѣть казаковъ, ушелъ за р. Ишимъ. Такимъ образомъ, судьба еще благопріятствовала героямъ и спасла ихъ отъ неминуемой, казалось, гибели. Чтобы наказать врага и обезопасить себя на будущее время, Ермакъ съ слабою уже дружиною, въ 300 человекъ, двинулся вслѣдъ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, — распространить на востокъ владѣнія Россіи; въ эту послѣднюю экспедицію онъ повоёвалъ всѣ мѣста до Ишима, взялъ нѣсколько городковъ, достигнулъ рѣки Шиша, гдѣ начинались голыя степи, и, распорядивъ дань въ этомъ новомъ завоеваніи, возвратился въ Искеръ съ трофеями, но уже послѣдними!

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, казаки успѣли завести торговлю съ отдаленными азіатскими странами. Получивъ вѣсть отъ бухарскихъ кушцовъ, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ въ городъ Сибирь, Ермакъ поплылъ навстрѣчу имъ по Иртышу на судахъ всего только съ 50-ю казаками и, не найдя ихъ, въ ночь съ 5-го на 6-е августа расположился на берегу Иртыша. Утомленные путемъ, казаки крѣпко заснули подъ шумъ вѣтра и лившаго дождя; между тѣмъ, на другомъ

берегу бодрствовалъ противникъ; отыскавъ бродъ и переправившись черезъ рѣку подъ проливнымъ дождемъ, татары напали на сонныхъ казаковъ и всѣхъ ихъ перерѣзали, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ, другой, самъ Ермакъ, отразивъ убійцъ, бросился въ бурный глубокой Иртышъ и, не доплывъ до своихъ струговъ, утонулъ, отягченный стальною броней, данною ему Иоанномъ.

Такъ кончилъ бурную жизнь этотъ сказочный герой! Благодарное отечество, предавъ забвенію его подвиги на Волгѣ, изгладило имя разбойника и нарекло его „Покорителемъ Сибири“.

Ермакъ погибъ; Мещерякъ съ оставшимися казаками оставилъ Сибирь, но русскимъ открытъ былъ путь въ завоеванное царство, и оно сдѣлалось скоро достояніемъ Россіи.

Уже въ слѣдующемъ году (1585) прибыли воеводы Мансуровъ, Сукинъ и Мясной и построили: первый—городокъ на Оби при устьѣ Иртыша, а послѣдніе—Тюмень; въ 1587 г. построенъ былъ городъ Тобольскъ. Сибирскіе князьки, въ томъ числѣ и Кучумъ, пытались было остановить это постепенное утвержденіе русскихъ въ краѣ, но терпѣли пораженія; русская колонизація его и построение городовъ: Пельма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кегскаго острога послужили вѣрнымъ сред-

ствомъ закрѣпленія новаго приобрѣтенія за Московскимъ государствомъ.

Нашествіе крымскихъ татаръ.

Распространяя русскіе предѣлы на далекомъ сѣверо - востокѣ, правительство Феодора продолжало осторожную политику предшественниковъ его по отношенію Крыма и обороняло южныя границы государства, не внося войны въ предѣлы хищной орды. Безпрестанныя нападенія крымцевъ и угрозы Турціи отнять завоеванія Іоанна IV на берегахъ Волги заставляли Московское правительство обращать особенное вниманіе на югъ и ежегодно собирать значительныя силы на Оке. Съ 1584 до 1588 года крымскія шайки, иногда доходившія до 30—40 тысячъ коней, не разъ вторгались въ Украину и хотя, послѣ поражений отъ высылаемыхъ навстрѣчу имъ русскихъ войскъ, уходили въ степи, но лишь для того, чтобы снова явиться неожиданно и предать огню и мечу пограничныя области. Между тѣмъ, ежегодно являвшаяся на берегахъ Оки русская рать для угрозъ Крыму могла потребоваться на западѣ, такъ какъ въ это время ожидали войны съ Баторіемъ; но обстоятельства благопріятствовали Россіи: запорожскіе и донскіе казаки безпрестанно тревожили самихъ крымцевъ своими нападеніями со сто-

роны Днѣпра и Дона, а въ Крыму въ это время происходили усобицы послѣ убіенія хана Мегметъ-Гирея братомъ его Исламъ-Гиреемъ. Только послѣ смерти Ислама (въ 1588 году) возстановленъ былъ порядокъ въ Крыму презникомъ его Казы-Гиреемъ. Послѣдній, въ началѣ относившійся дружелюбно къ Москвѣ, но раздражаемый постоянными нападеніями казаковъ и побуждаемый Турецкимъ султаномъ воевать противъ Москвы, рѣшилъ обратиться наконецъ къ энергическимъ дѣйствіямъ. Весною 1591 года ханъ собрался въ походъ; не имѣя возможности скрыть своихъ чрезвычайныхъ вооруженій, Казы - Гирей обманулъ бдительность Московскаго правительства, объявивъ бывшему у него русскому послу Бибикову, что идетъ на Литву. Всѣ улусы были въ сильномъ движеніи; всѣ способные носить оружіе садились на коней; къ крымцамъ присоединялись и погайскіе полки Казьева улуса и султанскіе, изъ Азова и Акермана, съ огнестрѣльнымъ парядомъ. Наступила весна, а Московское правительство не тревожилось, выславъ по обыкновенію воеводъ къ береговой рати на Окѣ, въ Серпуховъ и Калугу. Еще въ маѣ разъѣзды наши не встрѣчали ни одного татарина на берегахъ Донца, а уже 26 іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстью, что степь

покрылась тучами ханскими, что не менѣе 150 тысячъ крымцевъ идутъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля, не разсыпаясь для грабежа. Получивъ вѣсть, не медля, послали указы воеводамъ всѣхъ полковъ, расположенныхъ по обычаю на Окѣ, и украинскихъ городовъ спѣшить къ Серпухову и соединиться съ главнымъ воеводою княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить хана въ полѣ. Между тѣмъ, на другой день, 27 іюня, получили новую вѣсть о быстромъ движеніи хана прямо къ Москвѣ; послали всѣмъ новое приказаніе поспѣшно идти къ Москвѣ, чтобы предупредить здѣсь хана. Главное войско наше стояло въ это время въ Новгородѣ и Псковѣ и наблюдало Шведовъ; прибыть вѣремя къ рѣшительной битвѣ подъ Москвою оно, конечно, не могло; о немъ и не думали, стягивали лишь украинскія силы и полки съ береговъ Оки; Москву объявили въ осадномъ положеніи. Здѣсь спѣшили принять мѣры для обезпеченія столицы отъ погрома, подобнаго произведенному Девлетъ - Гиреемъ въ 1571 году; съ необыкновенной скоростью укрѣпили дальнія предмѣстья за Москвою рѣкою деревянными стѣнами; вооружили большими пушками городскія стѣны и башни; соорудили гуляй-городъ (на колесахъ) противъ Даниловскаго монастыря и вооружили его пушками. 1 іюля войска подошли къ Москвѣ

и стали противъ Коломенскаго села, а на другой день отошли къ гуляй-городу. Между тѣмъ, ханъ переправился черезъ Оку подъ Тѣшиловымъ (между Серпуховымъ и Каширой) и расположился на ночлегъ на р. Лопаснѣ среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ знаменитой побѣды и славы князя Михаила Воротынскаго (1572 г.). На пути къ Москвѣ ханъ разбилъ оставленный на р. Пахрѣ передовой отрядъ князя Бахтеярова - Ростовскаго (250 боярскихъ дѣтей) и 4 числа подошелъ къ Коломенскому. Еще наканунѣ полки наши, по приказанію главнаго воеводы, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, заняли гуляй-городъ. Къ вечеру 3-же числа пришла и царская дружина, а за нею явился къ войску и правитель царства, Борисъ Годуновъ, въ полномъ доспѣхѣ, подъ древнимъ великокняжескимъ знаменемъ. За правителемъ ѣхали бояре, дворяне и дѣти боярскіе, какъ бы за государемъ; первый въ царствѣ послѣ царя, встрѣченный и привѣтствуемый всѣми воеводами, Борисъ Годуновъ не взялъ однако начальства надъ войскомъ изъ рукъ знатнѣйшаго и болѣе опытнаго воеводы, князя Мстиславскаго, а удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ большомъ полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ.

Съ разсвѣтомъ 4 числа русскіе увидѣли густыя

ханскія толпы. Казы-Гирей, приблизясь къ Москвѣ, сталъ противъ села Коломенскаго и, обозрѣвъ съ Поклонной горы русскій станъ, отрядилъ царевичей противъ московскаго обоза и войска. До сего все было тихо; какъ только татарская конница спустилась съ высотъ на равнину, воеводы приказали открыть пушечный огонь изъ гуляй-города и выслали отборныя сотни изъ каждаго полка, подъ начальствомъ головъ, и дружины литовскія и нѣмецкія съ ихъ ротмистрами, приказавъ имъ, по тогдашнему выраженію, *травиться* (схватываться) съ крымцами; главныя силы оставались въ городкѣ. Схватки эти продолжались цѣлый день до ночи безъ рѣшительнаго успѣха. Крымцы, не любившіе такой *травли* безъ всякой для нихъ пользы (т.-е. грабежа и добычи), кромѣ напраснаго урона, не рѣшались однако идти на приступъ гуляй-города, гдѣ сосредоточены были главныя силы съ пушечнымъ *нарядомъ*. А между тѣмъ, русскіе плѣнники сообщили татарамъ, что къ Москвѣ пришли еще другія войска изъ Новгорода и Пскова и что воеводы хотѣли, не дожидаясь разсвѣта, ударить всѣми силами на крымцевъ. Ханъ могъ имъ и не вѣрить, но увидя, что Россія, не смотря на войну со Шведами, имѣетъ значительныя силы для защиты столицы, рѣшилъ бѣжать, бросивъ свой обозъ, и—возможно скорѣе. Утромъ 5

числа уже не было видно неприятелей; высланные за ними *скорые* (легкіе) полки наши не могли нагнать ихъ: ханъ быстро отступалъ со своей ордой, оставляя слѣдъ за собою брошенными обозами и запасами, и въ однѣ сутки достигъ р. Оки; только задніе отряды татаръ настигнуты были и разбиты подъ Тулою, а остатки ихъ — истреблены уже въ степяхъ. Главная рать также двинулась за передовыми войсками, но дошла только до Серпухова. Здѣсь на Окѣ остались младшіе воеводы, а старшіе воротились въ Москву и были щедро награждены Θεодоромъ, но болѣе всѣхъ — Борисъ Годуновъ: онъ и Мстиславскій, кромѣ другихъ подарковъ, получили медали золотые португальскіе, другіе — корабельники и червонцы венгерскіе. Кромѣ того, Годуновъ получилъ почетное званіе *слуги* государева, дававшееся немногимъ за заслуги государственныя. На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный Донскимъ отъ имени иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовомъ полѣ и съ Годуновымъ въ московской битвѣ. Для обезпеченія столицы отъ новыхъ приступовъ возвели деревянныя стѣны съ башнями вокругъ всѣхъ московскихъ посадовъ*).

---

*) Стѣны заложены были въ 1591 году, окончены въ 1600 году. См. Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. X, примѣч. 271.

Нашествіе Казы-Гирея окончилось для него крайне жалко: войска его вѣрнулось въ Крымъ не болѣе трети, добычи не привезли никакой, самъ ханъ 2 августа пріѣхалъ въ Бахчисарай ночью, въ телѣгѣ, раненый въ лѣвую руку. Однако, на слѣдующій годъ, татары вознаградили себя за этотъ неудачный походъ внезапнымъ нападеніемъ на рязанскія, каширскія и тульскія земли, гдѣ все сдѣлалось жертвою ихъ мести и корыстолюбія.

Однако, неудачный походъ къ Москвѣ смирилъ хана и онъ вошелъ въ мирные переговоры. Послѣдніе велись очень долго и съ ханомъ, и съ султаномъ, но не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Не успѣвъ войти въ тѣсную связь съ Турціей для обузданія Крыма, Борисъ Годуновъ старался оградить южныя русскія укрѣпленія отъ крымскихъ нашествій и набѣговъ построеніемъ на нихъ крѣпостей (Ливны, Кромъ, Воронежъ, Бѣлгорода, Оскола, Валускъ), возстановилъ и укрѣпилъ опустѣвшіе съ XIII вѣка города (Курскъ и друг.) и устроилъ сильную засѣку отъ Брянска до Мурома.

Вражда, хотя и не открытая, съ Турціей скрѣпила дружественную связь Россіи съ Персіей, границы которой сходились съ Московскими. Еще при Іоаннѣ IV, до и послѣ покоренія Астрахани, на-

чались сношенія московскаго правительства съ прикавказскими владѣтелями и племенами, которые, враждуя между собою и одинаково боясь ногаевъ, крымцевъ и турокъ, искали покровительства Іоанна и предлагали ему свое подданство. Іоаннъ принялъ это сочувственно и построилъ крѣпость на Терекѣ, которую однако оставилъ потомъ по требованію султана, дабы не ссориться съ нимъ. При Θεодорѣ сношенія эти продолжались и кахетинскій царь Александръ, въ 1586 г., принялъ подданство московскаго царя со всѣмъ своимъ народомъ. Θεодоръ, пославъ въ Кахетію священниковъ, монаховъ и пр., отправилъ туда также огнестрѣльный нарядъ и стрѣльцовъ, которые снова заняли исправленную Терскую крѣпость. Для обезпеченія новаго пріобрѣтенія и защиты Александра, котораго начали тѣснить другія кавказскія племена, пришлось послать даже значительную рать, подъ начальствомъ воеводы Хворостинина. Однако, войско это потерпѣло неудачу въ войнѣ съ горцами; вообще, московское правительство еще не могло дѣятельно поддерживать отдаленныя владѣнія на Кавказѣ, хотя и включило въ царскій титулъ громкія званія: *Государя земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей.*

Война съ Швеціей (1590—1593 г.).

Принявъ всѣ нужныя и возможныя мѣры для охраненія московскаго государства съ востока и юга со стороны татаръ, Борисъ Годуновъ обратилъ особенное вниманіе на западныхъ сосѣдей, Швецію, Литву и Польшу, преграждавшихъ по прежнему доступъ московскому государству къ гражданственности, образованности, наукамъ и искусствамъ западной Европы. Король польскій, Стефанъ Баторій, еще не переставалъ грозить войною, ближайшіе же къ Балтійскому морю древне-русскіе города, Ивангородъ, Ямъ и Копорье, составляли шведское владѣніе. Смерть Баторія въ декабрѣ 1586 года выдвинула вопросъ о соединеніи Россіи, Польши и Литвы подъ скипетромъ Θεодора и кандидатство на польскій престолъ Сигизмунда, сына шведскаго короля, Іоанна III Вазы, и эрцгерцога Максимилиана Австрійскаго. Избраніе Θεодора королемъ польскимъ, конечно, не могло состояться по многимъ причинамъ, борьба же между партіями, приверженными двумъ послѣднимъ кандидатамъ, окончилась въ пользу Сигизмунда, который и утвердился на польскомъ престолѣ въ 1587 году.

Царствованіе Сигизмунда III (1587—1632 г.), пагубное для Польши, было не менѣе пагубно и

для московскаго государства во время бѣдственныхъ для послѣдняго событій смутнаго времени и войнъ его съ Польшей и Швеціей. Переговоры о вѣчномъ мирѣ съ тою и другою не прекращались со времени заключенія перемирія съ ними послѣ осады Пскова, но вели только къ взаимному раздраженію.

Съ королемъ шведскимъ Іоанномъ III заключено было 4-хъ лѣтнее перемиріе, срокъ котораго истекалъ въ началѣ 1590 года. Вторичный съѣздъ пословъ на берегу Плюсы (въ сентябрѣ 1586 г.) остался безплоднымъ: шведы не согласились возвратить Россіи свои завоеванія, безъ чего московское правительство не хотѣло слышать о мирѣ; раздраженія между сторонами росли: король шведскій жаловался, что русскіе тревожатъ набѣгами Финляндію, предавая здѣсь все огню и мечу; московское правительство упрекало шведскихъ воеводъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ. Въ виду бесплодности переговоровъ московское правительство рѣшило наконецъ открыть войну со Швеціей, чтобы силою оружія возвратить отнятыя шведами города и земли.

Въ январѣ 1590 года двинулось къ шведскимъ границамъ многочисленное русское войско, простиравшееся до 100 тысячъ при 300 орудіяхъ. Самъ Феодоръ, конечно, по волѣ Годунова, сѣлъ на бра-

наго коня, чтобы оживить войско усердіемъ, прекратить споры за мѣста между главными воеводами. Князь Ѳеодоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ родовыхъ вельможъ, начальствовалъ въ большомъ полку; Борисъ Годуновъ и Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ *), двоюродный братъ царя, находились при немъ, именуясь *ближними воеводами*. Походъ былъ удаченъ. Первымъ успѣхомъ было взятіе Яма, вторымъ—пораженіе близъ Нарвы княземъ Димитріемъ Хворостининымъ **) 20-ти тысячнаго корпуса шведскихъ войскъ, бывшаго подъ начальствомъ Густава Банера. Хотя послѣ того приступъ къ Нарвѣ былъ отбитъ, но шведы видѣли невозможность продолжать войну и 25 февраля заключили перемиріе на одинъ годъ, уступивъ Ямъ, Ивангородъ и Копорье.

Военныя дѣйствія возобновлены были шведами въ началѣ 1591 года неудачной осадой Ивангорода, послѣ чего заключено было въ январѣ перемиріе на 12 лѣтъ. Однако, шведскій король не утвердилъ заключенный договоръ и, въ надеждѣ на союзъ съ крымскимъ ханомъ, приказалъ начальникамъ своихъ войскъ возобновить военныя дѣйствія. Въ концѣ зимы 1591 года шведскія войска сожгли селенія близъ Яма и Копорья, а лѣтомъ разбили передовой

---

*) Впослѣдствіи—патріархъ Филаретъ.

**) Начальствовалъ передовымъ полкомъ.

полкъ князя Долгорукова, причемъ послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ. Съ другой стороны шведы напали на берега Бѣлаго моря, но безъ всякаго успѣха. Въ слѣдующемъ 1592 году, въ отмщеніе шведамъ, русскіе воеводы разорили Финляндію около Выборга и Або. Между тѣмъ, въ концѣ этого года умеръ король шведскій Іоаннъ III; король польскій Сигизмундъ III сталъ и королемъ шведскимъ, но не на долго. Ревностный католикъ, Сигизмунтъ III возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе народа явною враждою къ протестантству и нарушеніемъ условій, данныхъ государственнымъ чинамъ Швеціи передъ коронаціей. Уѣхавъ въ Польшу, Сигизмундъ оставилъ правителемъ въ Швеціи дядю своего, герцога Карла зюдерманландскаго (1594 г.). Послѣдній успѣлъ пріобрѣсти народную любовь и, занятый внутренними дѣлами, готовясь къ разрыву съ Сигизмундомъ, желалъ скорѣйшаго заключенія мира съ Россіей; того же желалъ и Сигизмундъ, охладѣвшій къ пользамъ враждебной ему протестантской Швеціи. Въ такихъ обстоятельствахъ въ 1595 году заключенъ былъ вѣчный миръ между Россіей и Швеціей, по которому Россія возвратила Ямъ, Ивангородъ, Копорье и Корелу.

ГЛАВА V.

Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Иоаннѣ IV Васильевичѣ и Ѳеодорѣ Иоанновичѣ.

1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ.

ь постепеннымъ уничтоженіемъ удѣловъ и утверженіемъ единовластія на Руси въ лицѣ Великаго князя Московскаго устройство воору-

женныхъ силъ государства принимало болѣе опредѣленный видъ. Въ княженіе Иоанна III впервые проявляется мысль учрежденія у насъ постояннаго войска *). Раздачею помѣстій дѣтямъ боярскимъ съ обязательствомъ послѣднихъ являться, въ случаѣ войны, въ назначенное мѣсто и въ опредѣленный срокъ съ извѣстнымъ числомъ ратниковъ, попыткою образованія иноземныхъ наемныхъ дружинъ, созданіемъ хотя какой нибудь артиллеріи, принятіемъ на службу иностран-

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II.

ныхъ инженеровъ, „размысловъ“, наконецъ раздѣленіемъ войскъ на полки и разряды (1471 г.), всѣми этими мѣрами Іоанна III дано было болѣе определенное устройство вооруженнымъ силамъ, положено было первое основаніе военной системѣ въ до-Петровской Руси. Преемники Іоанна III продолжали дѣло въ данномъ имъ направленіи. Іоаннъ IV значительно развилъ устройство вооруженныхъ силъ; при немъ окончательно установилась военно-помѣстная система службы и войска, продержавшаяся до Великаго Преобразователя Россіи. Іоаннъ IV яснѣе и точнѣе опредѣлилъ службу, которую должны были нести лица, принадлежавшія по самому рожденію къ служилому сословію, т. е. потомки боярѣ. Усмотрѣвъ, что „нѣкоторые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли, и служба ихъ не противъ государева жалованья и вотчинъ“, государь уравнилъ ихъ землю, соразмѣрно достоинствамъ и заслугамъ cadaго; въ виду сего отнялъ у нѣкоторыхъ лишнюю землю и далъ неимущимъ, и установилъ службу съ помѣстьевъ и вотчинъ боярскихъ. Въ 1550 году онъ роздалъ помѣстья дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человекъ на пространствахъ 60—70 верстъ отъ Москвы. Этою мѣрою главныя и лучшія вооруженныя силы государства были сосредоточены въ окрестностяхъ Москвы.

Установивъ службу по мѣстностямъ, Іоаннъ IV опредѣлилъ (въ 1556 г.) число ратниковъ, которое каждый помѣщикъ обязанъ былъ приводить съ собою по первому востребованію, или выставлять на свой счетъ, и вооруженіе этихъ ратниковъ и самихъ помѣщиковъ. Вслѣдствіе сего владѣлецъ каждаго 100 четвертей угодной (доброй) земли *) долженъ былъ вести съ собою въ походъ, или выставлять на свой счетъ одного ратника на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, или о двухъ коняхъ, если надлежало идти въ дальній походъ. На время похода Іоаннъ IV назначилъ помѣщикамъ на опредѣленное закономъ число людей денежное жалованье, а тѣмъ изъ нихъ, которые выставляли на службу лишніе ратниковъ противу опредѣленнаго, большое жалованье отъ государя имъ самимъ, а лишнимъ людямъ въ „полтретья“ деньгами (въ 2¹/₂ раза).

Все, что касалось помѣстной военной службы, было опредѣлено законами, какъ то: отставки отъ

---

*) Подъ названіемъ *четверти* разумѣлось такое пространство земли, на засѣвъ котораго нужна была четверть ржи; слѣдовательно, четверть равнялась приблизительно полудесятивѣ. Но четверть употреблялась не для геометрическаго опредѣленія мѣры земли, а въ видѣ кадастра для примѣрнаго исчисленія поземельныхъ доходовъ, служившаго для раскладки податей и повинностей. Для измѣренія же пространства земли употреблялись десятины.

службы за старостью, болѣзнію, ранами и увѣчьями, замѣна отставленныхъ сыновьями и внуками ихъ (верстаніе помѣстьями) и проч. Освобожденнымъ отъ службы давалась *отставленная* грамота; на ихъ мѣсто назначались въ службу ихъ сыновья и внуки; если они были еще малолѣтны, то давалась имъ отсрочка на извѣстное число лѣтъ.

Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ порядка службы былъ изданъ законъ о смотрахъ на сборныхъ пунктахъ служилымъ людямъ, кто какъ явился: *коненъ, люденъ и оруженъ*, и опредѣленъ порядокъ поступленія вновь на службу. Когда у служилаго челоуѣка сыновья достигали 15 лѣтъ, то они или *припускались* къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьемъ *въ отводъ* отъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ дворянинъ назывался *новичкъ*, а помѣстный окладъ его—*новичій окладъ*. Когда служилый челоуѣкъ, вслѣдствіе умноженія семейства, билъ челомъ, что ему съ прежняго помѣстья служить нельзя, то показанія челобитной повѣрялись (явочнымъ спискомъ, писцовыми отдѣльными и приправочными книгами), и затѣмъ дѣлалось распоряженіе о прибавкѣ или раздѣлѣ помѣстья. За неявку или укрывательство отъ службы, или, какъ тогда говорилось, за *нѣтъе* дворяне лишались своихъ помѣстій, въ случаѣ непредставленія ими законной причины неявки.

Такимъ образомъ, главною основною частью русскаго войска было многочисленное сословіе *дворянъ и дѣтей боярскихъ*, владѣвшихъ землями съ крестьянами на правѣ вотчинномъ и помѣстномъ и съ обязанностью нести военную службу.

На время войны собирали ратныхъ людей также съ тяглыхъ, а иногда нетяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ; это такъ называемые *даточные люди*, набиравшіеся и пѣшими, и конными.

По покореніи Пскова и Новгорода съ нихъ брали пѣшихъ и конныхъ ратниковъ по ихъ обычаю—*по сохамъ*, почему они и назывались *посошными людьми*. Учрежденіемъ пѣшихъ *стрѣльцовъ* въ русскомъ временномъ и почти исключительно конномъ войскѣ Іоаннъ IV положилъ первыя начала постоянной пѣхоты на жалованьѣ. Для службы при *нарядѣ* (пушкахъ) образованъ былъ особый родъ служилыхъ людей: пушкарей, кузнецовъ, плотниковъ и пр. Вооруженныя силы умножились при Іоаннѣ IV также вслѣдствіе завоеванія казанскаго и астраханскаго царствъ и принятія подъ покровительство Руси *донскихъ казаковъ*. Вслѣдствіе сего въ составѣ русскаго войска являются уже, кромѣ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, *вспомогательныя войска* татаръ, различныхъ прежнихъ

данниковъ ихъ и казаковъ. Слѣдуетъ еще упомянуть о такъ называемой *пограничной (засѣчной) стражѣ* *), имѣвшей назначеніемъ оборону границъ отъ нападений татаръ и другихъ сосѣднихъ народовъ и получившей болѣе правильное устройство также при Иоаннѣ IV. Наконецъ, въ составъ русскаго войска входили небольшіе иноземные отряды.

Слѣдствіемъ всѣхъ мѣръ царя Иоанна IV по устройству вооруженныхъ силъ Россіи было то, что послѣднія были приведены въ извѣстность и почти удвоены. Выставивъ въ Казанскій походъ 1552 года 150.000 воиновъ, Московское правительство черезъ нѣсколько лѣтъ могло вывести въ поле около 300.000 войскъ, что значительно превосходило число войскъ, которое въ то же время могли выставлять большія западно-европейскія государства: Германія, Франція, Польша и др.

Изъ изложеннаго видно, что составъ русскихъ вооруженныхъ силъ въ это время былъ крайне разнообразенъ, какъ по порядкамъ ихъ образованія, такъ и по качествамъ; однако, онѣ заключали уже въ себѣ всѣ 3 рода оружія: пѣхоту, кавалерію и артиллерію, къ разсмотрѣнію которыхъ въ отдѣльности мы теперь и перейдемъ.

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 90.

2. Составъ войскъ; ихъ одежда и вооруженіе.

Конница.

Со введеніемъ и постепеннымъ развитіемъ военно-помѣстной службы число конницы въ русскомъ войскѣ значительно и быстро возрастаетъ, такъ какъ военно-помѣстное ополченіе становится почти исключительно коннымъ. Но, кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, къ составу русской конницы принадлежали еще новокрещенные, мурзы и татарскіе князья, казаки и даточные люди.

Первый и самый важный разрядъ русской конницы составляли дворяне. Къ нимъ принадлежали всѣ княжескія и древнія боярскія фамиліи. Со временъ Іоанна IV дворяне раздѣлялись на московскихъ дворянъ, жильцовъ и городовыхъ дворянъ.

Московскіе дворяне стояли выше другихъ и имѣли многія преимущества. Они пользовались бѣльшимъ окладомъ въ помѣстьяхъ, получали главное начальство въ войскахъ и высшія гражданскія должности въ Москвѣ и по управленію областями, имъ же давались вообще наиболѣе важныя порученія по гражданскимъ и дипломатическимъ дѣламъ. Московскіе дворяне, впрочемъ не всѣ, вмѣстѣ съ *жилцами* составляли царскій полкъ, который и сопро-

вождалъ Государя на войну, когда онъ самъ участвовалъ въ походѣ. Иногда часть царскаго полка посылалась въ походъ и при воеводахъ; такъ, въ составъ рати, отправленной подъ Астрахань въ 1554 году, входило много дворянъ царскаго дома и жильцовъ царевыхъ. Числительность царскаго полка была различна: подъ Казанью въ 1552 году царскій полкъ состоялъ болѣе нежели изъ 20 тысячъ „избранныхъ воиновъ“ *), а при Θεодорѣ Иоанновичѣ въ составъ его входило 15 тысячъ отборныхъ всадниковъ **).

Жильцами назывались лучшіе выборные люди изъ *городовыхъ дворянъ*; они присылались изъ городовъ въ Москву по наряду для отправленія разныхъ воинскихъ должностей на положенный полугодичный срокъ, по окончаніи котораго высылались другіе очередные. Учрежденіе жильцовъ принадлежитъ также Іоанну IV. Въ жильцы назначались болѣе зажиточные извѣстныхъ фамилій *городовые дворяне*, или же заслужившіе этотъ почетъ своими личными качествами,—храбростью на войнѣ, расторопностью, красивой наружностью. Жильцы получали за свою службу помѣстные оклады и вот-

---

*) См. сказанія кн. Курбскаго.

***) *Флетчеръ*: о Русскомъ государствѣ.

чины, одинаковые съ московскими дворянами, и, вообще, пользовались многими выгодами, предоставленными этимъ послѣднимъ; лучшіе изъ нихъ входили въ составъ царскаго полка, составляя особыя *жилецкія сотни*.

Говоря о царскомъ полку изъ московскихъ дворянъ и *жилцовъ*, умѣстно будетъ упомянуть о *рындахъ*. Учрежденные Великимъ Княземъ Василиемъ III и почти всегда избиравшіеся изъ стольниковъ, рынды были непосредственными, неотлучными тѣлохранителями Государей. Въ военное время, если самъ Государь отправлялся въ походъ, они и помощники ихъ—*подрынды*—слѣдовали за нимъ въ качествѣ оруженосцевъ, т. е. имѣли на своей отвѣтственности его оружіе: „большой саадакъ, большое копье, другой саадакъ, другое копье и сулицу, третій саадакъ, рогатину и доспѣхъ“. Въ походахъ рынды вооружались неодинаково, такъ какъ въ вооруженіи войскъ вообще не было однообразія; въ мирное же время оружіемъ ихъ были: *шестоперы, мечи и топоры*.

Городовые дворяне, вѣроятно, происходили отъ дружинъ удѣльныхъ князей. Живя по своимъ роднымъ городамъ, они пользовались меньшими выгодами и правами противъ московскихъ дворянъ: менѣе получали помѣстнаго оклада и не занимали высшихъ должностей на службѣ военной или гражданской.

Послѣ дворянъ въ русской конницѣ слѣдовали *дѣти боярскія*, также владѣвшіе помѣстьями и вотчинами, за которыя обязывались службою какъ лично сами, такъ и своими людьми по количеству помѣстной земли *). Этотъ классъ служилыхъ людей, вѣроятно, составленъ изъ старинныхъ воинскихъ дружинъ, принадлежавшихъ собственно городу, а не князю **). Въ мирное время боярскія дѣти отправляли разныя полицейскія должности, а жившія въ пограничныхъ городахъ несли пограничную сторожевую службу и обязаны были оборонять пограничные города, вмѣстѣ съ городовыми дворянами, въ случаѣ нечаяннаго набѣга ордынцевъ.

Служители дворянъ носили имя холоповъ и были: доставшіеся или купленные отъ кого-нибудь, или

---

*) Московскія боярскія дѣти по разиѣрамъ помѣстнаго оклада, даннаго имъ Иоанномъ IV въ 1550 году, раздѣлялись на 3 статьи: первая статья получала помѣстье, равное съ боярскимъ и околическимъ, а именно—по 200 четвертей пашни; второй статьѣ даво было—по 150 четвертей и третьей статьѣ—по 100 четвертей и, кромѣ того, каждой статьѣ—по столько же копенъ сѣнныхъ покосовъ. Дѣти боярскія другихъ городовъ, получившія помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, раздѣлены были на двѣ статьи: первая получала такое же помѣстье, какъ вторая московская, а вторая статья—соразмѣрно третьей московской.

***) И. Бѣляевъ: о русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича.

продавшіеся сами въ холопство, или приписанные къ сельскому помѣстью дворянина.

Вольные крестьяне помѣщика могли переходить къ другому одинъ разъ въ году, а именно—за недѣлю до 26-го числа ноября (Юрьева дня) и недѣлю спустя послѣ этого срока. Эти переходы крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому были весьма часты: при обилии земли и недостаткѣ рабочихъ рукъ богатые землевладѣльцы старались переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ отчинниковъ и помѣщиковъ. Но эти выгоды крупныхъ землевладѣльцевъ шли въ разрѣзъ съ интересами государства, одною изъ главныхъ потребностей котораго было умноженіе войска; служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе могли являться на службу въ полной исправности, *конны, лодны и оружны*, только при условіи полученія съ земельного участка надлежащаго дохода, который обусловливался рабочею силою, постояннымъ народонаселеніемъ на этомъ участкѣ. Между тѣмъ, болѣе богатые помѣщики, переманивая къ себѣ разными льготами крестьянъ отъ помѣщиковъ небогатыхъ, разоряли послѣднихъ и тѣмъ ставили ихъ въ невозможность явиться на службу по ихъ помѣстному окладу. Переходы крестьянъ обратили на себя вниманіе московскаго правительства по смерти

Иоанна IV, и при Θεодорѣ Иоанновичѣ послѣдовало запрещеніе ихъ и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Третій разрядъ русской конницы составляли *новокрещены, мурзы и князья татарскіе*, бывшіе на службѣ московскаго государя и имѣвшіе свои помѣстья и вотчины *); они пользовались почти одинаковыми правами съ боярскими дѣтьми и городовыми дворянами, и на время похода получали жалованье по статьямъ. Этотъ же отдѣлъ войска состоялъ изъ воинственныхъ жителей покоренныхъ татарскихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и другихъ.

Четвертый разрядъ русской конницы составляли *городовые казаки*. Впервые имя казаковъ, именно рязанскихъ, встрѣчаемъ при Василиѣ III въ 1444 году **); первоначально они образовались, вѣроятно, въ городахъ, лежавшихъ на границѣ Россіи съ татарами и набирались (и при Иоаннѣ IV) изъ вольныхъ не тяглыхъ людей, большею частью изъ безземельныхъ батраковъ. При Иоаннѣ IV казаки начали получать въ пограничныхъ мѣстахъ помѣстныя земли ***) по статьямъ, кто въ которую годенъ; поль-

---

*) И. Бѣляевъ: о русскомъ войскѣ. Арцубашевъ: повѣствованіе о Россіи т. II, кн. IV, стр. 220. Акты Арх. Экспедиц., т. I, № 245.

**) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 89.

***) И. Бѣляевъ: о сторожевой стапичной и полевой службѣ, при-
мѣчанія 7, 9, 38 и 49.

зуюсь правами украинскихъ боярскихъ дѣтей, они обязаны были являться на службу, какъ помѣщики, на своемъ содержаніи, со своимъ вооруженіемъ и лошадьми; они же несли постоянную службу пограничную, сторожевую и, въ случаѣ нечаяннаго набѣга ордынцевъ, должны были защищать украинскіе города. Были казаки и безпомѣстные, жившіе во внутреннихъ городахъ и состоявшіе на правахъ стрѣльцовъ.

Въ царствованіе Іоанна IV городовые казаки вѣдались, вмѣстѣ со стрѣльцами, *Стрѣлецкимъ приказомъ*, гдѣ имъ велись особые списки и книги.

Послѣдній разрядъ русской конницы составляли *даточные люди*, набиравшіеся на время войны съ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ. Размѣръ набора ихъ не былъ опредѣленъ разъ на всегда; они требовались въ мѣрѣ дѣйствительной надобности. Въ 1545 году, по случаю сбора войскъ подъ Казань, приказано было нарядить съ Новгорода и пригородовъ: съ бѣлыхъ съ нетяглыхъ дворовъ съ каждаго трехъ дворовъ по человѣку, да съ тяглыхъ съ пяти дворовъ по человѣку, а всего съ 9124 дворовъ 1973 человѣка на коняхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было нарядить съ Новгородскихъ же посадовъ и пригородовъ 2000 пищальни-

ковъ, одну половину на коняхъ, а другую пѣшихъ *). Вооруженіе, лошадей и содержаніе даточные люди получали отъ тѣхъ городовъ и волостей, изъ которыхъ они набирались; тѣмъ же *разметнымъ спискомъ* 1545 года требовалось, чтобы даточные люди были на коняхъ въ сермягѣ или однорядкѣ съ ручною пищалью. Возрастъ даточныхъ людей не былъ опредѣленъ; срокъ службы ихъ соразмѣрялся съ настоящею нуждою и съ продолженіемъ войны.

К а з а к и.

Наконецъ, въ составѣ русскаго коннаго войска при Иоаннѣ IV и его преемникѣ появляются донскіе, яицкіе и малороссійскіе казаки (черкасы).

Время появленія казаковъ на Руси не можетъ быть опредѣлено въ точности. Можно полагать, что еще во времена владычества татаръ во многихъ пограничныхъ городкахъ появились вольныя общины казаковъ, которыя впослѣдствіи и составили первое постоянное и всегда готовое для службы войско, подъ именемъ казаковъ городовыхъ. По уничтоженіи татарскаго ига и съ расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства, страна отъ устьевъ Дона до Воронежа

---

*) 1545 года „Разрядный и разметный списки о сборѣ съ Новгорода и Новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха, по случаю похода Казанскаго“. См. Акты Арх. Экспед. томъ I, № 205.

представляла степь, по которой бродили разноплеменные шайки для добычи и грабежа. Сюда то и начали постепенно стекаться энергичные и предприимчивые люди, всѣ, которымъ было тѣсно дома, искатели приключеній, простора и свободы. Образовавшееся изъ этихъ людей казачество мало по малу начало селиться въ обширной степи, отъ южныхъ береговъ Волги черезъ Донъ до Днѣпра и, встрѣтивъ на „полѣ“ бродившіе остатки татарскихъ наѣздниковъ, частію разогнало ихъ, а частію присоединило къ себѣ; живя вполнѣ самостоятельно, эта вольница промышляла больше грабежомъ, нападала на враговъ, часто—и на своихъ, а затѣмъ явилась новымъ дѣятелемъ на поприщѣ исторіи.

Собственно о донскихъ казакахъ въ первый разъ упоминается съ 1549 году, въ жалобѣ ногайскаго князя Юсуфа царю Іоанну IV, изъ которой видно, что казаки на Дону укрѣпились городками въ трехъ или четырехъ мѣстахъ и открыли свои дѣйствія противъ ногаевъ. Царь отвѣчалъ, что на Дону безъ вѣдома его живутъ бѣглые люди, и совѣтовалъ самому Юсуфу изловить ихъ для наказанія, но подъ рукою, при случаѣ, увѣрялъ казаковъ въ своей милости, обѣщалъ жалованье и требовалъ услугъ. Этимъ покровительствомъ онъ снискалъ въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ и полезныхъ стражей южныхъ

русскихъ предѣловъ отъ крымскихъ татаръ. Въ 1554 году, при покореніи Астрахани, донскіе казаки являются впервые въ рядахъ русскаго войска; затѣмъ они помогали Іоанну IV въ войнахъ его съ Крымомъ. Смѣлыя и удачныя дѣйствія ихъ со стороны Днѣпра и Дона противъ Крыма и Азова *) нагнали панику на крымскаго хана Девлетъ-Гирея и вызвали жалобы какъ послѣдняго, такъ и Турецкаго султана. Но Іоаннъ IV и Ѳеодоръ Іоанновичъ не только оставляли эти жалобы, подъ разными благоводными предлогами, безъ вниманія, но покровительствовали казакамъ и поощряли ихъ: посылали похвальныя грамоты, оружіе, порохъ, свинець, давали имъ денежное жалованье и дозволяли свободный пріѣздъ въ пограничныя и внутренніе города русскіе и торговлю въ нихъ. Точно также донскіе казаки участвовали въ составѣ русскихъ войскъ въ Ливонскомъ походѣ 1577 года и въ войнѣ съ Баторіемъ въ 1579 году **).

Между тѣмъ, число казаковъ непрерывно увеличивалось новыми пришельцами, искавшими богатой добычи и жизни независимой, охотниками дѣлать

---

*) Предпріятія дьяка Ржевскаго, атамана Чулкова, князя Вишневецкаго и Дніила Адашева.

***) Древн. Рос. Вивліюф., ч. XIV, стр. 349—357: *Разрядъ* 1578 года.

опасности войны. Видя себя усиленными, они уже не ограничивались дѣйствіями въ занятомъ ими на Дону пространствѣ, а начали отдѣлять отъ себя дружины всюду, гдѣ надѣялись пріобрѣсти богатую добычу отъ чужихъ, а подчасъ и отъ своихъ. По Волгѣ и за Волгой бродили еще остатки разныхъ ордъ; сюда стекались казаки въ надеждѣ на богатую добычу и образовали общество волжскихъ казаковъ. Одна дружина ихъ, съ атаманомъ Нечаемъ, устремилась за Волгу, разграбила жившихъ тамъ ногайцевъ, разорила ихъ столицу Сарайчикъ и основалась постоянно на рѣкѣ Яикѣ (около 1584 года), положивъ тѣмъ начало городу Уральску и Яицкому (нынѣ Уральскому) казачьему войску. Съ 1591 года они уже служатъ въ рядахъ русскихъ войскъ: въ наказѣ астраханскому воеводѣ князю Сицкому велѣно было собрать для похода на Шевкала татарскаго 1.000 человекъ волжскихъ казаковъ и 500 лицкихъ. Другая дружина волжскихъ казаковъ, подвигаясь по западному берегу Каспійскаго моря, остановилась на Терекѣ и образовала впоследствии Терекское (Терское) казачье войско, а третья съ Ермакомъ направилась въ Сибирь и послужила началомъ сибирскихъ казаковъ.

Въ царствованіе Θεодора Іоанновича въ московскую службу, а именно украинскую сторожевую,

начали поступать *черкасы*, или *малороссійскіе казаки*. Малороссіане и прежде служили Московскимъ государямъ, напримѣръ князь Дмитрій Вишневецкій служилъ, какъ мы видѣли, царю Іоанну IV въ 1550-хъ годахъ. Но тогда малороссіане служили какъ союзники, со времени же царя Θεодора многіе изъ нихъ стали поступать въ московскую службу, принимая на себя всѣ обязанности коренныхъ московскихъ служилыхъ людей, принимая верстанье помѣстьями по статьямъ, кто въ которую годенъ, и подчиняясь всѣмъ правиламъ *Разряднаго приказа* *).

Въ заключеніе очерка о составѣ русскаго коннаго войска во второй половинѣ XVI столѣтія замѣтимъ, что при Іоаннѣ IV временно были на службѣ нѣмецкія (ливонскія) конныя дружины Фаренсбаха и принца датскаго Магнуса; дружина Фаренсбаха участвовала между прочимъ въ Молодинской битвѣ (1572 года) съ крымскими татарами, въ составѣ рати боярина Воротынскаго, а затѣмъ въ томъ же году въ походѣ Іоанна въ Ливонію.

Пѣхота.

Въ XV столѣтіи пѣшее русское войско, какъ войско полевое, представляло изъ себя скорѣе сбродъ

---

*) И. Бяляевъ: „О сторожевой службѣ. Акты Историч.“, т. 1, № 228.

разнаго народа, собраннаго почти на походѣ и вооруженнаго чѣмъ попало (дубинами, топорами, рогатинами), нежели что-либо систематически организованное *); только съ теченіемъ времени пѣшее полевое войско нѣсколько улучшается въ своемъ составѣ, и оно начинаетъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ походахъ, приобретаая важное значеніе при осадахъ городовъ **). Со временемъ въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются уже болѣе устроенные пѣшіе воины: такъ въ составѣ рати великаго князя Василя ІІІ подѣ Смоленскомъ въ 1513 году находилось 1.000 *пищальниковъ* ***) изъ Пскова и *пищальники* другихъ городовъ; въ 1545 году, по случаю сбора войскъ подѣ Казань, собрано было съ Новгорода 2.000 пѣшихъ *пищальниковъ*, которые, какъ жетса, составляли тамъ въ то время особое сословіе, пользовавшееся своими правами. Іоаннъ Грозный первый обратилъ вниманіе на устройство пѣшаго войска въ Россіи и учрежденіемъ *стрѣльцовъ* устра-

---

*) Такъ въ 1444 году въ бою съ султаномъ Мустафою, при набѣгѣ его на Рязанскія области, московскіе воеводы имѣли многочисленную пѣшую рать, вооруженную ослопами (грубое оружіе—дубина, утыканная гвоздями), рогатинами и топорами. См. *Ариы-башевъ*: „Повѣствованіе о Россіи“, т. II, кв. III, стр. 194.

**) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 94.

***) Тамъ же, стр. 102.

Рис. 1.

Рис. 2.

нили этотъ важный недостатокъ въ организаціи русскихъ военныхъ силъ, образовавъ въ составѣ ихъ постоянную пѣхоту.

Учрежденіе стрѣльцовъ относятъ къ 1550 году. Уже въ слѣдующемъ году при отправленіи Шигъ-Алея на Казанское царство съ нимъ послано было 300 человекъ городецкихъ (касимовскихъ) князей и мурзъ, да двѣсти *стрѣльцовъ* съ двумя сотскими *). Въ стрѣльцы набирались вольные люди изъ жителей городовъ и уѣздовъ, которые не состояли въ тяглы и слѣдовательно не доставляли прямыхъ выгодъ государству.

Въ мирное время стрѣльцы составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, особенно пограничныхъ, и отправляли разныя полицейскія должности; во время войны они выступали въ походъ съ прочими войсками и, вмѣстѣ съ пѣшими казаками, были лучшею, по тому времени, въ полевой рати пѣхотою.

Стрѣльцы (см. рис. № 1) дѣлились на московскихъ и городовыхъ, причемъ первые имѣли ббльшія преимущества сравнительно съ послѣдними. Небольшое число отборнѣйшихъ московскихъ стрѣльцовъ были конные, или *стремянные*. Послѣдними назывались

---

*) Царствен. кн., стр. 184.

тѣ, обязанность которыхъ была сопровождать Государя или Царицу, *быть при стрѣль.*

Составляя *постоянную* пѣхоту, стрѣльцы однако не имѣли ничего общаго съ *регулярнымъ* войскомъ; въ образованіи стрѣльцовъ проглядываетъ только идея *регулярной* пѣхоты, но далеко не самое осуществленіе послѣдней. Такъ, эти стрѣльцы хотя и считались на службѣ безсмѣнно, до конца своей жизни или отставки за старостью и болѣзнями, но несли на себѣ довольно широкой кругъ обязанностей, весьма разнообразныхъ, часто вовсе не относившихся къ специальности военнаго дѣла; въ то же время они занимались торговлей, держали лавки, мельницы, жили особыми слободами, получали отъ казны землю и составляли даже особую касту, въ которой стрѣлецкое званіе передавалось по наслѣдству.

Число стрѣльцовъ было очень не велико: въ царствованіе Θεодора Іоанновича, по свидѣтельству англичанина Флетчера, въ русскомъ войскѣ состояло до 12 тысячъ стрѣльцовъ, изъ коихъ 5 тысячъ находилось въ Москвѣ, 2 тысячи *стремянныхъ*—при особѣ Государя и остальные 5 тысячъ были распределены по важнѣйшимъ городамъ.

Къ составу пѣхоты относились также *тѣшіе городовые казаки*, служившіе на одинаковыхъ правахъ съ конными городскими казаками. Расположенные

въ пограничныхъ городахъ, они составляли гарнизоны ихъ, обязаны были оборонять тамошнія крѣпости и наконецъ входили въ составъ полевой рати, выступавшей въ походъ.

Къ послѣднему разряду пѣшихъ ратниковъ въ русскомъ войскѣ принадлежали *пѣшіе даточные люди*. Они набирались на случай войны вмѣстѣ съ конными даточными людьми, половина на половину, и по окончаніи войны обращались въ тѣ сословія, изъ которыхъ были взяты. Вообще ихъ права, служба и вооруженіе были такія же, какъ и у конныхъ даточныхъ людей. Они употреблялись часто при *нарядѣ* (артиллеріи) и обозѣ, а сверхъ того на нихъ возлагалось устройство засѣкъ, проложеніе мостовъ черезъ рѣки и топи при прохожденіи войскъ и возведеніе разныхъ лагерныхъ построекъ.

При защитѣ городовъ воеводы иногда вооружали жителей городскихъ и посадскихъ, расписывали ихъ по городу и острогу, по воротамъ и башнямъ *).

При Ѳеодорѣ Иоанновичѣ въ русскомъ войскѣ, по словамъ Флетчера, служило также до 4.300 челоуѣкъ наемныхъ ратниковъ: 4.000 черкасъ, или

---

*) См. выше: нашествіе на Москву въ 1541 году крымскаго хана Саянъ-Гирея, оборона Пронска въ томъ же году, оборона Пскова въ 1581 г. и пр.

малороссійскихъ казаковъ, изъ коихъ 3.500 размѣщены были по укрѣпленнымъ городамъ, 150 голландцевъ и шотландцевъ и смѣшанный отрядъ изъ 150 человекъ—грековъ, турокъ, датчанъ и шведовъ.

Таково было общее основаніе устройства русскихъ военныхъ силъ—конницы и пѣхоты въ царствованіе Іоанна Грознаго и Θεодора Іоанновича. Въ заключеніе этого краткаго обзора приведемъ свидѣтельство англичанина Флетчера *), бывшаго посломъ при русскомъ дворѣ въ 1588/9 году, о состояніи этихъ войскъ въ царствованіе Θεодора Іоанновича.

„Военныя силы государства, говоритъ онъ, содержатся на основаніи неизмѣннаго наследственнаго порядка. Число войска, получающаго постоянное жалованье слѣдующее: дворянъ, царскихъ тѣлохранителей, раздѣленныхъ на 3 степени: большихъ, среднихъ и дѣтей боярскихъ,—считается до 15.000 всадниковъ съ ихъ начальниками; кромѣ этихъ отборныхъ всадниковъ Царь избираетъ еще 110 человекъ изъ дворянъ, наиболѣе знаменитыхъ по происхожденію и пользующихся его особою довѣренностью. Въ списокъ ихъ вносятся имена тѣхъ, кои въ совокупности могутъ выставить отъ себя, въ слу-

---

*) Флетчеръ: „О русскомъ государствѣ“, глава 15.

чаѣ войны, до 65 тысячъ всадниковъ со всѣми необходимыми военными снарядами по русскому обычаю, для чего они ежегодно получаютъ отъ Царя на себя и на ихъ отряды около 40.000 руб. Эти 65 тысячъ человѣкъ должны каждый годъ отправляться въ походъ на границу къ землѣ крымскихъ татаръ (когда не получаютъ инаго назначенія), все равно—есть ли война съ татарами или нѣтъ.

„Такимъ образомъ число всадниковъ, находящихся всегда въ готовности и получающихъ постоянное жалованье, простирается до 80 тысячъ человѣкъ.

„Если встрѣтится надобность въ большемъ числѣ войскъ, то Царь беретъ на службу *боярскихъ дѣтей*, не получающихъ жалованья, сколько ему нужно, а если и ихъ недостаточно, то даетъ приказаніе дворянамъ, коимъ пожалованы помѣстья, выставить каждому въ поле соразмѣрное число *холоповъ* со всею амунициею“ *).

Одежда и вооруженіе конницы и пѣхоты.

Призванный на службу, по случаю войны, русскій воинъ являлся для ратнаго дѣла въ той одеждѣ, которую онъ носилъ дома, какъ мирный граж-

---

*) О числѣ стрѣльцовъ и иноземныхъ ратниковъ, по свидѣтельству Флетчера, содержавшихся въ то время въ Россіи, было уже упомянуто выше.

данинъ. Поэтому одежда русскихъ войскъ до XVIII столѣтїя, оставаясь неизмѣнною и строго народною, представляла въ частностяхъ массу разнообразїя, такъ какъ, неопредѣленная какою-либо одною формою для всѣхъ, она соотвѣтствовала у каждаго воина его личному вкусу и средствамъ. Общеупотребительными предметами народной одежды въ то время были: кафтанъ, ферезь, охобень, однорядка.

Узкій, почти въ обтяжку, съ узкими же, но длинными, сбористыми рукавами, *кафтанъ* былъ принадлежностью одежды всѣхъ классовъ народа, кромѣ низшаго сословія. Онъ простирался до колѣнъ и назадъ имѣлъ высокій стоячій воротникъ, который закрывалъ весь затылокъ и назывался *козырь*. Составляя одинъ изъ предметовъ щегольства, *козырь* имѣлъ наружную сторону обыкновенно атласную, бархатную или парчевую, вышитую серебромъ и золотомъ и нерѣдко украшенную жемчугомъ и драгоценными камнями *). Кафтанъ носили только дома.

Низшій классъ народа носилъ *азямы* и сермяжные кафтаны, или *сермяги*: первые изъ холста, вторые изъ толстаго сѣраго сукна, отъ котораго они и получили названіе.

---

*) Не отсюда ли получила начало поговорка—*ходить козыремъ*?

Внѣ дома на кафтанѣ надѣвали длинный *фerezь* (съ длинными рукавами, но безъ воротника), сдѣланный изъ бумажной или шелковой матеріи, или изъ сукна, бархата, парчи. Простолюдины надѣвали *фerezь* прямо на рубаху. Какъ кафтанѣ, такъ и *фerezь* застегивались напередѣ длинными петлицами съ пуговицами.

Сверхъ *фerezи*, при выходѣ на улицу, надѣвали *охобенъ* *). Это—длинная (почти до пятъ) и широкая одежда съ прорѣхами подъ рукавами для рукъ и съ четверугольнымъ откиднымъ воротникомъ, который висѣлъ почти до половины спины и украшался подобно козырю у кафтановъ. Такое же платье, но безъ воротника, называлось *однорядкой*. Охобни считались наряднѣе и дѣлались преимущественно изъ атласа, бархата или парчи, а однорядки бывали изъ сукна и шерстяныхъ матерій. Тѣ и другія носились и въ рукава и въ накидку.

Относительно одежды простыхъ воиновъ слѣдуетъ замѣтить, что *сермяги* и *однорядки* употреблялись ими по преимуществу, какъ это доказываетъ сборъ пищальниковъ съ Новгорода и съ Новгородскихъ пятинъ, по случаю похода въ 1545 году подъ Казань.

---

*) См. Рос. 2.

Первоначальная одежда стрѣльцовъ неизвѣстна. Въ началѣ XVII столѣтія стрѣльцы одѣвались въ длинныя суконныя платья, походившія на фѣрезъ, только съ отложнымъ воротникомъ, начинавшимся на груди и срѣзаннымъ на спинѣ угломъ; такъ какъ въ старину въ Россіи измѣненія по этой части были чрезвычайно рѣдки, то можно полагать, что эта же одежда была у стрѣльцовъ съ начала ихъ учрежденія.

Вооруженіе войскъ, за исключеніемъ стрѣльцовъ, по прежнему состояло изъ предохранительнаго холоднаго и метательнаго *). Оружіе это, исключая огнестрѣльнаго, въ общемъ составѣ своемъ оставалось одинаковымъ съ XII по XVII столѣтіе и составляло отчасти прежніе древне-русскіе доспѣхи, отчасти же заимствованныя съ востока, а потомъ — съ запада (доспѣхи сплошныя — зеркала и латы); послѣдніе, впрочемъ, составляли достояніе ограниченаго круга людей богатыхъ или знатныхъ, воеводъ и особъ царственныхъ. Уже съ XIV столѣтія вооруженіе русскихъ войскъ стало многосложнѣе и разнообразнѣе; самое простѣйшее, кромѣ меча или сабли, саадака и щитовъ составляли: **) тегилай

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 96—99.

**) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, рисунки №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13 и 14.

железная шапка, копые, сулица и рогатина; затѣмъ изъ другихъ видовъ предохранительнаго оружія наиболѣе употреблялись: панцырь, кольчуга и бахтерець— съ шеломомъ, колпакомъ, шишакомъ или мисюркою. Калантарь, юшмакъ, куякъ и шапки турская и мѣдяная встрѣчаются рѣже. Зерцала и латы принадлежали почти, а ерихонка исключительно, къ вооруженію высшаго разряда. Воеводы обыкновенно имѣли на себѣ полный доспѣхъ: двойной панцырь, зеркало съ панцыремъ, надѣтымъ на кафтанъ или подъ нимъ; наручи, рукавицы, наколѣнки, бутурлыки; на головѣ носили преимущественно ерихонку.

Нѣкоторые роды оружія и вооруженія принадлежали конницѣ (какъ-то: сабли, кончеры, кистени, сулицы и пр.), другіе пѣхотѣ (какъ-то: мечи, тесаки, рогатины, совни и пр.), прочіе же были общими какъ конницѣ, такъ и пѣхотѣ. Исключая стрѣльцовъ и царской конной дружины, одѣтыхъ и вооруженныхъ болѣе или менѣе однообразно, въ вооруженіи прочихъ войскъ не было никакого однообразія. Вообще въ это время всякій, кто только могъ, носилъ на себѣ нѣсколько родовъ вооруженія, болѣе изъ азіатской роскоши, нежели изъ дѣйствительной пользы, излишне обременяя себя ими, и нерѣдко случалось, что тяжелые доспѣхи и оружіе перево-

зились, какъ и прежде, за войскомъ на повозкахъ или по рѣкамъ на судахъ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени количество оружія ратника начинаетъ по немногу сокращаться. Флетчеръ говоритъ, что „вооруженіе ратниковъ было весьма легкое; простой всадникъ не имѣлъ ничего, кромѣ колчапа со стрѣлами подъ правую руку и лука съ мечемъ на лѣвомъ боку; только весьма немногіе брали съ собою сумы съ кинжалами, или дротикъ, или небольшое копье, висѣвшее на боку лошади. Ближайшіе начальники имѣли кромѣ того заты или нѣчто подобное. У главныхъ воеводъ и знатныхъ лицъ лошади покрыты были богатою сбруею: сѣдла изъ золотой парчи, узда съ шелковою бахромой, роскошно убрана золотомъ и унизана жемчугомъ съ драгоценными камнями; сами они—въ щегольской стальной бронѣ, сверхъ которой обыкновенно надѣвали еще одежду изъ золотой парчи съ горностаевой опушкой; на головѣ имѣли дорогой стальной шлемъ, съ боку—мечъ, лукъ и стрѣлы, а въ рукѣ копье съ прекраснымъ нарукавникомъ; передъ ними везли шестоперъ—знакъ начальнической власти“.

При сборѣ войска въ походъ городскія начальства, соображаясь съ помѣстьемъ cadaго изъ боярскихъ дѣтей, назначали, кому какое число приводить съ собою людей и лошадей, и кому въ какомъ

быть вооружені *). Подобное же правило распространялось и на другія высшія сословія, какъ-то: на бояръ, жильцовъ, дворянъ, стольниковъ и окольныхчихъ, но съ тою разницею, что всѣ они освобождались отъ представленія за себя поручительствъ, а изъ дѣтей боярскихъ каждый обязанъ былъ представлять двоихъ порукъ, отвѣчавшихъ передъ правительствомъ за его исправность и вѣрность.

Новокрещены, мурзы, князья татарскіе и городовые казаки имѣли одинаковое устройство съ дворянами и дѣтьми боярскими, состояли съ ними въ спискахъ *Разряднаго приказа* и, пользуясь одинаковыми помѣстными правами съ послѣдними, обязывались тою же службою, тоже должны были являться съ своимъ вооруженіемъ.

Что касается вооруженія и снаряженія даточныхъ людей, то слѣдуетъ замѣтить, что ни то, ни другое не было, кажется, вполне опредѣлено: разметнымъ спискомъ 1545 года требовалось только, чтобы даточные люди были въ сермягѣ или однорядкѣ съ пищалью; наказомъ 1589 года Соловецкому монастырю, по случаю войны со шведами,

---

*) „Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ“, часть I, стр. 79, примѣч. 156.

приказывалось набрать *сто человекъ воинскихъ людей съ огненнымъ боемъ, съ пищалями *)*.

Оружіе стрѣльцовъ состояло изъ сабли, *пищали или самопала и бердыша **)*, который на походѣ вѣшали за плечомъ, въ мирное время носили въ правой рукѣ, а въ строю втыкали передъ собою въ землю.

Конные стрѣльцы (въ 1606 г.) были вооружены длинными самопалами и саадаками.

Ручное огнестрѣльное оружіе.

Ручное огнестрѣльное оружіе, составлявшее въ разсматриваемую эпоху предметъ вооруженія только стрѣльцовъ и пѣшихъ даточныхъ людей, сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи еще въ концѣ XIV столѣтія. Въ первое время своего существованія оружіе это было настолько несовершенно, что къ боевому его значенію существовало полное, вполне понятное недовѣріе, вслѣдствіе чего оружіе метательное не только не уступало первенства огнестрѣльному, но даже употреблялось предпочтительнѣе передъ послѣднимъ. Только съ конца XV столѣтія оно начинаетъ нѣсколько совершенствоваться въ русскомъ войскѣ

---

*) Акты арх. эрс., т. I, № 345

**) См. рис. № 1.

Рис. 3.

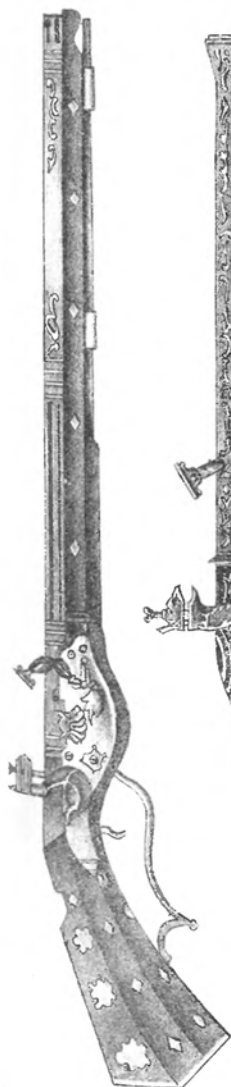

Рис. 4.

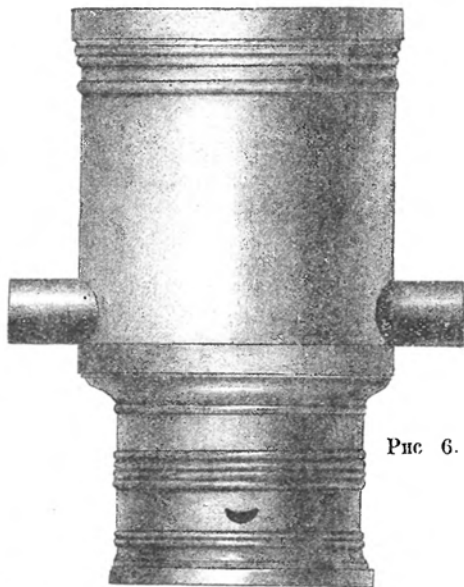

Рис. 6.

Рис. 5.

и постепенно занимать надлежащее мѣсто въ вооруженіи. Псковитяне и новгородцы были первые изъ русскихъ, введшіе у себя ручное огнестрѣльное оружіе, или, какъ его называли, *пищали*: въ составѣ рати Великаго Князя Василя Іоанновича въ 1513 году было 1,000 *пищальниковъ* изъ Пскова *), а въ 1545 году новгородцы выставили, по случаю сбора войскъ подъ Казань, 2.000 *пищальниковъ*. Затѣмъ, позднѣе, съ учрежденіемъ стрѣльцовъ, *пищали* составляютъ вооруженіе этой постоянной пѣхоты въ русскомъ войскѣ, а равно и всѣхъ вообще пѣшихъ даточныхъ людей.

По наружности *пищали* въ общемъ походили на кремневья ружья **) и состояли изъ желѣзнаго *ствола*, помощію *шуруповъ* или *обоймицъ* прикрѣпленнаго къ деревянному *станку* съ *прикладомъ*. Отверстіе, черезъ которое заряжали *пищаль* называлось *устьемъ*; часть, прилегающая къ устью,— *дуломъ*; часть противоположная дулу—*казною*. У первоначальныхъ *пищалей* огонь сообщался пороху черезъ отверстие на *казнѣ*, или *запалѣ*, помощію *огнива* съ *фитилемъ*, приводившагося въ движеніе *спускомъ*. Послѣ, по мѣрѣ усовершенствованія огне-

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 102.

**) См. рис. № 1 и 3.

стрѣльнаго оружія въ западной Европѣ, появились пищали, у которыхъ были замки съ *коловоротомъ* или колесомъ. Кремней въ то время еще не употребляли.

Пищали вѣшались за спиною ратника на *ремень*, почему и назывались *завѣсными*, для отличія отъ пищалей затинныхъ, которыя были большаго калибра и принадлежали уже къ артиллеріи (*наряду*). Пищали перваго рода назывались также *самопалами* и *ручницами*. Въ концѣ XVI столѣтія появляются *карабины* и *пистолы* (пистолеты *).

Пищали, карабины и пистолы имѣли станки различнаго дерева (березоваго, яблоноваго, орѣховаго, сандалнаго) и украшались металлической оправой; оружіе это частію изготовлялось въ Россіи, а частію приобрѣталось въ чужихъ краяхъ. Многіе употребляли огнестрѣльное оружіе, добытое въ войнѣ съ непріателемъ и потому въ немъ существовало точно такое же разнообразіе, какъ и въ холодномъ оружіи.

Вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ носили черезъ лѣвое плечо *берендейку* или ремень, съ привѣшанными на ней на ремняхъ же *зарядцами* **) съ *кровельцами*, выдолбленными изъ дерева и оклеен-

---

*) См. рис. № 4.

**) См. рис. № 1.

ными черною или вообще темною кожею. У однихъ берендеекъ привѣшивались: *сумка фитильная*, т.-е. для фитиля, *сумка пулечная* и *рогъ*; у другихъ — была одна только *сумка* для пуль и *рогъ* или въ замѣнъ его *натруска* *), а фитиль наматывался на ремень берендейки около сумки. Рога и натруски дѣлались изъ дерева, кости, перламутра, мѣди, серебра и открывались черезъ придавленіе особой стальной пружинки. Рога были всегда одинаковаго вида—остроконечные, натруски же дѣлались разнообразно, но предпочтительно круглыя.

Къ принадлежностямъ пищалей, карабиновъ и пистолей должно еще отнести *чаллы* на эти оружія или *олстры*, которые дѣлались изъ кожи или изъ сукна съ *отворотами*, украшавшимися золотыми и серебряными галунами, или вышитыми узорами, по тогдашнему *травами*.

Относительно боеваго примѣненія ручнаго огнестрѣльнаго оружія не сохранилось данныхъ, чтобы можно было составить ясное понятіе о томъ, насколько дѣйствительно было значеніе этого оружія въ бою, и въ какой степени важную роль играло оно вообще въ вооруженіи тогдашнихъ русскихъ войскъ. Въ обзорѣ военныхъ походовъ, бывшихъ въ

---

*) См. рис. № 5.

царствованіе Іоанна IV и Θεодора Іоанновича, мы видѣли, что дѣйствіе русскаго *наряда* оказывало весьма важное вліяніе на успѣшный исходъ боевыхъ предпріятій, преимущественно — при осадѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ городовъ; ничего подобнаго нельзя сказать относительно дѣйствія изъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Сильное развитіе холоднаго и предохранительнаго вооруженія указываетъ также, что огнестрѣльное оружіе, несмотря на значительное его распространеніе въ русскомъ войскѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, не имѣло первенствующаго значенія оружія боеваго и не умаляло роли остальныхъ видовъ вооруженія. Объ искусствѣ стрѣльбы русскихъ войскъ (стрѣльцовъ) того времени свѣдѣній не имѣется, дошедшія же до насъ объ этомъ извѣстія относятся къ позднѣйшему времени, именно къ XVII столѣтію.

Нѣтъ однако основанія полагать, чтобы стрѣльцы временъ Іоанна Грознаго не владѣли нѣкоторымъ искусствомъ стрѣльбы изъ пицалей, насколько допустимо оно изъ оружія весьма несовершеннаго; было ли искусство это результатомъ извѣстнаго обученія,—составляетъ вопросъ, на который можно пока отвѣтить указаніемъ, что въ Москвѣ въ царствованіе Іоанна Грознаго ежегодно производились смотры ружейной стрѣльбы, хотя и

весьма примитивнымъ способомъ. Одинъ изъ подобныхъ смотровъ описанъ англійскимъ путешественникомъ того времени — Дженкинсономъ. Онъ рассказываетъ, что стрѣльба производилась въ декабрѣ мѣсяцѣ (1557 г.) по построенному для сего, вмѣсто мишени, ледяному валу въ 6 футовъ вышины, около 90 сажень длины и въ два фута толщины. Для помѣщенія стрѣлковъ были устроены перелѣ валомъ подмостки, во всю длину послѣдняго, въ разстояніи 60 ярдовъ (около 150 шаговъ). Въ день смотра (12 декабря), — рассказываетъ Дженкинсонъ, — Іоаннъ IV прибылъ верхомъ въ богатой одеждѣ и шапкѣ, убранной роскошно жемчугомъ и драгоценными камнями, предшествуемый свитой; впереди послѣдней слѣдовали 500 пицальниковъ, построенныхъ по пяти въ рядъ, каждый съ пицалью на лѣвомъ плечѣ и фитилемъ въ правой рукѣ. Въ этомъ порядкѣ весь кортежъ вступилъ на стрѣльбище, послѣ чего, когда царь занялъ приготовленное ему мѣсто, пицальники направились къ подмосткамъ и, выстроившись на нихъ, открыли огонь по ледяному валу; стрѣльба продолжалась до тѣхъ поръ, пока послѣдній не былъ окончательно разбитъ пулями *). Какую степень искусства стрѣл-

*) Н. Е. Бранденбургъ: Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея. Часть I.

ковъ могъ обнаружить подобный примитивный способъ смотроваго испытанія, — сказать трудно; конечно, онъ соотвѣтствовалъ несовершенству самого оружія, обусловливавшему и весьма несовершенную дѣйствительность ружейнаго огня.

А р т и л л е р і я.

Подъ именемъ артиллеріи до - Петровской Руси слѣдуетъ понимать какъ собственно *нарядъ*, т.-е. совокупность всѣхъ артиллерійскихъ орудій и принадлежавшихъ къ нимъ снарядовъ, такъ и лицъ, служившихъ при нарядѣ въ качествѣ *пушкарей*. Конечно, ошибочно было бы думать, что артиллерія этой эпохи имѣла какое-либо стройное единство, напоминающее собою организацію позднѣйшей артиллеріи, хотя бы въ регулярной арміи Петра Великаго. Тѣмъ не менѣе, артиллерійское дѣло до Петровской Руси, послѣдовательно приводившееся въ порядокъ не только не отставало отъ подобнаго же порядка въ Западной Европѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ упреждало ее. Доказательствомъ послѣдняго служить, на примѣръ, употребленіе царемъ Іоанномъ IV полковой (легкой) артиллеріи, первоначальное введеніе которой несправедливо приписывается шведскому королю Густаву-Адольфу (1611—1632).

Впервые артиллерійскія орудія появились на Руси въ концѣ XIV вѣка, именно въ 1389 году *), причемъ первыми образцами ихъ были орудія желѣзныя, кованыя. Затѣмъ, съ начала XV столѣтія, артиллерійское дѣло въ Россіи начало мало по малу прививаться и въ половинѣ его распространилось въ значительной мѣрѣ, что видно изъ самаго хода военныхъ событій того времени, въ которыхъ безпрестанно замѣшивается участіе артиллеріи. Въ 1408 году при преемникѣ Дмитрія Донскаго Москва защищалась отъ Едигея **) настѣнными огнестрѣльными орудіями; въ 1451 году, ознаменованномъ нашествіемъ къ Москвѣ татарскаго царевича Мазовши, каменные стѣны и земляные раскаты московскаго кремля также имѣли вооруженіе изъ пушекъ и пицалей. Около того же времени огнестрѣльныя орудія появляются и въ другихъ городахъ: Дмитрій Шемяка въ 1450 году, готовясь къ послѣдней битвѣ съ великимъ княземъ московскимъ, Василюмъ III, укрѣпилъ свой городъ Галичъ и вооружилъ его пушками; псковичи, осадивъ въ 1463 году нѣмцевъ въ Новомъ-городѣ, „пустиша большею пушкою на городокъ, и колода вся излома-

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 99.

**) Тамъ же, стр. 100.

лася, и желѣза около разорваша, а пущича вся цѣла“, — говорить лѣтописецъ; въ Новгородѣ въ 1471 году нѣкто Упядышъ, изъ преданности Москвѣ, въ одну ночь заколотилъ 55 пушекъ, за что и былъ казненъ новгородцами. Такимъ образомъ, въ XV вѣкѣ въ Россіи было уже значительное количество огнестрѣльныхъ орудій, и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ центрахъ — Новгородѣ, Псковѣ, Твери и проч. Это обстоятельство, въ связи съ сохранившимися извѣстіями о желѣзномъ производствѣ въ самой глубокой древности въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашего отечества, какъ напримѣръ въ *Устюжнѣ желъзотольской*, даетъ возможность заключить, что доставка артиллерійскихъ орудій въ Россію изъ Западной Европы была въ упомянутое время не единственнымъ средствомъ снабженія нашего отечества подобными предметами, и что часть нашей артиллеріи въ это время изготовлялась въ предѣлахъ Россіи. Однако, настоящее развитіе артиллерійскому дѣлу въ Россіи дано было Иоанномъ III, при которомъ началось у насъ изготовленіе артиллерійскихъ орудій изъ мѣди при помощи итальянскихъ мастеровъ. Въ 1474 году явился въ Москву приглашенный имъ извѣстный въ то время инженеръ и архитекторъ Альберта Фіоравенти, „мастеръ Муроль, Аристотель именемъ“, съ

сыномъ и ученикомъ, „Петрушею зовутъ“. Неизвѣстно, приступилъ ли Фіоравенти къ организаціи пушечно-литейнаго дѣла немедленно по прибытіи въ Москву, или же по окончаніи постройки Успенскаго собора въ 1479 году; для литья орудій построено было особое техническое заведеніе, которое называлось *пушечною избою* и находилось у трехъ мостовъ *) изъ Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ въ Китай-городѣ; эта *пушечная изба* сгорѣла во время бывшаго въ Москвѣ пожара въ 1488 году. Послѣ этого пожара въ Москвѣ является уже нѣсколько *пушечныхъ избъ*, и пушечно-литейное дѣло на Руси при посредствѣ иностранныхъ мастеровъ получаетъ значительное развитіе. Первыми техниками по этой специальности были итальянцы: упомянутый выше Фіоравенти, Павелъ Дебосисъ, отлившій въ 1488 году огромную пушку, упоминаемую въ лѣтописи подъ именемъ царь-пушка**), Яковъ изъ Венеціи, Петръ Антоній и другіе. Съ начала XVI вѣка появленіе у насъ иностранныхъ

---

*) Черезъ существовавшій въ то время ровъ.

**) Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ царь-пушкой, изготовленной въ 1586 году и существующей до нынѣ. Этимъ орудіемъ Павла Дебосиса московскій народъ, во время мятежа въ 1584 году, хотѣлъ разбить Флоровскіе (Спасскіе) ворота, требуя выдачи Бѣльскаго. См. Ист. Гос. Рос., т. X, стр. 10.

пушечно-литейныхъ мастеровъ перестаетъ уже быть фактами единичными, становясь дѣломъ болѣе обыкновеннымъ: по крайпѣй мѣрѣ съ 1505 года лѣтопись не перечисляетъ ихъ по именамъ, а прямо говоритъ, что послы государевы привезли съ собою (изъ-за моря) многихъ мастеровъ „серебряныхъ, пушечныхъ и стѣнныхъ“. За время XVI столѣтія имѣется длинный рядъ именъ иностранныхъ мастеровъ пушечно-литейнаго дѣла въ Россіи, въ числѣ которыхъ есть уже и природные русскіе, какъ, напримеръ, Булгакъ Ноугородовъ, Андрей Чоховъ, Семень Дубининъ и другіе.

При великомъ князѣ Василіѣ IV пушечно-литейное дѣло на Руси продолжало развиваться, а матеріальная сторона русскаго *наряда* не оставалась чуждою улучшеніямъ артиллерійской части въ Западной Европѣ; значительный огнестрѣльный *нарядъ* состоитъ по городамъ и начинаетъ входить въ составъ полевой рати: въ сентябрѣ 1514 года Василій III долго громилъ пушками и пищалями твердыя стѣны Смоленска, причемъ особенно отличался управлявшій *нарядомъ* московскій пушкарь, Стефанъ *), а полтора мѣсяца спустя этотъ Стефанъ и пушки его въ несчастной битвѣ подъ Оршею попали въ

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 101

руки литовцевъ; въ походѣ противъ послѣднихъ въ 1519 году *нарядъ* не только является дѣйствующею частью разныхъ отрядовъ войскъ, выступавшихъ съ нимъ изъ разныхъ городовъ, но въ личномъ составѣ своемъ усиливается *посохою*. Имѣются также извѣстія, что въ это время во многихъ городахъ существовали склады пороха, который начали изготовлять въ Москвѣ еще съ XV столѣтія.

Существованіе по городамъ пороховыхъ складовъ во всякомъ случаѣ предполагаетъ уже достаточное по тому времени развитіе на Руси артиллерійскаго дѣла. И дѣйствительно, въ малолѣтство Іоанна IV городской *нарядъ* былъ главнымъ средствомъ городской обороны, и повсемѣстно, особенно же въ пунктахъ пограничныхъ или украинскихъ, содержался въ порядкѣ и значительномъ количествѣ. Только при этихъ условіяхъ Стародубъ и Черниговъ въ 1534 году могли отразить литовцевъ съ такимъ успѣхомъ, что Андрей Левинъ, посланный воеводою Стародубскимъ, княземъ Александромъ Капинымъ (Телепневымъ), захватилъ 40 пищальниковъ со всѣми ихъ орудіями, а воевода Черниговскій, князь Ѳеодоръ Мезецкій, отбилъ у литовцевъ всѣ пушки и весь обозъ *).

---

*) См. выше, стр. 6.

За время бояршаго правленія литейное дѣло шло, какъ кажется, безостановочно. Въ 1547 году на московскомъ пушечномъ дворѣ—въ приходѣ св. Софїи Премудрости, близъ нынѣшняго Кузнецкаго моста—отлиты первыя 16 пуд. *важонейки* *), т. е. фалькопеты, изобрѣтенныя итальянцами въ 1536 году. Въ 1545 году въ Новгородѣ существовали уже пушкарни, повидимому постоянныя и пищальники въ качествѣ даточныхъ; пороховое дѣло, производимое неизвѣстно какимъ способомъ, является едва ли не во многихъ городахъ, кромѣ Москвы, о чемъ можно заключить отчасти изъ разряднаго и разметнаго списковъ 1545 года, о сборѣ ратныхъ людей и пороха съ Новгорода и съ новгородскихъ пятиць **).

О состояніи артиллеріи въ царствованіе Іоанна Грознаго находимъ любопытное свидѣніе у Кобенцеля (посла въ Россію отъ императора Максимилиана II въ 1576 году), который писалъ своему государю, что великій князь Московскій имѣеть въ избиліи запасы оружія всякаго рода и такой огнестрѣльный снарядъ, что тотъ, кто не видалъ его, не повѣритъ описанію. По свидѣтельству его, въ

---

*) Орудія эти назывались также *соколками* и относились къ разряду полковыхъ.

**) Акты арх. экс., т. I. № 205.

арсеналахъ и складахъ всегда бывало наготовлено всякихъ орудій не менѣе 2.000. Этотъ отзывъ не покажется преувеличеннымъ, если принять во вниманіе, что кромѣ артиллеріи, находившейся по городамъ, значительное количество ея участвовало въ войнахъ Іоанна Грознаго въ составѣ полевой рати: подъ Казанью онъ имѣлъ однихъ большихъ и среднихъ пушекъ до 150, не считая *дѣлз огненныхъ, ими же вверхъ стрѣляютъ*; въ Полоцкомъ походѣ 1563 года у него было до 200 пушекъ и пр.

Литье орудій на Москвѣ производилось дѣятельно и въ царствованіе Θεодора Іоанновича, и притомъ русскими мастерами: Андреемъ Чоховымъ, Семеномъ Дубининымъ и другими; изъ нихъ Чоховъ отлилъ въ 1586 году *дробовикъ*, извѣстный теперь подъ названіемъ *царь-пушки*, 35-дюймоваго калибра, длиною въ 2 саж. 3 фута, 9 дюймовъ, вѣсомъ въ 2.400 пудовъ *). По сказанію поляка Маскѣвича,

---

*) Пушка эта, стоящая и до нынѣ въ Кремлѣ, не имѣла практическаго значенія въ смыслѣ боеваго артиллерійскаго орудія, такъ какъ едва ли въ состояніи была выдержать хотя бы одинъ выстрѣлъ. Цѣлью ея изготовленія, по всей вѣроятности, было похвастать, если даже не поугаты татарскихъ пословъ, ѣхавшихъ въ Москву. По свѣдѣніямъ 1707 года царь-пушка безъ станка лежала на рядахъ у Лобнаго мѣста, на Красной площади, самомъ многолюдномъ во всей Москвѣ мѣстѣ, гдѣ конечно находилась

очевидца московскихъ событій 1611 года, „пахолики влѣзали въ это орудіе челоуѣка по три и тамъ играли въ карты подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна.“ Общее количество огнестрѣльнаго наряда въ это царствованіе было также весьма значительное; Флетчеръ пишетъ: „Полагаютъ, что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ сварядовъ, какъ Русскій Царь, чему отчасти можетъ служить подтвержденіемъ Оружейная палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ всякаго рода пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя“.

Говоря о цушечно-литейномъ производствѣ изъ мѣди, слѣдуетъ упомянуть, что въ Россіи въ половинѣ XVI столѣтія было извѣстно литье орудій изъ чугуна; такъ на примѣръ въ 1554 году въ Москвѣ вылита была чугунная пушка въ 1.200 пудовъ вѣсомъ.

Обращаясь къ конструкціи самыхъ орудій не только разсматриваемой эпохи, но и позднѣйшей, —

она на показъ и во времена предшествовавшія. Калибръ ея по тѣмъ же свѣдѣніямъ показавъ— „ядро каменное вѣсомъ 52 пуда“. Что касается до лежащихъ нынѣ около того орудія сварядовъ, то они отлиты въ началѣ прошлаго царствованія. Н. Е. Бранденбургъ: Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея, часть I.

XVII столѣтія, слѣдуетъ замѣтить объ отсутствіи какихъ либо опредѣленныхъ правилъ въ выборѣ калибра и конструкціи орудій, и что въ техникѣ дѣла существовала полная неурядица и личный произволъ мастеровъ, обусловливавшіеся, конечно, прежде всего шаткостью тогдашнихъ теоретическихъ свѣдѣній. Однако, при всемъ томъ древніе документы и артиллерійскіе памятники даютъ возможность отмѣтить нѣсколько способовъ дѣйствія изъ тогдашнихъ орудій, именно: стрѣльбу прицѣльную, стрѣльбу навѣсную и стрѣльбу массой мелкихъ снарядовъ (картечью); сообразно съ этимъ, при всей запутанности матеріальной части тогдашней артиллеріи, можно отыскать въ ней три главныхъ типа орудій древней русской артиллеріи: а) типъ пицалей—для стрѣльбы прицѣльной, б) типъ пушекъ верховыхъ, или мортиръ, для дѣйствія навѣснымъ огнемъ**) и г) тюфяки дробовые и дробовыя пушки—для дѣйствія дробомъ (картечью). Но отъ этихъ главныхъ видовъ орудій, конечно, существовали различныя уклоненія *).

Что касается снарядовъ, которыми дѣйствовала

---

*) См. рис. № 6.

**) См. соч. Бранденбурга.

наша артиллерія разсматриваемой эпохи, то такими были:

1) Снаряды *сплошные*: каменные ядра, наиболѣе употреблявшіяся при стрѣльбѣ изъ мортиръ (ядра эти часто обливались свинцомъ или оловомъ); желѣзные и чугунные ядра иногда съ оболочкою изъ олова или свинца; снарядъ, состоявшій изъ мелкихъ каменевъ залитыхъ вмѣстѣ свинцомъ. Металлическія ядра иногда употреблялись для стрѣльбы калеными; какъ на одинъ изъ болѣе раннихъ примѣровъ этого можно указать на дѣйствія русскихъ войскъ подъ Ревелемъ въ 1570 и 1577 годахъ.

Къ числу сплошныхъ снарядовъ относились также: картечь каменная, *дробь*, состоявшій изъ рубленыхъ кусковъ желѣза, свинца, кузнечнаго шлака и картечь изъ массы пуль, помѣщенныхъ въ металлической оболочкѣ *), на подобіе нынѣшней картечи.

2) Снаряды *разрывные*: къ нимъ нужно отнести „кувшины съ зеліемъ“. Въ западной Европѣ въ XVI столѣтіи былъ въ употребленіи особый снарядъ, представлявшій изъ себя металлическій сосудъ съ крючками, наполненный порохомъ и снаб-

---

*) Такую картечь употребилъ пушкарь Стефанъ при осадѣ Смоленска въ 1514 году.

женный трубкой съ составомъ, который по воспламененіи поспѣшно бросали руками въ непріятеля; подобное средство примѣнялось преимущественно при осадѣ и оборонѣ городовъ. Вѣроятно, эти разрывные металлическіе сосуды были завезены въ наше отечество иностранными техниками, и получили названіе „кувшиновъ съ зельемъ“.

3) Снаряды *зажигательные*: они встрѣчаются уже въ 1514 году при осадѣ Смоленска *); о нихъ же упоминаетъ князь Курбскій въ разсказѣ о взятіи замка Феллина, называя ихъ *кулями огненными*. — Простѣйшая и въ то время, вѣроятно, единственная конструкція ихъ была та, что каменное ядро облепливалось горючимъ составомъ и въ такомъ видѣ оно выстрѣливалось изъ орудія.

Если въ производствѣ орудій древней русской артиллеріи не было какихъ либо опредѣленныхъ правилъ въ назначеніи калибровъ и конструкціи орудій, если вообще не существовало опредѣленной организаціи этого *наряда*, какъ отдѣльнаго рода оружія, то не было также разъ на всегда установленнаго подраздѣленія его на отдѣльные виды въ томъ именно смыслѣ, какъ это существуетъ, на-

---

*) См. „Русская военная сила“ вшвускъ II, стр. 103.

примѣръ, въ настоящее время. Однако, во всей массѣ орудій древняго *наряда* можно встрѣтить три вида артиллерійскихъ орудій по ихъ боевому назначенію: артиллерію осадную, полковую и крѣпостную.

Отличительной чертой осадной артиллеріи, *стѣнобитнаго наряда*, было—огромность орудій этого отдѣла, назначеніе которыхъ ясно опредѣляется самимъ приведеннымъ названіемъ. При дѣйствіи противъ крѣпостей все возлагалось на калибръ орудій; не останавливались поэтому ни передъ какими затрудненіями и пожертвованіями, сопряженными какъ съ доставкой чудовищныхъ орудій на мѣсто, такъ и съ самымъ ихъ употребленіемъ, потому что случаи разрыва подобныхъ орудій были не рѣдки и дошли до насъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Отъ времени Іоанна Грознаго сохранилось огромное осадное орудіе, пицаль *Иврогъ*, (работы Андрея Чохова), вѣсящее около 454 пудовъ; извѣстно также, что подъ Казанью въ 1552 году было 150 орудій осадной артиллеріи, вромѣ полковой, причемъ меньшія изъ нихъ были по полторы сажени.

Существованіе въ царствованіе Іоанна IV и въ позднѣйшее время *полковой* артиллеріи, соотвѣтствующей *полевой* настоящаго времени, не подле-

жить сомнѣнію: про полковыя орудія говоритъ, напимѣръ, князь Курбскій, описывая осаду Казани; исчисливъ составъ осадной артиллеріи, онъ прибавляетъ: *окромъ того были польныя многія около царскихъ шатровъ* *). Въ документахъ, относящихся къ войнѣ Іоанна Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ, встрѣчаются также полковыя орудія.

Въ укрѣпленныхъ городахъ существовалъ городской нарядъ—*крѣпостная артиллерія*. Составъ ея былъ самый разнообразный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый многочисленный: сюда входили орудія мѣдныя, желѣзныя и чугуныя, начиная съ самыхъ мелкихъ, стрѣлявшихъ небольшими пулями,—затинныхъ пищалей,—и доходя до орудій средней величины. Орудія очень большія не входили въ составъ крѣпостной артиллеріи.

Ознакомившись съ матеріальной частью русскаго наряда временъ Грознаго, обратимся къ ратнымъ людямъ, служившимъ у этого наряда.

Существовало ли у насъ до XVI столѣтія особое сословіе пушкарей, положительныхъ извѣстій о томъ не сохранилось, такъ какъ до этого времени подобное названіе носилъ всякій, кто могъ заряжать пушку и стрѣлять изъ нея; но со времени Іоанна

---

*) Н. Устряловъ: „Сказанія князя Курбскаго“, стр. 21.

Грознаго, положившаго начало постоянному русскому войску и организаціи служилыхъ сословій, пушкарѣ являются какъ особое сословіе съ извѣстными правами, принадлежащее къ разряду низшихъ сословно-служилыхъ людей и обязанное исключительно службою при *нарядѣ*. Пушкарѣ селились въ городахъ особыми слободами, владѣли потомственно участками земли, отправляли всякіе промыслы и, какъ члены городского общества, могли быть избираемы въ извѣстныя должности и пр. Пушкарѣ были *московскіе* и *городовые*; быть московскимъ пушкаремъ считалось почетнѣе, нежели другихъ городовъ; имъ шло и содержаніе нѣскольکو большее. Новые члены вступали въ сословіе пушкарей лишь за ручательствомъ служившихъ, причемъ послѣдними давалась *поручная запись*. Существовали ли какія либо правила при выборахъ въ пушкарѣ, т. е. требовалась ли отъ поступающихъ какая либо подготовка къ предстоявшей имъ службѣ у наряда и, вообще, нѣкоторое обладаніе искусствомъ, связаннымъ съ ихъ новымъ званіемъ, извѣстнѣе не имѣется. Можетъ быть, что съ началомъ учрежденія пушкарей, какъ особаго служилаго сословія, къ городovýmъ нарядамъ начали *прибѣраться* такихъ людей (даточныхъ или *охочихъ*), которые уже прислуживали у орудій или были *стрѣлять*

коразди; но вѣроятнѣе всего, что артиллерійское дѣло усваивалось пушкарями уже по поступленіи въ это сословіе, или передавалось отъ отца къ сыну, какъ бы по наслѣдству. Во всякомъ случаѣ, при Іоаннѣ Грозномъ пушкари, по крайней мѣрѣ московскіе, владѣли уже извѣстными познаніями по артиллерійскому дѣлу: отличныя, для того времени, дѣйствія русскаго *наряда* подъ Казанью въ 1552 г. слѣдуетъ, какъ кажется, объяснить не только искусствомъ начальствовавшего этимъ *нарядомъ* боярина Морозова, но и знаніемъ своего дѣла пушкарями; московскіе пушкари времени Іоанна IV были уже знакомы и съ техникой артиллерійскаго дѣла.

Вмѣстѣ съ пушкарями и на одинаковыхъ съ ними правахъ въ службѣ у наряда считались также *затинщики*, назначавшіеся для дѣйствія изъ пищалей затинныхъ, и *воротники*, на обязанности которыхъ лежало оберегать ворота городовыхъ остроговъ, т. е. укрѣпленій, съ стоявшими въ нихъ пушками. Въ штатѣ наряда состояли также *кузнецы*—для производства всякой кузнечной подѣлки при острогахъ и орудіяхъ, и *плотники*—для всякихъ деревянныхъ подѣлокъ. Кузнецы и плотники находились не во всѣхъ городахъ.

Управление нарядомъ въ полевой рати и дѣйствіе изъ него до послѣднихъ лѣтъ княженія Ва-

силія IV находилось въ рукахъ тѣхъ же иностранныхъ мастеровъ, на обязанности которыхъ лежала и самая техника изготовленія орудій *). Въ то время опытными пушкарями дорожили болѣе, чѣмъ пушками. Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московіи“ рассказываетъ, что когда, послѣ пораженія русскихъ войскъ подъ Казанью (въ 1506 г.), возвратились въ Москву безъ орудій два пушкаря, спасшіеся вмѣстѣ съ другими бѣгствомъ, то великій князь Василій III принялъ ихъ благосклонно и одного изъ нихъ, Бартоломея, щедро наградилъ; наоборотъ, къ третьему пушкарю, возвратившемуся изъ того же пораженія съ пушкой, которую онъ сберегъ, великій князь отнесся гнѣвно и сказалъ: „... къ чему такое бесполезное старанье спасти пушку? Я ни во что ставлю ея потерю, лишь бы остались у меня люди, умѣющіе лить пушки и обходиться съ ними“. Слова эти прямо показываютъ обиліе тогда московской артиллеріи и недостатокъ при ней въ артиллеристахъ. Объ отсутствіи въ то время на Руси русскихъ людей, которые могли бы „обходиться съ пушками“, свидѣтельствуется тотъ же Герберштейнъ. „Они не знаютъ—говоритъ онъ—различія пушекъ или, правильнѣе

---

*) „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 104.

сказать, ихъ употребленія. Не знаютъ, когда должно употреблять большія пушки, которыми разрушаютъ стѣны, или малыя, которыми разрываютъ ряды и останавливаютъ натискъ непріятелей. Это часто бываетъ и особенно случилось въ то время, когда носился слухъ, что татары вотъ-вотъ осадятъ Москву. Ибо, растерявшись, намѣстникъ приказалъ поставить большую пушку передъ воротами крѣпости,— при смѣхѣ нѣмецкаго бомбардира,—потому что едва въ три дня можно было бы привезти ее туда, и къ тому же, выстрѣливъ одинъ разъ, она разрушила бы сводъ и ворота“ *).

Постепенно потомъ ближайшее завѣдываніе рядомъ отъ иностранцевъ переходитъ въ руки русскихъ воеводъ; однако, нарядъ этотъ въ распоряженіи послѣднихъ, незнакомыхъ съ дѣломъ или мѣстничавшихся, большею частью погибалъ ни за что: князь Иванъ Палецкій, плывшій въ 1524 году изъ Нижняго-Новгорода въ Казань съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядамъ, не зная, какъ справиться съ устроенною черемисами въ узкомъ мѣстѣ Волги, между островами, запрудой, и, осыпаясь съ нагорнаго берега стрѣлами ихъ и

---

*) „Записки о Московіи“ барона Герберштейна, переводъ И. Авонимова, стр. 141 и 78.

потерявъ нѣсколько тысячъ людей убитыхъ или потонувшихъ, пустился къ русскому стану (къ Казани) лишь съ немногими судами, побросавъ въ рѣку большую часть военныхъ снарядовъ *); а въ 1530 году, при осадѣ Казани же, „*промежь большими воеводами пришла брань и обозу города-гуляя не сомкнуша, и пришла черемиса и городъ-гуляй взяли и пищалей затинныхъ 70...*“ **).

Подобныя неудачи не ослабляютъ, однако, довѣрія русскихъ людей къ могучему средству для борьбы съ противникомъ; артиллерійское дѣло продолжаетъ развиваться, и въ средѣ русскихъ появляются люди, которые уже съ искусствомъ пользуются нарядомъ при осадѣ и оборонѣ городовъ. Такъ въ 1534 г. *пищальники* черниговскаго воеводы князя Федора Мезецкаго „*не дали литовцамъ крѣпко приступать къ городу*“; ни одинъ походъ, начиная съ казанскаго въ 1552 году, не совершается безъ наряда, ввѣряемаго, какъ отдѣльная часть войска, особому начальнику (изъ воеводъ) или двумъ, при которыхъ съ 1559 года являются *головы у наряда* ***), вѣроятно, въ полкахъ; усѣхомъ

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 82.

***) Тамъ же, стр. 83.

***) „Древ. Рос. Вивлюфика“, т. XIII, стр. 280—319. Розряды 1559 года.

своимъ подѣ Казанью Іоаннъ IV много обязанъ, какъ уже упомянуто было, отличному дѣйствию русскаго *наряда*: искусному управленію имъ боярина Михаила Яковлевича Морозова и помогавшихъ ему дьяка Выродкова и окольниковъ В. П. Морозова, начальствовавшихъ *турами* (батареями) Большаго полка, а равно—и хорошему знанію своего дѣла московскихъ пушкарей. Вообще, можно сказать, что при Іоаннѣ IV артиллерійское дѣло стояло на весьма удовлетворительной степени развитія, какъ никогда въ до-Петровской Руси; въ царствованіе его не только успѣли образоваться опытные, по тому времени, русскіе артиллеристы, но и русскій людъ вообще былъ уже не чуждъ умѣнью обращаться съ орудіями. Доказательствомъ послѣдняго служить событіе въ Москвѣ, ознаменовавшее собою первые дни царствованія Θεодора Іоанновича: тысячь двадцать вооруженныхъ людей, чернь, граждане, боярскія дѣти, возбужденныя клеветою на ненавистнаго имъ любимца царя, боярина Бѣльскаго, устремились къ Кремлю, овладѣли въ Китай-городѣ тяжелымъ нарядомъ и, обративъ къ запертымъ Флоровскимъ (Спасскимъ) воротамъ Дебосисову царь-пушку, едва было не открыли пальбу, предупреденную лишь объявленіемъ, что Бѣльскій будетъ удаленъ изъ Москвы. Не ограничи-

ваясь хорошимъ знаніемъ техники артиллерійскаго дѣла, московскіе пушкири временъ Іоанна Грознаго умѣли блюсти честь своего оружія. Исторія сохранила доблестный случай проявленія чувства долга и полного самоотверженія московскими пушкарями подъ Венденомъ въ 1578 году: послѣ малодушнаго бѣгства изъ стана четырехъ воеводъ съ конницею, оставшихся съ *нарядомъ* и горстью другихъ храбрцовъ, московскіе пушкири встрѣтили противника съ оружіемъ въ рукахъ и, видя неминуемую гибель ввѣренныхъ имъ орудій, предпочли смерть плѣну; окруженные непріятелями, они не сдались, а обхватили свои орудія и были на нихъ изрублены *).

Итакъ, московскіе пушкири временъ *Грознаго* обладали уже извѣстными познаніями по артиллерійскому дѣлу; какимъ путемъ пріобрѣтались ими эти познанія, неизвѣстно, но имѣются указанія, что при Іоаннѣ IV въ Москвѣ ежегодно производилась стрѣльба артиллеріи въ присутствіи Государя; было ли это собственно ежегодное практическое ученье или смотръ искусства пушкарей, предварительно приготовлявшихся къ тому практической стрѣльбой,—рѣшить нельзя, за неимѣніемъ

---

*) *Гейденштейнъ*: „Записки о московской войнѣ“.

данныхъ. Очевидецъ одной изъ подобныхъ практикъ, тотъ же англичанинъ Дженкинсонъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „за нѣсколько времени до наступленія дня, назначеннаго для смотра, въ полѣ за предмѣстями Москвы было установлено два прочныхъ деревянныхъ, набитыхъ землею сруба, до тридцати футовъ толщиною, передъ которыми находились двѣ бѣлыхъ мишени: все это назначалось для оцѣнки силы и дѣйствительности артиллерійскаго огня... *). Царю со свитою также устроено особое помѣщеніе, откуда можно было слѣдить за результатами дѣйствія снарядовъ. По окончаніи описанныхъ приготовленій, вся наличная артиллерія, находившаяся въ Москвѣ, была вывезена на мѣсто стрѣльбы, установлена передъ срубамъ и наведена въ нихъ, а затѣмъ 12-го декабря былъ произведенъ и самый смотръ.... Послѣ окончанія стрѣльбы пищальниками, т.-е. ружейной, наступила очередь артиллеріи. Орудія сдѣлали залпъ греческимъ огнемъ **), что представило очень эффектный видъ, и начали дѣйствовать по деревяннымъ срубамъ; сперва стрѣляли пушки малыхъ калибровъ, такъ что въ теченіе первой очереди огонь

---

*) Далѣе слѣдуетъ описаніе приготовленій для оцѣнки ружейной стрѣльбы.

***) Вѣроятно зажигательными сварядами.

прошелъ по всей линіи, постепенно переходя все къ большимъ и большимъ орудіямъ; потомъ послѣдовалъ перерывъ для новаго заряжанія и произведена была тѣмъ же порядкомъ вторая очередь; къ концу третьей оба сруба не существовали, хотя и были очень крѣпко сдѣланы“ *).

Существовала ли подобная стрѣльба для пушкарей другихъ городовъ, свѣдѣній не имѣется, но очень вѣроятно, такъ какъ иначе первые не могли бы обладать никакою опытностью въ своемъ дѣлѣ.

3. Сторожевая пограничная служба **).

Говоря объ организаціи вооруженныхъ силъ на Руси въ царствованіе Іоанна Грознаго и Феодора Іоанновича, нельзя не упомянуть объ устройствѣ въ то время сторожевой пограничной службы.

Границы сѣверо-восточной Руси, сосѣднія приволжскимъ, при-донскимъ и даже при-днѣпровскимъ степямъ, издавна называвшіяся Московскою Украиною, подвергались частымъ и опустошительнымъ набѣгамъ татаръ и требовали постоянной и

---

*) *Н. Е. Бранденбургъ*: „Истор. Катал. С.-П.-бургскаго артил. музея“, стр. 88.

**) См. соч. *И. Бялева*: „О сторожевой станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства“.

бдительной стражи если не для защиты предѣловъ государства, то для наблюденія за движеніями татаръ въ Украинѣ и доставленія извѣстій о семъ пограничнымъ воеводамъ и въ Москву. Это обстоятельство вынудило московскихъ государей учредить здѣсь съ упомянутою цѣлью *пограничную стражу*. Стража эта вначалѣ имѣла характеръ скрытыхъ притоновъ разбѣзжихъ *сторожей и станичниковъ*, расположенныхъ по рѣкамъ Хопру, Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ и Воронежу и только позднѣе, съ уничтоженіемъ зависимости отъ татаръ, съ расширеніемъ предѣловъ Великаго Княжества Московскаго и подчиненіемъ ему удѣльныхъ, сторожи стали увеличиваться и постепенно обращаться въ укрѣпленныя линіи на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ государства. Съ этого времени появляется здѣсь въ пограничныхъ городахъ и станицахъ особый классъ служилыхъ людей, образованный и содержимый правительствомъ, извѣстный подъ именемъ *городовыхъ казаковъ*. О нихъ уже было упомянуто въ обзорѣ конницы и пѣхоты русскаго войска; здѣсь же замѣтимъ, что пограничные городовые казаки обязывались постоянно быть на службѣ, ѣздить въ степи, наблюдать за движеніями татаръ по извѣстнымъ дорогамъ, называемымъ *шляхами и сакмами*, перехватывать языковъ и достав-

лять вѣсти воеводамъ и государю, а въ случаѣ нечаяннаго набѣга ордынцевъ—защищать украинскіе города. Потомъ московскіе государи начали противупоставлять татарскимъ набѣгамъ на границы самихъ же татаръ, поселяя въ украинскихъ городахъ татарскихъ царевичей и князей, переходившихъ со своими ордами на службу московскихъ государей, и отдавая во владѣніе имъ города и волости въ покоренныхъ татарскихъ или пограничныхъ земляхъ.

Въ малолѣтство Іоанна IV былъ построенъ Темниковъ и укрѣплены другіе города по Украинѣ, а разѣзды сторожей и станичниковъ проникли далеко въ степи: Донецъ, Донъ, Волга и другія степныя рѣки, ближайшія къ Крыму, Ногайской ордѣ и Казани были уже оцѣплены московскими сторожами, которые разѣзжали по всѣмъ направленіямъ отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля. Благодаря этому, вторженіе въ русскіе предѣлы татарскихъ ордъ не являлось неожиданностью для воеводъ и намѣстниковъ пограничныхъ городовъ; съ 1556 года пограничные отряды начали проникать въ степи и даже Крымъ для нападенія на татаръ въ ихъ собственныхъ улусахъ *).

Но всѣ эти дошедшія до насъ извѣстія о сторо-

---

*) См. выше дѣйствія дьяка Ржевскаго, атамана Чулкова, князя Вишневецкаго и Данила Алашева.

жевой пограничной службѣ отрывочны и неполны и не даютъ понятія о внутреннемъ устройствѣ ея; по нимъ можно даже полагать, что распоряженія московскаго правительства по этой службѣ были случайными, вызывавшимися временными обстоятельствами, и не имѣли связи другъ съ другомъ. Однако, сохранившіеся отъ 1571 года официальные документы не оставляютъ сомнѣнія, что служба эта постепенно развивалась и имѣла извѣстную организацію, что съ 1571 года ей дано было лучшее устройство и порядокъ отправленія ея опредѣленъ былъ законодательнымъ актомъ.

1-го числа января упомянутаго года назначенъ былъ главнымъ начальникомъ сторожевой пограничной службы извѣстный воевода князь Михаилъ Ивановичъ Воротынской, которому и приказано было дать ей лучшее устройство. Дабы ознакомиться съ состояніемъ этой службы до него, князь Воротынской перебралъ всѣ росписи и книги по этому дѣлу, хранившіяся въ *Разрядѣ*, собралъ подробныя свѣдѣнія о ней отъ вызванныхъ въ Москву, по приказанію царя, станичниковъ и сторожей и приступилъ къ составленію устава сторожевой пограничной службы.

Изъ упомянутыхъ изслѣдованій князя Воротынскаго оказывается, что лѣтъ за 15 до 1571 года

существовала уже длинная цѣпь укрѣпленныхъ городовъ по всей Украинѣ, отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля и что сторожевая служба была въ вѣдѣніи *Разряднаго Приказа*, въ который доставлялись всѣ росписи станицъ и сторожъ.

По географическому положенію укрѣпленные украинскіе города можно раздѣлить на передніе и задніе. Къ передней линіи укрѣпленныхъ городовъ принадлежали: Алатырь, Темниковъ, Кадомъ, Шацкъ, Рязскъ, Данковъ, Новосиль, Орель, Рыльскъ, Путивль и Новгородъ-Сѣверскъ; впереди этой линіи, въ самой степи, мѣстами были покопаны рвы, сдѣланы засѣки, забори на рѣкахъ и другія полевья укрѣпленія, занятая стражею.

Вторую укрѣпленную линію, ближайшую къ Москвѣ, составляли: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Касимовъ, Рязань, Тула, Кашира, Серпуховъ и Звенигородъ. Рѣка Ока составляла, такимъ образомъ, твердую границу государства и постоянно охранялась значительными отрядами.

Въ городахъ находились воеводы и осадные голы съ отрядами служилыхъ людей—боярскихъ дѣтей, городовыхъ казаковъ, служилыхъ татаръ и потомъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы назначались собственно для обороны городовъ и очень рѣдко высылались въ степи на засѣки; боярскія дѣти, казаки и слу-

жилые татары раздѣлялись на городовыхъ или полковыхъ, назначавшихся только для защиты городовъ и отраженія непріятеля на границѣ, и—на станичныхъ и сторожевыхъ, песшихъ собственно сторожевую и разъѣздную службу и выславшихся для сего поочередно въ степь для разъѣздовъ и занятія сторожевыхъ притоновъ (карауловъ *). За сторожевую и разъѣздную службу они получали особое жалованье, высшее полковаго или городаго, и удовлетворялись отъ казны за всѣ убытки и потери, понесенные ими въ разъѣздахъ; вслѣдствіе сего, лошади, сбруя и вооруженіе сторожей, при отправленіи ихъ въ степь, оцѣнивались воеводами, которые расцѣнку эту вносили въ особыя книги.

У царя имѣлись чертежи и списки укрѣпленнымъ городамъ, съ означеніемъ, въ какомъ состояніи находятся укрѣпленія и сколько въ нихъ войска; съ помощію этихъ данныхъ и донесеній о движеніяхъ непріятелей можно было правильно соображать оборону линіи и государства и, смотря по надобности, передвигать войска.

16-го февраля 1571 года былъ утвержденъ и

---

*) Сторожевые притоны отстояли другъ отъ друга на полдня пути и ближе, очень рѣдко на 1—2 дня пути; тянулись по верховьямъ Сейма, Псѣла, Ворсклы, Донца и ихъ притоковъ, черезъ Довъ къ Воронежу.

объявленъ составленный княземъ Воротынскимъ уставъ сторожевой и пограничной службы. Уставъ этотъ опредѣлялъ порядокъ отправленія службы на сторожахъ и въ разъѣздахъ, равно и отвѣтственность за неисправное несеніе ея. Имъ опредѣлялось: смѣну въ передовыхъ сторожахъ производить не спѣшиваясь съ лошадей; разъѣзду состоять не менѣе какъ изъ двухъ конныхъ; пищу передовымъ постами варить въ закрытыхъ мѣстахъ, причемъ два раза на одномъ мѣстѣ огня не разводитъ; выбирать мѣста для сторожъ удобныя для наблюденія въ даль; не оставаться въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ во время дня и ночи; открывъ непріятеля, сторожевой караулъ не медля даетъ извѣстіе о семъ въ ближайшій городъ, а самъ остается и обязанъ не только высмотрѣть силы и направленіе движенія непріятеля, но даже узнать, что есть въ тылу у него, и сообщить о томъ, прежде чѣмъ непріятель достигнетъ линіи, въ ближайшій городъ и сосѣднимъ сторожевымъ карауламъ. Сторожа, которые, не дождавшись смѣны, самовольно оставляли свои посты, подвергались смертной казни, если въ это время „учинилась бы“ война на Украинѣ. Сторожа за опозданіе смѣны своихъ товарищей должны были платить, въ пользу этихъ послѣднихъ, штрафъ по полуполтинѣ въ день на человѣка. Если дозоры

замѣтятъ, что сторожа стоятъ небрежно и невнимательно и до урочищъ не доѣзжаютъ, то таковыя наказывались кнутомъ. Лошадей предписывалось имѣть крѣпкихъ и быстрыхъ.

Сторожевыя караулы выставлялись весною и лѣтомъ на 6 недѣль, а осенью на мѣсяць, оставались на службѣ въ полѣ до выпаденія снѣговъ. Для повѣрки бдительности и осмотра впереди лежащей мѣстности посылались изъ городовъ особыя отряды станичниковъ съ ихъ головами.

Это устройство сторожевой пограничной службы на опытѣ показало свою полезную сторону. Въ 1571 году Девлетъ-Гирей сдѣлалъ набѣгъ, но въ Молодинскомъ бою на берегахъ Оки былъ разбитъ; наши успѣли собрать свои силы, сдѣлать окопы и принять битву тамъ, гдѣ было выгодно. Самъ Гирей въ грамотѣ Іоанну IV, 23-го августа 1571 года, съ похвалою отзывается о бдительности новыхъ сторожей на украинской сторонѣ.

Впослѣдствіи уставъ былъ дополненъ; опредѣлено было, на примѣръ, чтобы разъѣзды, встрѣчаясь на извѣстныхъ урочищахъ, мѣнялись выданными имъ знаками, дабы начальники могли изъ того видѣть, что они доѣзжаютъ до опредѣленныхъ имъ урочищъ.

Въ 1574 году начальникомъ надъ сторожевой и

станичной службой назначенъ былъ бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, близкій родственникъ царя. При немъ порядокъ отправления этой службы остался прежній, а служилые чины получили прибавку помѣстьями и окладами и денежнымъ жалованьемъ.

Пограничныя укрѣпленія и сторожевые разъѣзды подвигались впередъ *), и съ теченіемъ времени дѣлались перемѣны въ расположеніи сторожей и въ направленіи разъѣздовъ.

Въ царствованіе Θεодора Іоанновича, въ 1586 году, линія украинскихъ городовъ была выдвинута въ степь до рѣки Быстрой Сосны и устья р. Воронежя, когда построены были Ливны и Воронежъ и учреждено по нѣскольку сторожей отъ каждаго изъ нихъ.

Около этого времени въ украинскую сторожевую службу Московскаго государства начали поступать черкасы, или малороссійскіе казаки, селившіеся вначалѣ въ Путивльскомъ уѣздѣ и получавшіе за сторожевую и станичную службу помѣстья и жалованье наравнѣ съ коренными служилыми людъ-

---

*) Въ 1575 году въ укрѣпленную линію вошли: Брянскъ, Почепъ, Стародубъ, Новосиль, Болховъ, Одоевъ, Шлова, Веневъ, Серпейскъ, Калуга, Мокшанскъ и Осколь; нѣкоторые изъ нихъ построены вновь, а другіе укрѣплены и болѣе приспособлены къ сторожевой службѣ.

ми Московскаго государства. Затѣмъ были построены украинскіе города: Елецъ (около 1592 года) на Быстрой Соснѣ, Кромы (въ 1595 г.) и Бѣлгородъ (въ концѣ царствованія Θεодора Іоанновича).

Въ это же царствованіе по Волгѣ отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и даже до Терека является особая линія сторожевыхъ разѣздовъ отъ волжскихъ и яцкихъ казаковъ, зависѣвшихъ отъ своихъ атамановъ. Пограничнымъ воеводамъ они не подчинялись, и русскіе пограничные города служили для нихъ только пунктами для доставленія вѣстей о движеніяхъ непріятеля и для приведенія плѣнныхъ. За разѣздную службу они получали жалованье, выдававшееся деньгами, сукнами, свиномъ, ямчугою (селитрою) и даже виномъ; если же они присоединялись къ московскому войску для похода, то получали на все время этой службы кормъ на людей и лошадей, а иногда и деньги.

4. Внутреннее устройство войскъ.—Управленіе войскомъ въ мирное и военное время.—Содержаніе войска.—Жалованье и продовольствіе.—Награды за службу.

Высшими военными учрежденіями въ Россіи въ разсматриваемую эпоху были приказы: *Розрядный*, *Стрѣлецкій* и *Пушечный*.

Розрядный приказъ былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ для всего русскаго войска. Онъ объявлялъ царскія повелѣнiя о назначенiи разныхъ лицъ къ должностямъ службы военной и гражданской, о наградахъ за службу и объ отставкѣ изъ оной; въ немъ распредѣлялись жалованье служилымъ людямъ, помѣстные оклады и назначенiя на службу ратныхъ людей. Въ *Розрядъ* же велись особыя книги службы городовъ и отдѣльныхъ лицъ, а также—сторожевой, пограничной; на обязанности его лежало составленiе соображенiя о численности войска для предстоящаго похода.

Стрѣльцкiй приказъ имѣлъ въ свосмъ вѣдѣнiи стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, а *Пушечному* *) приказу былъ подчиненъ весь личный и матеріальный составъ *наряда*; кромѣ того онъ вѣдалъ городское дѣло, постройку укрѣпленiй и засѣкъ, *городовыхъ мастеровъ* и колодезныхъ,—другими словами, совмѣщалъ въ себѣ, по-нынѣшнему, инженерное управленiе.

Кромѣ того была *Казанская изба* (переименованная потомъ *Дворцомъ* и наконецъ *Приказомъ*), вѣдавшая гражданское и военное управленiе Казанскаго царства, а съ 1599 года и Сибири.

*) Съ 1627 года сталъ писаться *Пушкарскимъ*.

По окончаніи похода, всѣ дворяне, дѣти боярскія, даточные люди, новокрещены, мурзы и князья разѣзжались по своимъ помѣстьямъ и вотчинамъ, до новаго похода переставали быть воинами и наравнѣ съ прочими жителями поступали въ вѣдѣніе областныхъ начальниковъ, причемъ только были на счету у Розряднаго приказа, который вѣдалъ учетомъ и распорядкомъ ихъ службы. Только стрѣльцы, казаки и пушкарѣ во время мира вѣдались своими военными учрежденіями и зависѣли (въ городахъ) какъ отъ намѣстниковъ и воеводъ, такъ и отъ своихъ *10.1068.*

Съ наступленіемъ войны управленіе русскимъ войскомъ принимало совершенно иной видъ. Воинъ, надѣвши оружіе, прекращалъ всѣ свои гражданскія отношенія и вполне поступалъ въ распоряженіе данныхъ ему военныхъ начальниковъ. Съ объявленіемъ о походѣ назначались государемъ полковые *воеводы*. *Большой воевода* (главнокомандующій) выбирался изъ бояръ наиболѣе знатныхъ родомъ. Къ нему придавали *товарища* (иногда двухъ или трехъ). Послѣдній выбирался изъ лицъ менѣе знатныхъ, но болѣе опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ. Придача его должна была парализовать недостатки мѣстничества, когда главнымъ воеводой приходилось назначать не достойнѣйшаго, а болѣе знатнаго родомъ; въ этомъ

случаѣ, обыкновенно второй воевода и распоряжался всѣмъ именемъ главнаго. Упомянутые воеводы были при большомъ полку; въ остальныхъ полкахъ (правой и лѣвой руки, передовомъ и сторожевомъ) были также по два или по три воеводъ. Товарищи воеводъ должны были по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю дѣлать смотръ и ученье своимъ полкамъ, а также судить ратныхъ людей за всѣ проступки и безпорядки, произведенные въ лагерѣ. Въ числѣ полковыхъ воеводъ были также начальствовавшіе: ертоуломъ, нарядомъ (артиллеріей) или *воевода у наряда* и гуляй-городомъ — *гулявый* или *гуляинъ*. Къ обязанности послѣдняго относились, между прочимъ, выборъ мѣста для гуляй-города и постановка его въ зависимость отъ выбранной позиціи; въ его же распоряженіи находилось до 1.000 отборныхъ всадниковъ для разъѣздовъ *).

Всѣ полковые воеводы назначались, по прежнему, по извѣстному родословному старшинству ихъ и считались *мѣстами*. Этотъ обычай, вредный для воинскаго порядка и благоустройства, для дѣйствій и успѣховъ войскъ, особенно усилился при Іоаннѣ IV, несмотря на строгія мѣры для обузданія его, и былъ причиной частыхъ ссоръ, распрей и тяжбъ

---

*) Флетчеръ: „О Русскомъ государствѣ“.

между воеводами, безпорядковъ отъ того въ войскѣ и неудачъ въ военныхъ дѣйствіяхъ (напримѣръ — въ ливонскихъ походахъ). Только присутствіе въ войскѣ самого Іоанна прекращало между воеводами всѣ споры *за мѣста* и тѣмъ устраняло одну изъ главныхъ причинъ военныхъ неудачъ; въ важныхъ случаяхъ государь приказывалъ быть „безъ мѣсть“, а иногда и, вѣроятно, не разъ посылалъ изъ Москвы довѣренныхъ лицъ для прекращенія мѣстническихъ споровъ и восстановленія порядка въ войскѣ.

Назначеніе воеводъ въ полки и къ *наряду*, а равно и дьяковъ въ войсковое управленіе объявлялось *Розрядомъ* указомъ, въ которомъ прописывалось также, „*какому городу* (т. е. дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ) *у котораго воеводы по списку писаться*“ по прибытіи на общій сборный пунктъ *). Въ каждой отдѣльной рати было особое управленіе, состоявшее изъ дьяковъ, подъячихъ, судей и пр.; оно носило названіе *Розряда* и завѣдывало административною и судебною частью войска.

Кромѣ полковыхъ, были воеводы городовые; они имѣли власть военную и гражданскую и раздѣля-

---

*) См. „Древ. Рос. Вивліяф“, часть XIV, стр. 324—328. *Розрядъ* 1577 года.

лись на нѣсколько степеней: *полевые и осадные, осадные и городовые*; первые начальствовали какъ гарнизопами, такъ и полевыми войсками, вторые—одною какою-либо крѣпостью и ея гарнизономъ, а послѣдніе—второстепенными и малыми городами и находившимися въ нихъ войсками.

Кромѣ воеводъ, въ каждомъ полку были *головы* или частные военачальники, занимавшіе вторыя мѣста послѣ воеводъ; затѣмъ существовали: *обозный*, или *голова у обоза*, завѣдывавшій войсковыми тяжестями и обозами, и *голова у наряда* (вѣроятно, въ полкахъ). Затѣмъ слѣдовали низшіе начальники: *сотники, пятидесятники и десятники*.

Начало содержанію войска па жалованьѣ положилъ Іоаннъ IV. Онъ постановилъ, какъ мы видѣли уже, всѣмъ чинамъ войска производить во время похода опредѣленное денежное жалованье; стрѣльцы и городовые казаки получали по полтинѣ денегъ въ годъ, а пушкарѣ, воротники, плотники и кузнецы по рублю въ годъ, всѣ — сверхъ хлѣбнаго довольствія. Установленъ былъ также при немъ особый окладъ помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ за сторожевую пограничную службу, а въ 1594 году былъ изданъ указъ о жалованьѣ за убытки на сторожевой пограничной службѣ; указомъ этимъ всѣ вознагражденія были опредѣлены болѣе точно, не-

жели прежде. При Феодорѣ Иоанновичѣ войско получало уже ежегодные противъ прежнихъ болѣе значительные оклады жалованья: дворяне *большіе* получали отъ 70 до 100 рублей *) въ годъ, *средніе*— отъ 40 до 60 рублей и дѣти боярскія— отъ 20 до 30 руб. Половина этого жалованья выдавалась имъ въ Москвѣ, а другую половину они получали въ полѣ отъ главнаго воеводы, если участвовали въ походѣ. Сумма всего выдававшася въ годъ жалованья на царскій полкъ простиралась до 55.000 рублей. На конное войско (около 65 тыс.), собиравшееся ежегодно на берегахъ Оки, выдавалось около 40.000 рублей. Стрѣльцы получали жалованья по 7 руб. въ годъ и, кромѣ того, по 12 мѣръ ржи и столько же овса.

Почти все войско попрежнему служило на собственномъ продовольствіи. Одни стрѣльцы получали изъ казны опредѣленное количество зерноваго хлѣба, овса и т. под. Служилымъ татарамъ и казакамъ давалось на конскій кормъ по двѣ деньги на лошадь въ день. Обыкновеннымъ походнымъ продовольствіемъ попрежнему были: у простыхъ и у бѣднѣйшихъ ратниковъ толокно и сухари, а у до-

---

*) Тогдашній рубль составлялъ около 4 нынѣшнихъ металлическихъ.

статочныхъ—сушенныя, соленныя или копченныя мясо или рыба. Продовольственные припасы пополнялись въ походѣ покупкою; если же войскамъ случалось оставаться на мѣстѣ въ теченіе значительнаго промежутка времени, какъ, напримѣръ, при продолжительныхъ осадахъ, то войска продовольствовались при посредствѣ фуражировки, для производства которой высылались отряды, называвшіеся *кормовщиками*. Иногда, для обезпеченія довольствія войскъ во время войны, хлѣбныя запасы заблаговременно свозились въ опредѣленные города, какъ это было, напримѣръ, во время ливонскихъ походовъ; доставлять эти запасы было обязанностью посаженныхъ людей; запасы доставлялись въ города также по подряду. Иногда приказывалось готовить по всему пути движенія войскъ людскіе и конскіе кормы, „чтобъ ратнымъ людямъ безъ корму не быть, а крестьянству по дорогѣ насилій и грабежа кормоваго не было“. Іоаннъ строго взыскивалъ съ воеводъ, которые позволяли своимъ ратнымъ людямъ въ походѣ черезъ русскія земли брать что-либо насильно.

Въ награду отличныхъ подвиговъ государь, какъ и прежде, жаловалъ своихъ воеводъ помѣстьями, золотыми (венгерскими, португальскими и пр.), почетными доспѣхами и одеждою, золотыми цѣпями, военными и придворными званіями. Высшею сте-

пенью паградъ для военачальника было наименованіе—*слуги царскаго*; за время царствованія Іоанна IV и Θεодора Іоанновича только двое изъ бояръ получили это званіе: князь Михаилъ Ивановичъ Воротыцскій и Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ.

5. Состояніе военно-инженернаго искусства.—Система обороны государства при посредствѣ укрѣпленныхъ городов.—Распредѣленіе послѣднихъ по границамъ и внутри государства. — Оборонительныя ограды укрѣпленныхъ городов. — Военные строители. — Полевое инженерное искусство.

Мы видѣли, что еще въ періодъ до-Монгольскій Русь имѣла болѣе 300 укрѣпленныхъ городов *); число ихъ затѣмъ постепенно возрастаетъ и притомъ безъ всякой, повидимому, связи относительно общей обороны Россіи. До половины XV столѣтія укрѣпленіе городовъ обусловливалось какъ необходимою данью имъ защиту отъ внѣшняго врага, такъ и междуусобными распрями великихъ и удѣльныхъ князей, непрерывно продолжавшимися отъ начала образованія Русскаго государства до введенія въ немъ единодержавія и сопровождавшимися грабежами и разореніями. Уже съ XIV вѣка вну-

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ I, стр. 126.

тренняя и внѣшняя оборона государства укрѣпленіями была значительно противъ прежняго усилена и усовершенствована. Многіе изъ большихъ и важпѣйшихъ внутреннихъ городовъ были укрѣплены вновь, укрѣпленія другихъ возобновлены и улучшены, а равно построены новые укрѣпленные города, особенно на восточныхъ и южныхъ границахъ. Съ соединеніемъ раздробленныхъ частей Руси, съ уничтоженіемъ внутреннихъ домашнихъ распрей, при оборонѣ ея можно было имѣть въ виду однихъ внѣшнихъ враговъ; съ этого времени и, въ особенности, съ уничтоженіемъ татарскаго ига опредѣлилась относительная важность каждой части границъ государства и та степень опасности, которой подвергались онѣ отъ нападений сосѣдей, весьма различавшихся по ихъ гражданскому и военному образованію и политическимъ ихъ видамъ. Дѣйствительно, принимавшіяся съ того времени для обороны границъ средства, по силѣ и характеру ихъ, вполне соответствовали военному образованію сосѣднихъ народовъ, которымъ они были противопоставлены: такъ, по западной границѣ встрѣчается наибольшее число городовъ съ каменными оградами; на южной границѣ отличительный характеръ обороны состоялъ въ расположеніи множества укрѣпленныхъ городовъ малыхъ размѣровъ,

въ совокупности съ сторожевыми линиями; восточная граница имѣла для обороны меньшее число укрѣпленныхъ пунктовъ, чѣмъ южная, и не столь сильнаго расположенія, какъ западная; наконецъ, сѣверная граница была укрѣплена слабѣ прочихъ.

Изъ значительнаго числа укрѣпленныхъ пунктовъ въ XVI столѣтіи весьма немногіе имѣли каменные ограды или каменные кремли, а именно: *на западной границѣ*—Новгородъ (каменный кремль), Псковъ, Порховъ, Островъ, Ладога, Изборскъ, Гдовъ, Орѣшекъ, Иванъ-Городъ, Ямы, Смоленскъ и Можайскъ, *на южной сторонѣ*—Тула (кремль), Серпуховъ, Зарайскъ (кремль) и Коломна; *на восточной границѣ*—Нижній - Новгородъ (кремль), Казань (кремль) и Астрахань (1589 г.); *въ срединѣ Россіи*—Москва. Всѣ остальные укрѣпленные города имѣли земляныя или деревянныя ограды.

Укрѣпленные города на южной и юго-восточной границѣ, вообще необширные и обнесенные деревянными оградами, весьма опасными для обороны въ случаѣ поджога ихъ, не могли, конечно, противупоставить сильнаго отпора непріятелю, если бы послѣдній, пользуясь своею многочисленностью и нѣкоторымъ умѣньемъ вести осаду, атаковалъ ихъ надлежащимъ образомъ. Но этой опасности для нихъ какъ бы не существовало; непріятель боль-

шею частью оставляя ихъ у себя въ тылу и устремлялся къ Москвѣ, овладѣніе которою было постоянною цѣлью его предпріятій. Первую преграду на этомъ пути представляла р. Ока, по берегамъ которой располагались обыкновенно войска для воспрепятствованія переправы непріятели; здѣсь, или подъ стѣнами столицы, проходилъ главный бой между русскими ратями и татарскими полчищами. Тѣмъ же путемъ непріятель безпрепятственно удалялся изъ предѣловъ Россіи. Такимъ образомъ, пограничные укрѣпленные города не оказывали здѣсь никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій; они не могли ни остановить непріятели при его наступленіи, ни преградить ему отступленія, и вся польза отъ нихъ состояла только въ доставленіи личнаго обезпеченія укрывавшимся подъ защиту стѣнъ ихъ жителямъ окрестныхъ мѣстъ.

При Іоаннѣ IV оборонительная линія на р. Окѣ была усилена: Серпуховъ былъ окруженъ каменною оградю вмѣсто деревянной; вновь сооружены были ограды (деревянные): Михайлова, Пронска, Шацка и другихъ городовъ, и проведена засѣчная линія, извѣстная подъ общимъ названіемъ *Тумской засѣчки*; она окопчена была при Θεодорѣ Іоанновичѣ. Линія эта, проходя черезъ городъ Тулу, тяну-

лась на протяженіи 125 верстъ и упиралась окончательно въ гг. Одоевъ и Веневъ.

Несмотря на эти послѣднія сооруженія, южная граница государства въ XVI столѣтіи попрежнему представляла мало обезпеченія противъ внезапныхъ вторженій непріятели; кромѣ того, средства обороны, служившія къ охраненію средины Россіи, находились въ весьма близкомъ разстояніи отъ столицы, что было крайне опасно для нея и губительно для цѣлаго края государства, потому что все пространство, которое проходилъ непріятель, разорвалось имъ на значительное протяженіе въ ширину. Это обстоятельство и побудило, вѣроятно, правительство перенести систему обороны на южной границѣ по возможности далѣе на югъ. Эта система ясно обозначилась при царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ, когда линія укрѣпленныхъ городовъ значительно выдвинулась впередъ черезъ построеніе городовъ: Ельца, Кромъ, Ливенъ, Воронежъ и другихъ; вмѣстѣ съ построеніемъ города Кромъ (1594 г.), были сдѣланы засѣки и въ другихъ крайнихъ мѣстахъ.

Важность обороны западной границы Россіи, по возстановленіи въ ней единой державы, возростала вмѣстѣ съ ея могуществомъ. Этою стороною соприкасалась она съ Европою, откуда только и мола

заимствовать все, что было необходимо для ея образованія; но, съ той же стороны, у нея были самыя непріязненные и наиболѣе опасныя для нея сосѣди; поэтому то здѣсь и находилось большее число лучше укрѣпленныхъ городовъ*), между которыми Псковъ и Смоленскъ были замѣчательны по своей обширности и сильному расположенію оборонительныхъ оградъ.

Укрѣпленія Пскова были весьма сильны по тому времени и съ успѣхомъ выдержали въ 1581 году осаду Стефана Баторія. Покореніе Смоленска (1514 г.) значительно увеличило оборонительную силу западной границы и затруднило для непріятеля доступъ къ столицѣ Россіи. До 1596 года онъ имѣлъ деревянную ограду, а въ этомъ году приступлено было къ укрѣпленію его каменною оградю.

Заложеніе этой важной крѣпости состоялось въ присутствіи правителя государства Бориса Годунова, который, по возвращеніи въ Москву, какъ говорятъ, сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи*; „но въ семь ожерельѣ—возразилъ ему князь Трубецкой — могутъ завестися насѣкомыя, коихъ мы не скоро выживемъ“. *Слово досто-*

---

*) Впрочемъ, между ними были и съ земляными оградами, какъ напримѣръ: Себежъ, Велижъ, Почепъ и Стародубъ (земляная ограда была возведена вмѣсто сгорѣвшей деревянной).

памятное! говоритъ лѣтописецъ; оно *сбылось: ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы* *). Строеіе крѣпости окончилось въ слѣдующее царствованіе, въ 1660 году.

На восточной границѣ при Іоаннѣ IV построенны были Свіяжскъ, Чебоксары и другіе, а равно—возобновлены и улучшены укрѣпленія Казани. На сѣверѣ Россіи возвели въ 1584 году деревянный острогъ въ Архангельскѣ, какъ въ пунктѣ важномъ въ торговомъ отношеніи, укрѣпили Вологду деревянными стѣнами и въ 1565 году начаты были работы по возведенію вокругъ нея каменной стѣны, вскорѣ, однако, прекращенныя.

Наконецъ, опорными пунктами въ Сибири въ царствованіе Іоанна Грознаго и Θεодора Іоанновича были: Тюмень, Тобольскъ и Березовъ; оборонительная ограда первыхъ двухъ состояла изъ деревянной рубленой стѣны съ башнями, а укрѣпленіе третьяго составлялъ острогъ, помѣщенный на земляномъ валу.

Укрѣпленія столицы государства—Москвы постепенно усиливались. Въ 1485 году Іоаннъ III перестроилъ и распространилъ кремль, при посредствѣ итальянскихъ зодчихъ Антона Фредциви и Марко.

---

*) Карамзин: „Ист. Гос. Рос.“, т. X, стр. 211.

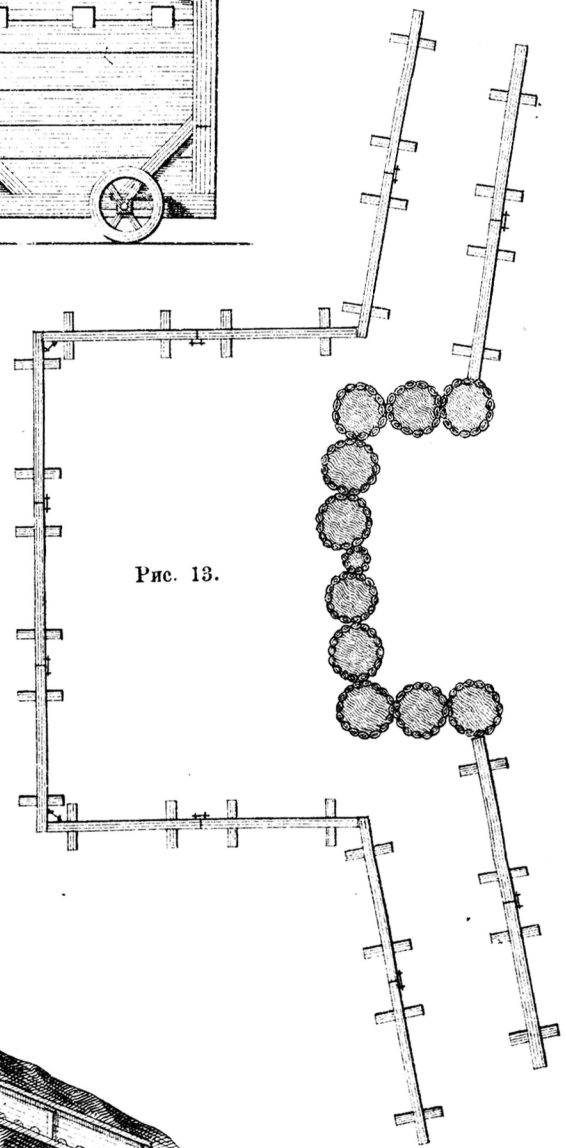
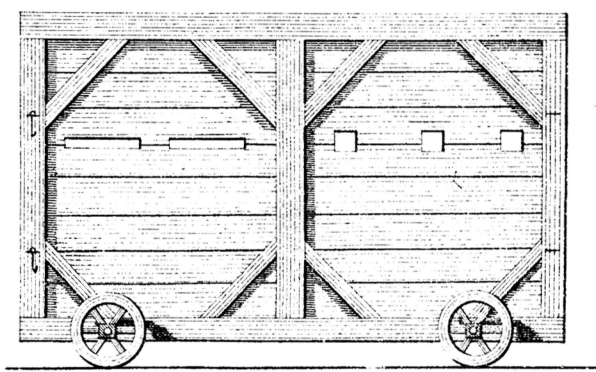
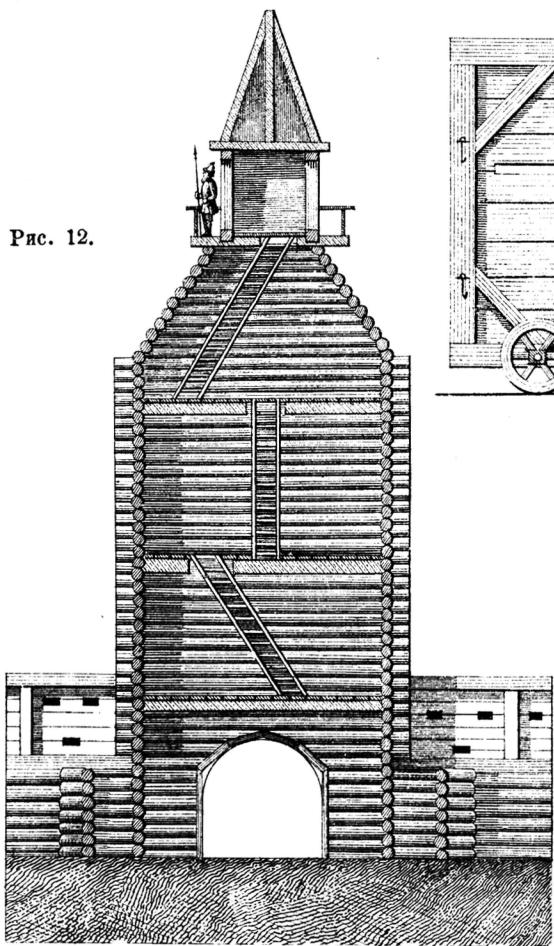
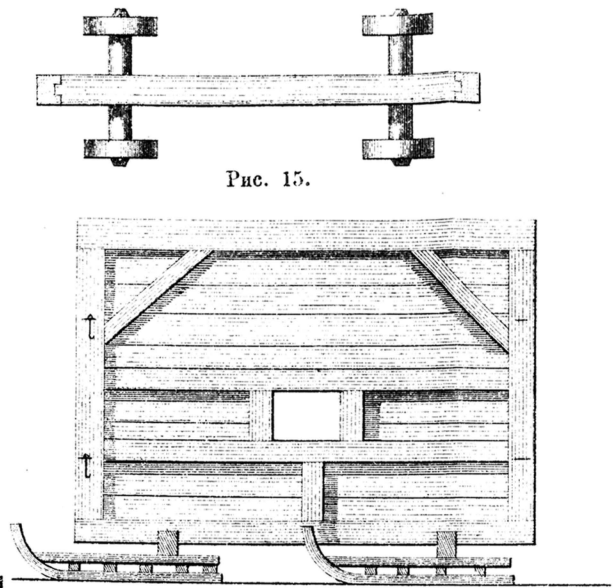
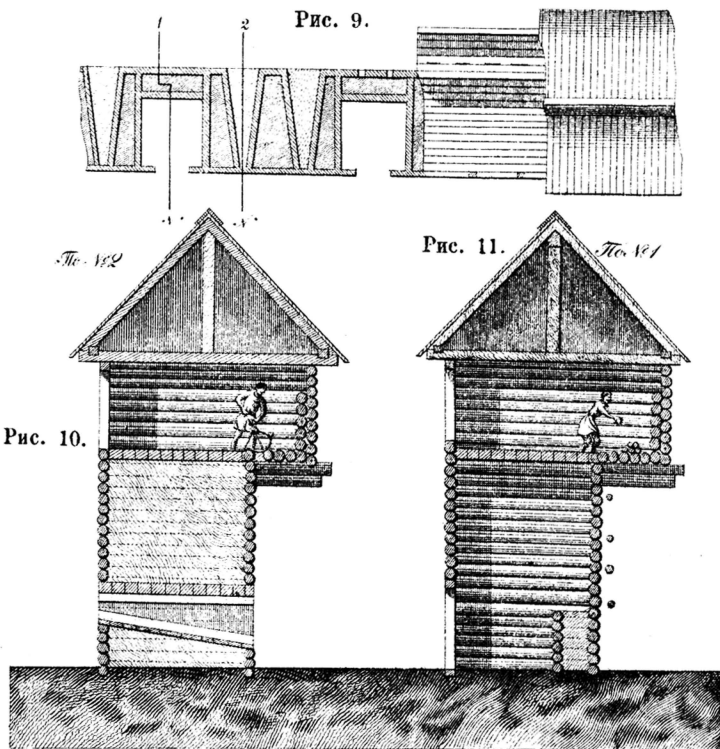
Стѣны кремля образовали въ планѣ неправильный пятиугольникъ, окруженный съ трехъ сторонъ водами р. Москвы и рѣчки Неглинной; высота ихъ измѣнялась отъ 33 до 54 футовъ, а толщина—отъ 11 до 15 фут.; вершина стѣны была прикрыта зубчатымъ парапетомъ. По окружности ограды находилось 17 башенъ, изъ нихъ шесть: Тайницкая, Копстантино - Еленская, Флоровская, Никольская, Курятная и Боровицкая—были проѣзжія и отличались отъ прочихъ высотой и большимъ внутреннимъ просторомъ. Тайницкая башня, обращенная къ р. Москвѣ, заключала колодезь или *тайникъ* *), который, наполняясь водою изъ р. Москвы, снабжалъ ею во время осады всѣхъ жителей. Башни назначались для помѣщенія орудій; со стѣнъ производилась стрѣльба изъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія.

Впослѣдствіи времени увеличившееся число жителей столицы, тѣснота кремля и важность лежавшаго передъ нимъ посада, въ которомъ, кромѣ хра-

---

*) Тайникомъ называлось встарину то мѣсто на берегу рѣки, скрытое по возможности для противоположнаго берега, откуда жители и гарнизонъ осаждаемаго города добывали воду для ежедневнаго употребленія. Къ этому мѣсту проводилось внутри города крытое сообщеніе, состоявшее изъ подземной галереи, дно которой шло, смотря по высотѣ и крутизнѣ берега, скатомъ или ступенями (рис. 7 и 8).

Противная башня г. Красноярска.

Рис. 8.

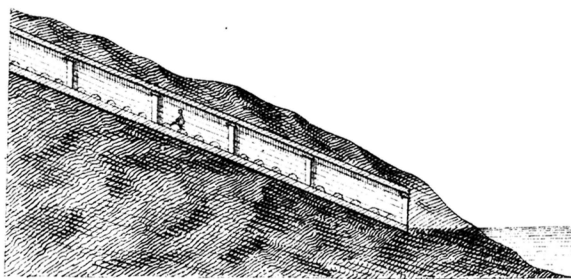

Рис. 7.

мовъ и домовъ знатныхъ гражданъ, находились всѣ купеческія лавки и торговые рынки, побудили великую княгиню Елену обнести его каменною оградю. Работы, начатыя въ 1534 году, были окончены въ 1538, и такимъ образомъ возникъ *Китай-Городъ*. Эта ограда, касаясь кремлевской башни, у Москвы рѣки, окружала посадъ и примыкала у рѣчки Неглинной снова къ кремлю, близъ Никольскихъ воротъ. Стѣны Китай-Города, хотя и менѣе значительныя по высотѣ, чѣмъ кремлевскія, но лучше приспособленныя къ пушечной и ружейной оборонѣ, имѣли 12 башенъ, изъ которыхъ 4 были проѣзжія, а именно: 1) Срѣтенская, впоследствии — Никольская; 2) Троицкая, послѣ — Ильинская; 3) Всесвятская или Варварская и 4) Козмодемьянская. Строителемъ ограды былъ принявшій православіе итальянецъ Петрокъ Малый.

При царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ часть Москвы, лежавшая передъ Китай-Городомъ и называвшаяся въ то время Загородьемъ, была окружена каменною оградю, помѣщенною на земляномъ валу, и получила названіе *Бѣлаго-Города*. Ограда состояла изъ каменной стѣны съ башнями, изъ которыхъ 9 были проѣзжія. При этомъ же государѣ была возведена (159½ гг.) новая земляная ограда, охранявшая части города, находившіяся за стѣною Бѣ-

лаго-Города, а также лежавшія на правомъ берегу р. Москвы на протяженіи Кремля, Китай-и Бѣлаго-Городовъ. На вершинѣ вала помѣщался острогъ, оборонявшійся 36 проѣзжими башнями, изъ которыхъ двѣ были каменные. Эта ограда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и часть Москвы, въ ней заключавшаяся, получила названіе Землянаго-Города.

Въ заключеніе обзора укрѣпленныхъ городовъ Московскаго государства въ XVI столѣтіи замѣтимъ, что укрѣпленія всѣхъ важныхъ городовъ, по свидѣтельству Флетчера, вооружены были орудіями и имѣли гарнизонъ отъ 2 до 3 тысячъ человекъ; на случай войны ихъ заранѣе снабжали продовольствіемъ на 2 или на 3 года впередъ.

Что касается самаго способа укрѣпленія русскихъ городовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, то онъ былъ подобенъ существовавшему въ Западной Европѣ въ XIV и XV вѣкахъ. Усовершенствованія же въ укрѣпленіяхъ городовъ Западной Европы въ XVI вѣкѣ въ Русскомъ государствѣ въ это время еще не были вводимы.

Оборонительныя ограды, употреблявшіяся въ Россіи до XVIII столѣтія, могутъ быть раздѣлены на 3 главные вида: земляныя, деревянныя и каменныя.

Земляныя ограды, не требовавшія большаго искус-

ства при сооруженіи, принадлежали къ наиболѣе древнимъ, но употреблялись еще и въ XVI вѣкѣ. При сооруженіи этихъ оградъ, главныя достоинства ихъ заключались въ значительной высотѣ насыпи и глубинѣ рвовъ и трудно доступной крутизнѣ тѣхъ покатостей, по которымъ атакующему слѣдовало спускаться и взбираться во время приступа.

Земляная ограда, весьма значительной высоты, усиливалась иногда непрерывнымъ тыномъ, или на вершинѣ же вала, но меньшаго по высотѣ сравнительно съ первымъ, ставилась деревянная рубленая стѣна. Такимъ образомъ получались сложныя земляныя ограды. Сообщение съ полемъ въ земляныхъ оградахъ съ деревянною стѣною производилось вездѣ черезъ *протъжгія башни*, которыя, простираясь отъ мѣстнаго горизонта до вершины деревянныхъ стѣнъ (иногда выше ихъ), были огромнѣйшей высоты. Подобную укрѣпленную ограду имѣлъ, на примѣръ, городъ Заволочье на р. Великой. Иногда башни располагали впереди земляной ограды, во рву, для доставленія послѣднему фланговой обороны. Сообщение внутренней площади съ вершиною землянаго вала производилось по деревяннымъ или вырѣзаннымъ во внутренней отлогости вала лѣстницамъ.

Начало употребленія *деревянныхъ оградъ* относятъ

къ половинѣ IX столѣтія. Старинныя сказанія не оставили намъ положительныхъ свѣдѣній о частномъ расположеніи древнѣйшихъ деревянныхъ оградъ извѣстно только, что стѣны *рубилась тарасами*.

Основываясь на томъ, что деревянные жилища славянъ въ IX столѣтіи состояли изъ вѣнчатыхъ срубовъ, можно съ достовѣрностью заключить, что и деревянные ограды сначала устраивались также изъ срубовъ или, по-тогдашнему, *городней*, поставленныхъ одинъ возлѣ другаго. Въ позднѣйшее время также встрѣчаются въ лѣтописяхъ указанія на деревянные ограды, составленныя изъ городней. Стѣны подобнаго устройства имѣли важный недостатокъ: мѣста соединенія срубовъ подвергались наибольшему гніенію отъ дождя и снѣга и представляли по этому слабыя части ограды; срубы съ теченіемъ времени имѣли не одинаковую осадку, что вредило прочности всей ограды и затрудняло самыя дѣйствія обороны.

Стѣны, *рубленыя тарасами*, не имѣли этихъ недостатковъ. Онѣ состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно между собою на толщину ограды и соединенныхъ другими поперечными стѣнами; участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно *тарасу*. Наружная стѣна ограды не до-

стигала дна во рву, но, подобно внутренней, доходила до мѣстнаго горизонта или до вершины вала, гдѣ располагалась ограда, чтобы тѣмъ затруднить атакующему возможность зажечь стѣну.

Въ половинѣ XVI столѣтія впервые является мысль, при сооруженіи деревянныхъ оградъ, дать впереди лежащей мѣстности оборону огнемъ въ нѣсколько ярусовъ *). Эти же условія при сооруженіи деревянныхъ оградъ встрѣчаются и въ позднѣйшихъ грамотахъ и наказахъ. Очевидно, что такія требованія обороны не могли не имѣть вліянія на частныя измѣненія прежнихъ стѣнъ, рубленыхъ тарасами и наполненныхъ землею; ихъ начали замѣнять полыми, или пустыми оградами. Для образованія, напримѣръ, *подошвенныхъ боевъ* въ деревянныхъ стѣнахъ съ тарасами, надлежало нѣкоторыя изъ клѣтокъ стѣны, на высоту 10—12 ф. отъ подошвы, оставить пустыми, образуя потолокъ изъ сплошнаго накатника (см. рис. 9, 10 и 11).

Иногда деревянные ограды имѣли выступы въ

---

*) Въ наказной памяти 1563 года, данной воеводамъ, назначеннымъ въ новозавоеванный Полоцкъ, между прочимъ указывалось: „...которое мѣсто выорыло и то мѣсто велѣти задѣлати накрѣпко, стѣны въ три или четыре, како будетъ пригоже и землю насыпати и подошвенные бои и башни подѣлати“.

видѣ балконовъ, въ полу которыхъ были продѣланы навѣсныя стрѣльницы (см. рис. 10 и 11).

Деревянные ограды большею частью покрывались крышею, которая была одно- или двускатною.

Для всхода на вершину стѣны употреблялись лѣстницы, прилегавшія къ внутренней сторонѣ ограды. Но сообщеніе можно было имѣть и черезъ башню.

Деревянные ограды всегда усиливались башнями (*стрѣльницами*), служившими къ виѣшней и внутренней ихъ оборонѣ. Башни „рубилась въ четыре стѣны“, но были и многоугольныя; число закрытыхъ этажей въ башнѣ, назначавшихся для обороны, доходило до трехъ. Такъ-называемыя подзорныя башни, служившія, кромѣ обороны, еще и для наблюдений за отдаленной окрестною мѣстностью, получали бѣольшую высоту и вершина ихъ оканчивалась караульною или *вышкою* (см. рис. 12). Въ стѣнахъ башенъ дѣлались отверстія, имѣвшія названіе *окона* и *бойницъ*, для стрѣльбы ружейной или пушечной. Сообщеніе деревяннаго города съ полемъ производилось всегда чрезъ башни; наружныя и внутреннія ворота помѣщались большею частію въ противуположныхъ стѣнахъ башни; отъ этого и самый проходъ имѣлъ прямое направленіе. Внутренность прохода преграждалась иногда рѣшетками.

Въ числѣ древнихъ укрѣпленныхъ пунктовъ упоминаются *остроги*. Острожная ограда состояла изъ тына, вкопаннаго въ землю и заостреннаго сверху. Ограда эта помѣщалась или на мѣстномъ горизонтѣ, или на вершинѣ небольшого землянаго вала, называвшагося *острожною насыпью* или *острожнымъ валомъ*. Оборона изъ-за острога производилась или поверхъ тына *), или чрезъ бойницы, сдѣланныя въ тынѣ.

Всѣ, вообще, деревянныя ограды нерѣдко усиливались искусственными препятствіями: *тыномъ*, *надолбами* (обрубки дерева, стоймя вкопанные въ 1—2—3 ряда), *частоколомъ* и пр.,—которые располагали большею частью на днѣ рва.

Каменные оборонительныя ограды явились въ Россіи въ половинѣ XI столѣтія. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ: ограда Кіева, заложена Ярославомъ въ 1037 г., и каменный дѣтинецъ Новгорода, начатый въ 1044 году.

Общее расположеніе каменныхъ оградъ въ планѣ сохранило до XVIII столѣтія свой опредѣленный характеръ: онѣ состояли изъ стѣнъ, расположенныхъ по многоугольнику, съ башнями, помѣщен-

---

*) Такъ же, какъ и оборона изъ-за деревяннаго бруствера, поставленнаго на вершинѣ деревянной ограды, т. е. съ подмостковъ.

выми въ исходящихъ углахъ и на протяженіи удлиненныхъ сторонъ; стороны—болѣе доступныя, а иногда и всѣ—оказались ровомъ. Высота каменныхъ стѣнъ измѣнялась отъ 3 до 7 саж., при толщинѣ отъ 9 до 20 фут. Со введеніемъ огнестрѣльныхъ орудій, въ толщѣ стѣнъ начали устраивать различныя помѣщенія для орудій и стрѣлковъ, явились въ стѣнахъ *нижніе* или *подошвенные* бои, *средніе* и *верхніе*. Для первыхъ двухъ устраивали углубленія (*печуры*, т. е. пиши); верхній бой находился всегда на вершинѣ, которая прикрывалась съ поля стѣнкой небольшой толщины или зубчатымъ парапетомъ. Здѣсь же устраивались навѣсныя стрѣльницы (*косой бой*). Связаніе съ вершиною стѣны производилось посредствомъ каменныхъ и деревянныхъ лѣстницъ, называвшихся *входами* или *взлазами*.

Башни въ каменныхъ оградахъ по наружному очертанію были: круглыя, полукруглыя, квадратныя, прямо или многоугольныя и неправильнаго вида. Главнымъ назначеніемъ ихъ, кромѣ усиленія обороны лежащей передъ крѣпостью мѣстности ружейнымъ и, въ особенности, пушечнымъ огнемъ, было составлять опорные пункты, которые служили бы основаніемъ для внутренней обороны города въ то время, когда атакующій овладѣвалъ проломомъ, сдѣланнымъ въ стѣнѣ; этимъ и объясняется, почему непріятель при

атакѣ всегда старался, вмѣстѣ съ проломомъ въ стѣнѣ, разрушать и ближайшія къ нему башни, считая овладѣніе послѣдними болѣе вѣрнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Сообщеніе каменныхъ укрѣпленныхъ городовъ съ полемъ производилось также большею частью чрезъ башни по устроенному поперекъ наружнаго рва мосту. Для обороны внутренняго прохода дѣлались иногда въ полу этажа надъ нимъ навѣсныя стрѣльниці, или же служили опускаемыя рѣшетчатые ворота.

Кромѣ этихъ воротъ, для сообщенія съ полемъ устраивались иногда потаенные выходы, называвшіеся *вылазными воротами* или *вылазами* *) и располагавшіеся такъ, чтобы непріятель не могъ замѣтить ихъ съ поля.

Къ числу укрѣпленныхъ пунктовъ относились также нѣсколько окруженныхъ оборонительными оградами монастырей; ограды ихъ хотя и предназначались единственно для охраненія монастырскаго достоянія, однако не разъ оказывали полезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій **) и на обо-

*) Служили собственно для вылазокъ.

**) Въ 1581 году Печерскій монастырь со славою выдержалъ нѣсколько приступовъ отряда Фаренсбаха изъ арміи Стефана Баторія и заставилъ непріятели отступить безъ всякаго успѣха.

рону государства, что въ особенности проявилось въ смутное время для Московскаго государства. Устройство каменныхъ монастырскихъ оградъ имѣло большое сходство съ городскими, отличаясь отъ послѣднихъ лишь нѣсколько меньшими размѣрами.

Обращаясь къ строителямъ оборонительныхъ оградъ городовъ, замѣтимъ, что при деревянныхъ сооруженіяхъ русскіе не нуждались въ иностранныхъ руководителяхъ, такъ какъ техническое искусство наше по этой части вообще находилось на высокой степени совершенства. Вотъ что говоритъ Жанъ-Соважъ Діепскій, бывший въ Россіи въ 1586 году, про оборонительную ограду города Архангельска: „она составляетъ замокъ, сооруженный изъ бревень заостренныхъ и перекрестныхъ; постройка его изъ бревень превосходна; нѣтъ ни гвоздей, ни ключевъ; но все такъ хорошо отдѣлано, что нечего похулить, хотя у строителей русскихъ всѣ орудія состоятъ въ однихъ топорахъ, но не одинъ архитекторъ не сдѣлаетъ лучше, какъ они дѣлаютъ“ *). Первыми строителями каменныхъ сооруженій были итальянцы (Аристотель Фіоравенти,

---

*) *Θ. Ласковскій*: „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“, ч. I.

Марко, Петръ-Антоній, Петрокъ Малый и другіе), прибывшіе въ Россію въ разное время въ царствованіе Іоанна III, Василя Іоанновича и Іоанна IV и нашедшіе у насъ техническую часть этого строительнаго искусства въ большомъ несовершенствѣ. Подъ ихъ руководствомъ образовались потомъ русскіе строители, которые были единственными распорядителями работъ при сооруженіи оборонительныхъ оградъ въ то время, когда сосѣднія державы запрещали чужеземнымъ художникамъ проѣзжать чрезъ свои владѣнія въ Россію. Изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ строителей разсматриваемой эпохи были: дьякъ *Иванъ Выродковъ*, строитель Свіязска (1551 г.) и деревянной рубленной ограды города Галича (1557 г.), руководившій осадными работами при Казани въ 1552 году; *Кононъ Ѳедоровъ*, строитель (1586 г.) Бѣлаго или Царева Города въ Москвѣ и *Ѳеодоръ Соловьевъ, Коня*, бывшій *городовымъ мастеромъ* при сооруженіи (1597 г.) новой ограды г. Смоленска.

Городовые мастера были уже большею частью русскіе строители и находились постоянно въ главныхъ городахъ, откуда ихъ посылали и въ другіе ближайшіе города. О городскихъ мастерахъ упоминается во всѣхъ наказахъ воеводамъ, вновь назначавшимся въ города, а также въ розрядахъ, гдѣ

подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть лицъ, которыхъ наряжали къ *городовому дѣлу* *).

Въ царствованіе Іоанна IV встрѣчается въ лѣтописяхъ новое названіе *размыслъ*, данное нѣмцу, который принималъ дѣятельное участіе въ осадныхъ работахъ подъ Казанью въ 1552 году. Появленіе *нѣмчина размысла* какъ бы положило начало пріѣздамъ въ Россію нѣмецкихъ строителей, постоянно продолжавшимся до конца XVIII столѣтія.

Полевое инженерное искусство въ русскихъ войскахъ въ XVI столѣтіи находилось въ томъ же положеніи, что и въ предыдущіе вѣка. Попрежнему, при занятіи позиціи для обороны, русскіе прибѣгали иногда къ полевымъ окопамъ, имѣвшимъ сомкнутое очертаніе, что удостовѣряетъ отчасти и самое названіе—*городовъ* или *городковъ*, даваемое имъ лѣтописцами; обширность окоповъ зависѣла отъ числа помѣщавшихся въ нихъ войскъ, а фигура могла состоять изъ четырехъ и болѣе сторонъ съ одними исходящими или входящими углами, на подобіе нынѣшнихъ редутовъ.

Въ одно время съ введеніемъ въ употребленіе орудій при оборонѣ полевыхъ окоповъ явился у насъ новый родъ полевыхъ оградъ подъ названіемъ

---

*) „Древ. Рос. Вив.“, ч. XIV. Розряды 1584 и 1585 годовъ.

гуляй-города *). Подробности устройства гуляй-города въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ не сохранились. Англичанинъ Флетчеръ такъ описываетъ его устройство и употребленіе **): „Въ войнѣ оборонительной, или въ случаѣ сильнаго нападенія татаръ на русскую границу, войско сажаютъ въ походную или подвижную крѣпость (называемую вежа, или гуляй-городъ), которая возится при немъ подъ начальствомъ воеводы *гулегаю*. Эта походная или подвижная крѣпость такъ устроена, что, смотря по надобности, можетъ быть растянута въ длину на одну, двѣ, три, четыре, пять, шесть, семь миль, на сколько станеть. Она заключается въ двойной деревянной стѣнѣ, защищающей солдатъ съ обѣихъ сторонъ какъ съ тылу, такъ и спереди, съ пространствомъ около 3 ярдовъ между той и другой стѣной, гдѣ они могутъ не только помѣщаться, но также имѣютъ довольно мѣста, чтобы заряжать свои огнестрѣльные орудія и производить изъ нихъ пальбу, равно какъ и дѣйствовать всякимъ другимъ оружіемъ. Стѣны крѣпости смыкаются на обѣихъ концахъ и снабжены съ каждой стороны отверстіями, въ которыя выставляются дула ружей.

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 124.

**) *Флетчеръ*: „О Русскомъ государствѣ“, глава 17.

Ее возятъ вслѣдъ за войскомъ, куда бы оно ни отправлялось, разобравъ на составныя части и разложивъ ихъ на телѣги, привязанныя одна къ другой и запряженныя лошадьми, коихъ однако не видно, потому что онѣ закрыты поклажей какъ бы навѣсомъ. Когда привезутъ ее на мѣсто, гдѣ она должна быть поставлена (которое заранѣе избираетъ и назначаетъ гулевой воевода), то раскидываютъ, по мѣрѣ надобности, на одну, иногда на двѣ, на три мили и болѣе. Ставятъ ее очень скоро, не нуждаясь притомъ ни въ плотникѣ, ни въ какомъ-либо инструментѣ, пбо отдѣльныя доски такъ сдѣланы, чтобы прилаживать ихъ одна къ другой. Эта крѣпость представляетъ стрѣляющимъ хорошую защиту противъ непріятеля, особенно противъ татаръ, которые не берутъ съ собою въ поле ни пушекъ, ни другихъ орудій, кромѣ меча, лука и стрѣль. Внутри крѣпости ставятъ даже нѣсколько полевыхъ пушекъ, изъ коихъ стрѣляютъ, смотря по надобности“.

Однако, изъ этого описанія нельзя утвердительно сказать, какъ ставилась собственно деревянная ограда на позиціи — прямо на землю, или же ограду гулай-города составляли собственно телѣги съ поставленными на нихъ деревянными щитами, въ которыхъ сдѣланы отверстія для стрѣльбы; но въ послѣднемъ случаѣ трудно было бы производить

таковую изъ-за подобной ограды, такъ какъ, судя по описанію Флетчера, телѣги были высоки („поклажа закрывала лошадей“). Поэтому возможно, что ограда гуляй-города состояла изъ деревянныхъ щитовъ, поставленныхъ на колеса (зимою на полозья); по разстановкѣ па мѣстѣ, щиты эти скрѣплялись между собою деревянными, желѣзными или веревочными связями. При этомъ именно предположеніи и данъ чертежъ гуляй-города (рис. 13, 14 и 15) *). На позиціи онъ могъ образовать или длинную ограду ея, или отдѣльные опорные пункты въ видѣ вынѣшнихъ редутовъ. Названіе *города*, данное лѣтописцами гуляйной оградѣ, допускаетъ мысль, что она чаще составляла сомкнутую фигуру.

Изъ исторіи войнъ извѣстно, что примѣненіе въ полевомъ бою подобной подвижной крѣпости встрѣчалось и ранѣе появленія гуляй-города: въ XV вѣкѣ, во время религиозныхъ войнъ, предводитель гусситовъ Жижка употреблялъ въ бою *обозную крѣпость*, устройство которой, впрочемъ, отличалось отъ гуляй-города; была ли извѣстна нашимъ предкамъ эта *обозная крѣпость*, или гуляй-городъ составлялъ самобытное русское изобрѣтеніе, во всякомъ случаѣ, трудно сказать.

---

*) *В. Ласковскій*: „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“.

6. Сборъ войскъ (конницы).—Походныя движенія.—Боевой порядокъ и образъ дѣйствій войскъ въ бою.—Атака и оборона укрѣпленныхъ городовъ.—Характеръ веденія войнъ въ рассматриваемый періодъ.

Порядокъ сбора помѣстныхъ войскъ при Θεодорѣ Иоанновичѣ установился слѣдующій.

Когда предстояла война, начальники четырехъ *четвертей* *) именемъ царя рассылали повѣстки ко всѣмъ областнымъ намѣстникамъ для объявленія во всѣхъ городахъ, назначенныхъ участвовать въ походѣ, чтобы служилые люди являлись на службу въ такое-то мѣсто и въ такой-то день и тамъ представились бы такимъ-то начальникамъ.

Въ своемъ городѣ дворянинъ обязанъ былъ явиться воеводѣ, который осматривалъ его и его ратниковъ и записывалъ ихъ въ „смотрѣнные списки“ съ отмѣткою, кто какъ явился на службу—„коненъ и люденъ“. Списки эти потомъ воевода отдавалъ *окладчикамъ*, которые сличали ихъ съ помѣстными списками, кто явился вполнѣ по помѣстному окладу,

---

*) Для управленія все государство раздѣлялось на четыре части, называвшіяся *четвертями* или *четями*: посольская четверть (или приказъ), розрядная четверть (розрядъ), помѣстная и Казанская (изба, впоследствии—приказъ); управленіе каждою *четвертью* (приказомъ) находилось въ вѣдѣніи особаго дьяка.

кто нѣтъ. По сборѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ на общихъ сборныхъ пунктахъ, имъ составлялись списки (по городамъ) назначенными для сего розрядомъ особыми лицами *). Воеводы полковъ повѣряли явившихся по *наряднымъ спискамъ*, всѣ ли собрались. Иногда производилась общая повѣрка войска. Такъ въ 1556 году, собравъ рать на Окѣ противъ крымскаго хана и прибывъ въ Серпуховъ, Іоаннъ приказалъ воеводамъ счесть дѣтей боярскихъ по *наряднымъ* спискамъ; затѣмъ, получивъ донесеніе отъ воеводъ, что собрались всѣ, и осмотрѣвъ свой полкъ, царь поручилъ князю Владиміру Андреевичу сдѣлать общую повѣрку войска.

Времени для сбора войскъ къ общимъ сборнымъ пунктамъ полковъ требовалось много, что представляло, конечно, весьма важное неудобство, когда война являлась неожиданной; при сборѣ войскъ въ 1577 году въ Новгородѣ и Псковѣ для похода въ Лифляндію срокъ сбора войскъ въ упомянутыхъ городахъ *розрядомъ*, объявленнымъ въ апрѣлѣ (1), назначенъ былъ: 23 апрѣля („Егорьевъ день вешній“), 1 мая (Преполовеньевъ день), 16 мая (Возсесеньевъ день) и 9 іюня („Петрово заговѣино“) **).

---

*) См. „Древн. Рос. Вивлюфика“, ч. XIV, розряды 1577 года.

**) Тамъ же.

По сборѣ полковъ, осмотрѣ и повѣркѣ обязанныхъ помѣстною службою, полки распредѣлялись на меньшіе отряды, и затѣмъ войска выступали въ походъ по назначенію.

Походныя движенія производились большею частію очень медленно, — величина обыкновеннаго перехода не простиралась болѣе 15 верстъ. Походы большими арміями совершались чаще сухимъ путемъ; для подвозки же тяжестей, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ и артиллеріи, пользовались при возможности рѣками, въ противномъ случаѣ *нарядъ* перевозился на обывательскихъ лошадяхъ.

При походномъ движеніи арміи впереди шелъ *яртоуль*, или легкой кавалерійскій отрядъ, назначеніе котораго было — развѣдываніе о путяхъ и неприятелѣ и обезпеченіе главнаго войска отъ нечаянныхъ нападеній; въ случаѣ движенія по дурнымъ дорогамъ, по болотистой мѣстности, за яртоуломъ высылали особый отрядъ пососныхъ людей для починки и устройства мостовъ, гатей и проч. За яртоуломъ слѣдовалъ *передовой полкъ* (авангардъ), потомъ *большой* или главное войско и при немъ *нарядъ*, затѣмъ тяжести и обозы и наконецъ *сторжевой полкъ*.

Полки *правой* и *лѣвой* руки слѣдовали на своихъ сторонахъ и иногда на большомъ разстояніи отъ

главныхъ силъ; въ случаѣ, если можно было опасаться нападенія непріятеля значительными силами съ одной изъ этихъ сторонъ, соответствующій полкъ усиливался, какъ это было, на примѣръ, при движеніи подъ Казань въ 1552 году *).

При движеніи вблизи отъ непріятеля наблюдали большую осторожность, посылая во всѣ стороны развѣзды; однако развѣдывательная служба на дальнія разстоянія велась не всегда исправно; этимъ и можно только объяснить нечаянное нападеніе литовцевъ на войска князя Петра Шуйскаго въ 1564 году при движеніи его отъ Чашниковъ къ Оршѣ **). Этотъ же примѣръ свидѣтельствуетъ, что иногда при походныхъ движеніяхъ вдали отъ непріятеля оружіе и доспѣхи ратниковъ везлись за войсками на повозкахъ.

На ночлегъ войска располагались *станами* въ мѣстахъ, изобиловавшихъ водою, лѣсомъ и пастбищами; на ночь станъ обезпечивался отъ нечаяннаго нападенія противника выставлявшимися часовыми. Начальники имѣли ставки, а простые воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и соломы. Передъ выступленіемъ съ ночлега отдавалось приказаніе, въ какое именно время которому изъ полковъ выступать.

---

*) См. выше, стр. 28.

**) См. выше, стр. 85.

Встрѣтись съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, войска большею частью располагались оборонительно, усиливаясь мѣстностью, иногда окопами, въ особенности—гуляй-городомъ. Относительно боеваго порядка русскихъ войскъ того времени опредѣленныхъ указаній дать нельзя,—вопросъ этотъ не выясненъ, ему и по настоящее время не удѣлено надлежащаго мѣста въ нашей военной литературѣ; можно полагать, что пѣхота составляла центръ боеваго порядка и дѣйствовала пассивно, усиливаясь мѣстностью или прикрываясь гуляй-городомъ; по флангамъ и впереди строилась кавалерія, первую начинавшая бой. *Резервъ* является, повидимому, постоянно составною частью боеваго порядка, располагаясь всегда укрыто, „въ засадѣ“: искусно пользуясь резервомъ (главными силами, расположенными въ засадѣ), князь Горбатый-Шуйскій разбилъ Япанчу во время осады Казани въ 1552 году; обходомъ и ударомъ резерва въ тылъ крымскихъ татаръ князь Воротынскій рѣшилъ участь Молодинской битвы въ 1572 году. Конница дѣйствовала по способу иррегулярному: стремительность и сила перваго удара и малая стойкость при встрѣчѣ сильнаго сопротивленія были отличительными чертами ея образа дѣйствій. Если конницѣ удавалось съ перваго раза сломить непріятели, то

побѣда была рѣшена и ей оставалось преслѣдованіемъ довершить пораженіе разбитаго врага; если противникъ стойко выдерживалъ первый натискъ русской конницы, послѣдняя быстро приходила въ разстройство и въ безпорядкѣ бросалась назадъ за пѣхоту, которая принимала на себя всѣ удары непріятели и подъ защитой мѣстныхъ препятствій или гуляй-города сражалась съ необыкновеннымъ упорствомъ; весьма дѣятельную помощь оказывалъ ей *нарядъ*, располагавшійся за оградю гуляя, а иногда отдѣльно въ батареяхъ. Между тѣмъ воеводы устраивали конницу и снова вводили ее въ бой; неожиданное появленіе резерва изъ засады, атака во флангъ или тылъ противника рѣшали участь сраженія. Преслѣдованіе разбитаго врага хотя и велось, но слабо.

Относительно управленія русскими войсками въ бою не встрѣчаемъ обстоятельныхъ извѣстій. По свидѣтельству Флетчера, *большіе дворяне* (начальники) привязывали къ своимъ сѣдламъ по небольшому мѣдному барабану, въ который они били, отдавая приказаніе или устремляясь на непріятели. Кромѣ того были большіе мѣдные барабаны, которые возились за воеводами на деревянныхъ щитахъ, положенныхъ на четырехъ поставленныхъ рядомъ лошадяхъ, связанныхъ цѣпями; къ каждому бара-

бану приставлялось по 8 барабанщиковъ *). Посредствомъ этого боя воеводы и управляли, вѣроятно, движеніями и дѣйствіями своихъ полковъ.

Наконецъ, бросимъ бѣглый взглядъ на искусство русскихъ войскъ въ крѣпостной войнѣ.

До половины XV вѣка осадное искусство въ Россіи сдѣлало весьма малые успѣхи: тягостное 200-лѣтнее иго татаръ и постоянные раздоры князей, неизбежно сопровождавшіеся междуусобными войнами, разрушали внутреннее благосостояніе Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишали ее всѣхъ средствъ къ гражданскому и военному образованію. Введеніе огнестрѣльныхъ орудій въ теченіе долгаго времени не производило существенныхъ измѣненій въ старинныхъ пріемахъ взятія укрѣпленныхъ городовъ; объяняется это дурнымъ состояніемъ осадной артиллеріи, не имѣвшей ни собственныхъ искусныхъ пушкарей, ни свѣдущихъ по этой части иноземцевъ, слабымъ вооруженіемъ огнестрѣльными орудіями непріятельскихъ городовъ, что давало возможность съ успѣхомъ обращаться къ штурму, и недостаткомъ, вообще инженерныхъ познаній. Такимъ образомъ, до Іоанна IV въ осадномъ искусствѣ измѣнились только средства, т.-е. старинныя стѣнобитныя

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 105.

машины замѣнены были огнестрѣльными орудіями, но характеръ осады остался прежній *).

Произведенная въ 1552 году осада Казани превосходила, по искусству ея веденія, какъ предшествовавшія, такъ и послѣдовавшія осады, и какъ бы выказала всѣ познанія русскихъ по этой части. Успѣхомъ своимъ это предпріятіе, составляющее славную страницу въ исторіи нашего отечества, обязано какъ искусству главныхъ русскихъ воеводъ, участниковъ этой знаменитой осады, и вообще отличному дѣйствию русскихъ войскъ, такъ и предварительнымъ распоряженіямъ Іоанна IV, его характеру и настойчивости въ достиженіи поставленной цѣли. Сооруженіемъ укрѣпленнаго Свіяжска царь положилъ первое основаніе успѣху осады: владѣя укрѣпленнымъ пунктомъ, русскія войска имѣли возможность въ теченіе зимы, предшествовавшей ссадѣ, покорить многія изъ племенъ, принадлежавшихъ царству Казанскому, а войска, назначенныя для осады, нашли здѣсь пріютъ послѣ долгаго и труднаго похода.

Многочисленная армія и матеріальныя средства, назначенныя для осады Казани, соотвѣтствовали важности предпріятія — покоренію столицы значи-

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ II, стр. 127—129.

тельнаго царства, съ паденіемъ которой должно было рухнуть и это послѣднее. Главныя дѣйствія при осадѣ были основаны на подкопахъ, неизвѣстныхъ татарамъ, которые поэтому не могли принять противъ нихъ никакихъ оборонительныхъ мѣръ. Наконецъ, объединеніе власти надъ арміей въ рукахъ царя имѣло важное вліяніе на исходъ осады; запрещены были отдѣльныя дѣйствія: въ полкахъ — безъ приказаній воеводъ и этихъ послѣднихъ — безъ приказаній царя; благодаря этому, всѣ дѣйствія войскъ получили извѣстный порядокъ, надлежащее направленіе и послѣдовательность.

Что касается собственно инженернаго искусства въ этой осадѣ, то оно носитъ еще переходный характеръ, — здѣсь замѣтно смѣшеніе прежняго способа атаки съ новымъ. Для осады употреблена была многочисленная артиллерія и, въ то же время, привезены были рубленныя башни, тарасы и другія принадлежности прежнихъ осадъ, оставленныя западными народами. Въмѣсто циркумъ- и контръ-валаціонныхъ линій, входившихъ тогда во всеобщее употребленіе на Западѣ, русскіе прибѣгли для обложенія города къ тыну и турамъ; здѣсь въ первый разъ употребили закопы, траншеи и подступы для приближенія къ наружному краю рва, но работы эти производились еще медленно и были несовершенны.

Способы приближенія къ крѣпостному рву туррами, заложеніе туровъ (батарей) и вооруженіе ихъ осадными орудіями были уже выяснены въ своемъ мѣстѣ при описаніи осады Казани.

При послѣдующихъ осадахъ этого царствованія русскіе обратились къ старому способу атаки, т.-е. къ производствамъ изъ огнестрѣльныхъ орудій проломовъ въ городской стѣнѣ и затѣмъ—приступамъ; только осада Ревеля въ 1570 году представляетъ нѣкоторое исключеніе, такъ какъ здѣсь встрѣчаются дѣйствія постепенной атаки при посредствѣ траншей; впрочемъ, характеръ этихъ работъ въ точности неизвѣстенъ, — ихъ слѣдуетъ скорѣе считать случайностью и приписать совмѣстному дѣйствию русскихъ войскъ съ нѣмецкими дружинами Магнуса.

Оборона укрѣпленныхъ городовъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ находилась на высокой степени совершенства, что обуславливалось моральными свойствами русскаго народа и затѣмъ приемами инженернаго искусства. Она всегда была наступательная, активная; предки наши не ограничивались обороною собственно городской ограды, а выходили въ поле, *производили вылазки*; послѣднія являлись нерѣдко цѣлыми сраженіями, изъ которыхъ оборонявшіеся отступали въ городъ, когда уже не видѣли возможности держаться болѣе въ полѣ. При

подобномъ способѣ обороны защитники городовъ дѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна назначалась для обороны стѣнъ или вала, а другая—для производства вылазокъ. До начала осады городъ приводился въ оборонительное положеніе: исправляли поврежденія городской ограды, заграждали всѣ излишніе выходы въ поле и ограждали выходы, оставлявшіеся для производства вылазокъ; заботились о снабженіи крѣпости водою, для чего исправлялись *тайники*, или устраивали новые колодцы, иногда располагали искусственныя препятствія впереди ограды, для удержанія противника какъ можно долѣе подъ выстрѣлами; принимали мѣры для тушенія пожаровъ, для чего разставляли кадки съ водою; жгли предмѣстья, жители которыхъ удалялись въ городъ, и т. под.; не довольствуясь защитой заранѣе построенныхъ оградъ, сооружали во время осады внутри города другія, временныя, и за ними защищались съ неменьшимъ упорствомъ.

Защитники городовъ, называвшіеся сначала *заставою*, *засадю*, а впоследствии *осадными людьми* и *сидѣльцами*, раздѣлялись, какъ было упомянуто, на двѣ части. Часть войска, назначенная собственно для обороны ограды, распредѣлялась по стѣнамъ, башнямъ и воротамъ. Въ большихъ городахъ оборона наружной ограды ввѣрялась пѣсколькимъ вое-

водамъ, изъ которыхъ каждый, независимо отъ другихъ, завѣдывалъ своимъ участкомъ, подчиняясь главному воеводѣ. Каждый изъ такихъ участковъ подраздѣлялся на меньшіе, которыми завѣдывали *головы: осадные и обгъзжіе*. Размѣщеніе орудій во время приведенія города въ оборонительное положеніе, вѣроятно, не представляло большихъ затрудненій, потому что вооруженіе оградъ было вообще ограничено; притомъ же большая часть орудій, находившихся въ башняхъ, оставалась тамъ и въ мирное время. Въ приговорительныхъ работахъ и оборонѣ города принимали дѣятельное участіе и жители его: они заготовляли камни для ближайшей обороны, подносили снаряды и пр.

Наиболѣе замѣчательной обороной укрѣпленнаго города въ XVI столѣтіи является оборона Пскова въ 1581 году. Дѣйствія этой обороны показываютъ, что: 1) оборона велась активно, вылазки производились значительными силами и отличались рѣшительнымъ характеромъ; 2) крѣпостная артиллерія, хотя сравнительно слабая и разбросанная по стѣнамъ и башнямъ, въ рѣшительныя минуты оказывала важное содѣйствіе гарнизону при отбитіи штурмовъ, и 3) оборона была и подземная, заключающаяся въ перехватываніи непріятельскихъ подкоповъ; она велась съ знаніемъ дѣла и имѣла важное

значеніе. Объ употребленіи пороха въ подкопахъ русскіе въ первый разъ узнали въ 1535 году при оборонѣ г. Стародуба *), а спустя 17 лѣтъ послѣ того они употребили подкопы какъ главное средство при осадѣ Казани въ 1552 году. Здѣсь работы эти велись еще подъ руководствомъ *нѣмчина размысла*, у котораго были русскіе ученики; но въ 1581 году русскіе уже сами производили подземныя работы, и притомъ болѣе сложныя. Онѣ состояли въ веденіи слуховыхъ галлерей (*слуховъ*), которыя, выдаваясь за городскую стѣну, наблюдали за движеніями непріятеля подъ землю и преграждали ему дальнѣйшій путь. Благодаря всѣмъ искуснымъ оборонительнымъ мѣрамъ и мужественной, упорной оборонѣ, сто-тысячная армія Стефана Баторія должна была отказаться отъ атаки и осады крѣпости и обратиться къ блокадѣ, чтобы голодомъ заставить осажденныхъ положить оружіе; но едва сама не погибла отъ голода и холода.

Обращаясь, въ заключеніе, къ боевымъ достоинствамъ русскихъ войскъ царствованія *Грознаго* и его преемника, замѣтимъ, что военно-помѣстная система не могла, конечно, не отразиться неблагоприятно на боевыхъ качествахъ ихъ. Воинномъ былъ

---

*) См. выше, стр. 8.

уже не свободный дружинникъ, не знавшій ничего кромѣ ратнаго дѣла, а помѣщикъ; привязанный къ помѣстью всѣми своими интересами, не привыкшій къ военному дѣлу, для него случайному и временному, онъ не могъ имѣть и не имѣлъ боевыхъ качествъ дружиннаго воина; „испомѣщеніе“, въ сравненіи со старинною дружиною, погубило воинственный, *богатырскій духъ* въ русскихъ войскахъ. Однако, славные боевые подвиги ихъ при осадѣ Казани, оборонѣ Пскова, въ Молодинской битвѣ и нѣкоторыхъ другихъ—показываютъ, что русскія войска, предводимыя искусными и доблестными воеводами, проявляли отличныя боевыя качества, присутія вообще русскому народу: какъ и прежде они отличались неутомимостью въ трудахъ, мужествомъ, твердостью и терпѣніемъ въ нуждѣ и лишеніяхъ, храбростью въ нападеніи и необыкновенными упорствомъ и стойкостью въ оборонѣ; только въ отгерытомъ полѣ они сражались слабѣе, стараясь прибѣгать къ содѣйствию мѣстности и окоповъ (также и гуляй-города), какъ всѣ вообще милиціонныя войска.

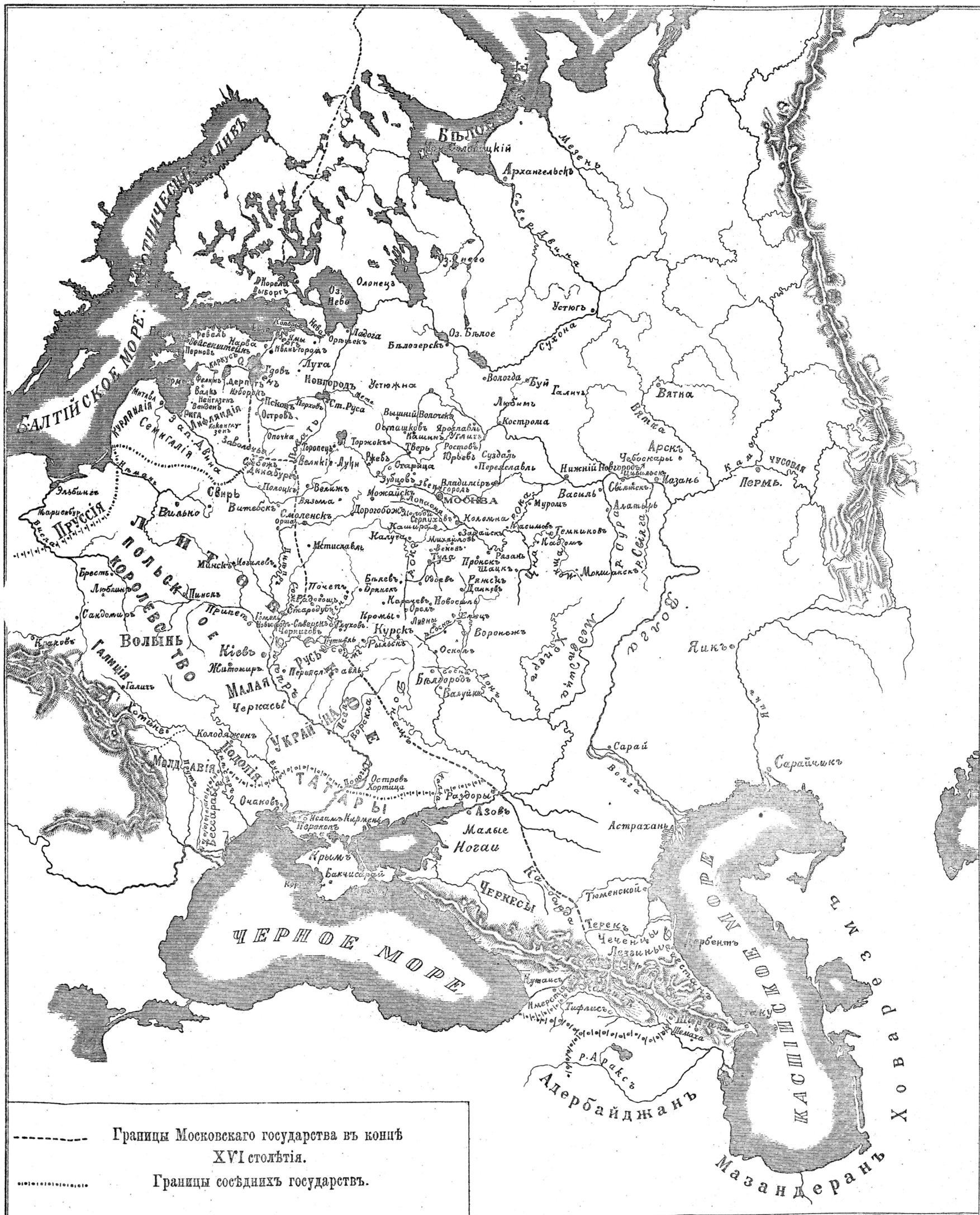
Мѣрами Іоанна IV введены были въ русскомъ войскѣ извѣстный порядокъ и возможное благоустройство; хотя войны его въ Ливоніи и носили характеръ всеобщаго разрушенія и погрома, но за

своеволю и буйство войскъ въ собственной землѣ царь строго каралъ своихъ воеводъ. Въ 9 же послѣдующихъ лѣтъ смутнаго времени исчезли всѣ слѣды благоустройства и порядка, расторглись всѣ узы подчиненности и повиновенія и войска предались буйству, своеволю и всѣмъ возможнымъ беспорядкамъ. Въ это мрачное время честь и славу русскаго оружія сохранили непомяченными только тѣ пародныя ополченія, которыя подвизались за свободу и самостоятельность своего отечества, спасли его отъ новаго иноплеменнаго владычества и возстановили въ немъ власть и порядокъ законные.

И. X—въ.

----- Границы Московскаго государства въ концѣ XVI столѣтія.
 ..... Границы сосѣднихъ государствъ.

ИЗВЛЧЕНІЕ

изъ распоряженій Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

О приобрѣтеніи изданія „Русская Военная Сила“.

«Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, опубликованнымъ въ Циркулярѣ по Округу № 2 за текущій годъ, на стр. 48, изданіе: «Русская Военная Сила». Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событий отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено группою офицеровъ генеральнаго штаба въ Москвѣ. Изданіе И. Н. Кушнерева—одобрено для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній для обоихъ возрастовъ».

«Съ своей стороны, по разсмотрѣніи вышедшихъ изъ печати выпусковъ, я нахожу, что они, при недорогой цѣнѣ, представляютъ, дѣйствительно, весьма полезное и богатое содержаніемъ чтеніе ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній младшаго и старшаго возрастовъ, и потому считаю не излишнимъ обратить на изданіе Кушнерева особое вниманіе педагогическихъ совѣтовъ названныхъ учебныхъ заведеній».

(Циркул. по Московск. Учебн. Округу. Мартъ, № 3, 1889 г.).

Склады изданія:

Главный—въ **Москвѣ**: домъ Высочайше утвержденнаго Товарищества печатнаго дѣла и торговли И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул.

При книжномъ магазинѣ Тихомировой. Кузнецкій Мостъ.

въ **С.-Петербургѣ**: у В. А. Березовскаго — Колокольная,
собств. домъ, № 14 —

и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

Извлеченія изъ одобреній изданія „Русская Военная Сила“.

ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

Учебный комитетъ при Св. Синодѣ.

Заключеніемъ Комитета, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, изданіе „Русская Военная Сила“ одобрено для библиотекъ духовныхъ Семинарій въ качествѣ книгъ для чтенія.

(Увѣдомленіе Комитета отъ 12 мая за № 413).

Военное Министерство.

Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній. (Циркуляръ 20 октября 1888 г., № 53).

„Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній приказалъ рекомендовать для библиотекъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ и старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ школъ“.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

„Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. Товарищемъ Министра, постановлено одобрить: для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для дѣтскаго и юношескаго возраста“.

О томъ заявлено въ журналѣ Министерства (№ 1, январь 1889 г.).

Морское Министерство.

Въ „Указателѣ Правительственныхъ Распоряженій по Морскому вѣдомству“ (декабрь 1888 г., № 49) объ изданіи, между прочимъ, сказано:

„Порядокъ изложенія состоитъ въ томъ, что авторъ сначала излагаетъ общій ходъ историческихъ событій въ связи съ военнымъ дѣломъ, при чемъ наиболѣе выдающіяся войны, походы и сраженія описаны довольно подробно, и нѣкоторыя сраженія иллюстрированы планами; затѣмъ объяснены способы образованія вооруженія силъ, рода войскъ, ихъ одежды, оружіе (съ рисунками), боевые порядки, укрѣпленія населенныхъ мѣстъ, атака и оборона ихъ, все это изложено правильнымъ языкомъ, на основаніи источниковъ, указанныхъ въ каждой книгѣ: читается легко и съ интересомъ.“

Морской Ученый Комитетъ, признавая изданіе это полезнымъ для библиотекъ учебныхъ заведеній и морскихъ командъ, объявляетъ по Морскому вѣдомству“.

Собственнаго Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

„Журналомъ Ученаго Комитета, состоящаго при Канцеляріи, утвержденнымъ господиномъ Главноуправляющимъ, изданіе одобрено для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотекы среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства“ (5 апрѣля 1889 г., № 5780).